

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ШВЕЙЦАРЕЦ

Annotation

Первый роман нового цикла Романа Злотникова! Новый подход к жанру альтернативной истории. ...Алекс не горевал о развале СССР и никогда не мечтал помочь Сталину разбить Гитлера малой кровью. У него были простые желания: жить в Европе и стать действительным членом международного байкерского клуба «Ангелы Ада». Казалось бы, мечты начали сбываться. Алекс работал в австрийской компании. Да и с байкерами все нормально складывалось. Вот только об одном не подозревал Алекс – что веселая поездка в Швейцарию обернется путешествием во времени и невеселыми последствиями для человечества...

- [Роман Злотников](#)
  -
  - [Маленькое обращение к читателям](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
- [notes](#)
  - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [85](#)
  - [86](#)
  - [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
  - [104](#)
  - [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
-

Роман Злотников

Швейцарец

© Злотников Р. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Маленькое обращение к читателям

Дорогие друзья! Это книга для меня немного необычна. Прежние мои циклы альтернативной истории отличались тем, что их герои еще до попадания успевали стать сильными и сложными людьми. Они еще до начала книги смогли многого добиться в своей жизни, доказали себе и окружающим, что у них достаточно решительности и способностей, чтобы отвоевать «под солнцем» достаточно значимое место. Герой же этой книги совсем не такой. Прямо скажем, он и не герой даже... Обычный парень, из тех, кто, как говорится в известной русской пословице, «ищет, где лучше». Не дурак, не лентяй, но ничего особенного. Большая часть достигнутых успехов (а они у него, конечно, есть, как, естественно, и у любого из нас) скорее результат не его собственных усилий, а сложившихся обстоятельств и давления внешней среды. То есть обычный простой человек. Но – имеющий потенциал постепенно, потихоньку развиваться в человека сложного, человека, способного взять свою жизнь в собственные руки.

Нет, в первой книге этого еще не произойдет, хотя и в ней он уже продвинется в этом направлении довольно далеко, но история точно не закончится одной книгой. Да и, скорее всего, второй тоже. Так что у нас с вами впереди еще много интересного.

И еще – я писал эту книгу, очень надеясь, что кто-то из вас, читателей, сможет увидеть в этом герое себя. И это побудит как-то переосмыслить свою собственную жизнь. Начать тоже выстраивать ее так, чтобы рано или поздно также стать сложным человеком. А такие люди нужны. Нужны стране, нужны миру, нужны Вселенной. Я глубоко убежден, что именно для этого Бог, Природа или там Всемирный разум и создали человека. И именно это имелось в виду, когда писалось, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Потому что человек не рождается и не вырастает «по образу и подобию» сам по себе, как трава или деревья. То есть упало «семечко» и через положенный срок – оп! и вот оно – по образу и подобию. Нет. Это не так. Но, и я в этом убежден, шанс стать таким есть. У всех нас. У любого.

Автор

Пролог

– О боже! – Фрау Микловски, первой выпорхнувшая на террасу, заполошно всплеснула полноватыми, но довольно изящно очерченными ручками и сразу после этого картинно прижала ладони ко рту. Впрочем, со стороны все смотрелось вполне естественно. Потому что картина, открывшаяся ее очаровательным глазкам, была из серии настоящих триллеров. Хотя ожидать чего-то иного после тех звуков, которые сдернули всех из-за стола и заставили броситься на улицу, не приходилось.

– Ну конечно! Кто бы это еще мог быть, если не Дитрих фон Белов с приятелями! – Герр Микловски, появившийся рядом с супругой всего лишь с секундным запозданием, нахмурил брови и неодобрительно покачал головой: – Похоже, к Волге ехали. На пляж. Или в клуб, в Саратау, на тот берег... – после чего повернулся к своему, как Алекс успел понять еще час назад, вечному оппоненту и, наставительно воздев палец, произнес: – А я всегда говорил, что фрау фон Белов слишком балует своего отпрыска. И что это точно до добра не доведет. Вот и результат!

– При чем тут младший фон Белов? Я тоже всегда говорил, что за маленькими детьми надо следить, – сурово отрубил герр Штольц. После чего продолжил, уже этак презрительно: – Хотя о чем это я? Эти славяне и тартары за собственной задницей не способны проследить как следует. Все время приходится направлять и контролировать. Вот уж действительно низшая раса...

– Вот опять вы за свое, Клаус, – тут же вскинулся Микловски, с охотой втягиваясь в очередной такт привычного обоим нескончаемого спора. – Будьте же благоразумнее! Ваши дремучие взгляды могут подвинуть нашего гостя из самого сердца Райха посчитать, что здесь, далеко на востоке нашей великой страны, людям до сих пор неизвестны новые, прогрессивные взгляды профессора кафедры антропологии Нюрнбергского университета герра Шнайдера, которые он изложил в своей работе «Новый взгляд на особенности генофонда туземных народов восточных окраин...».

Но вышеупомянутому «гостю из самого сердца Райха» сейчас было вовсе не до чьих-либо «дремучих взглядов». Потому что в данный момент он изо всех сил пытался справиться с подкатившей к горлу тошнотой, являвшейся результатом того, что его взгляд намертво прикипел к детскому тельцу, бесформенной кровавой кучкой замершему у подножия мачты уличного освещения, расположенной всего в десятке метров от той

террасы, на которую они все выскочили. То, что это лежит именно ребенок, можно было понять по небольшим общим размерам... м-м-м... получившейся кучки, а также по паре худеньких детских ножек, торчащих из-под рваного подола короткого платяица, набухшего кровью. По какому-то странному выверту они, в отличие от остального тельца, почти не пострадали при ударе... Ножки были одеты в трогательные белые носочки и лакированные красные сандалики. Вернее, в сандалик была обута только правая ножка, а левая, на вид практически целая, но вывернутая в коленке под неестественным углом, оказалась босой. Слетевший с нее сандалик валялся чуть дальше, сразу за мачтой освещения, на нижней части которой расплывалось огромное кровавое пятно, явственно свидетельствующее о том, что маленькая жертва аварии окончательно и бесповоротно мертва. Ибо даже взрослому человеку после потери подобного объема крови выжить было бы очень проблематично, а уж ребенку...

– Позвольте вам заметить, – между тем продолжал горячиться Микловски, – что в наше время следовать воззрениям времен Великого фюрера могут только абсолютные ретрограды и глупцы. Сейчас как-никак двадцать первый век на дворе. Нет, я не спорю – во время Великой войны Райх был со всех сторон окружен врагами, так что подобное жесткое отношение в те времена было вполне оправданным. Но сейчас, во время гуманности и международной разрядки напряженности, когда гегемония Райха в Евразии и Африке уже десятилетия никем не оспаривается, подобный подход...

– Да чушь городите! – ревел в ответ Штольц. – Как может устареть то, что однозначно и неизменно верно? И не тыкайте мне в лицо этой вашей гуманностью и разрядкой. Гегемония Райха сильна именно потому, что мы никому не позволяем...

Алекс наконец-то с трудом сумел оторвать взгляд от лежащего на асфальте детского тельца, после чего угрюмо покосился на этих «токующих тетеревов». Черт, у них вообще есть хоть какие-то понятия о приличиях? Тут в конце концов только что ребенок погиб, а эти... Но, несмотря на прозвучавшую в начале данного такта их бесконечной дискуссии апелляцию к «гостю», Штольц и Микловски даже не заметили его неодобрительного взгляда, продолжая привычно ругаться друг с другом. Причем, судя по тому, что слышал Алекс, к настоящему моменту этот спор ушел очень далеко в сторону от произошедшей здесь трагедии, перейдя в, похоже, куда более интересные для обоих оппонентов области расовых теорий и их соответствия последним исследованиям в биологии и генетике... Ему захотелось грубо оборвать их столь неуместный, на его

взгляд, в данной ситуации спор. И Алекс уже совсем было собрался с духом, дабы действительно сделать это – как вдруг на улице появилось новое действующее лицо...

– Ы-ы-ы-ммм... – Вылетевшая из-за угла высокая, черноволосая и статная, но при этом крайне растрепанная женщина, одетая в длинное платье, украшенное кружевным воротничком, гармонирующим с накрахмаленным кружевным передником, и в столь же накрахмаленной кружевной наколке на волосах, сейчас съехавшей на левое ухо, на мгновение замерла, уставившись неверящим взглядом на детское тельце, а затем издала придушенный стон и со всех ног бросилась к мертвой девочке... Подбежав вплотную, женщина упала на колени и обеими руками буквально сгребла с асфальта то, что осталось от ребенка, прижимая весь этот окровавленный ужас к груди и никак не реагируя на то, что из-за ее судорожного движения от трупика отвалились какие-то куски и упали обратно на асфальт. Алекса еще сильнее замутило, и он торопливо отвел взгляд, опасаясь, что не выдержит и сблует...

Вокруг было удивительно малоллюдно. Нет, люди имелись – на тротуарах, террасах соседних домов, а кое-кто маячил в открытых по случаю жары окнах. Но общая реакция разительно отличалась от той, которую, по идее, можно было бы ожидать. Никто из наблюдавших и не подумал подойти поближе к месту происшествия, чтобы, например, предложить помощь, «наехать» на виновников, которые торчали метрах в двадцати дальше, рядом с Porsche с разбитым и заляпанным кровью бампером, или хотя бы просто, блин, заснять все получше на смартфон, чтобы сразу же запостить... Нет! Все просто смотрели на происходящее, оставаясь на местах и негромко переговариваясь друг с другом. Как будто они находились в театре, а то, что происходило, было неким спектаклем, причем неинтересным и скучным... А кое-кто уже вообще развернулся и равнодушно двинулся прочь. Подобная реакция внезапно заставила Алекса вновь и очень остро почувствовать нереальность происходящего и собственную чуждость по отношению к этому миру и этому времени. И вздрогнуть от этого осознания... О господи! Как же... ВСЕ! НЕ! ТАК!

Между тем женщина в одежде горничной стиснула окровавленное детское тело в объятиях, не обратив никакого внимания на то, что из-за этого она сама полностью изгваздалась в крови, и, прижав его к груди, тонко даже не заплакала, а завывала, принявшись раскачиваться вперед-назад. И вот это уже вызвало некоторую реакцию. Спорщики за спиной осеклись и замолчали. А трое молодых людей, стоявших у разбитого Porsche, вообще слегка подались назад и как-то... поежились, что ли...

– Хм, а бампер-то они себе разнесли знатно... – задумчиво произнес герр Штольц спустя несколько секунд тяжелого молчания. – Ремонт не меньше чем на двести марок потянет.

– Какое двести, – тут же привычно не согласился Микловски. – Все триста пятьдесят!

Алекс судорожно сглотнул подступивший к горлу ком и, резко развернувшись, гневно искривил губы, собираясь разразиться гневным возгласом. Но его опередила фрау Микловски.

– О чем вы говорите?! Ведь ребенок погиб! Как вы можете...

– Хм, да, дорогая, прости. Конечно, это очень, очень печально, – несколько смущенно закивал ее муж, – но должен тебе заметить, что... – Однако что именно собирался заметить Микловски, окружающим узнать так и не удалось. Потому что в этот момент на «сцене» появилось еще несколько действующих лиц.

Во-первых, наконец-то подъехала полиция. Без сирены, но с мигалками. Старенький серый Opel с зеленой полосой вдоль корпуса и надписью Polizei припарковался метрах в десяти от Porsche, и из него неторопливо выбралась парочка полицейских в черных мундирах. И во-вторых, почти сразу же после полиции к месту происшествия подкатил открытый кабриолет Mercedes задорно-вишневого цвета, управляемый ухоженной дамой средних лет, одетой строго, но весьма дорого.

– Вот и фрау фон Белов прикатила, – удовлетворенно произнес Микловски. – Ну сейчас младшенькому достанется на орехи.

– Не понимаю, как можно радоваться тому, что юношу с арийской кровью унижат в присутствии унтерменшей, – тут же отозвался Штольц.

– А я считаю, что справедливое воздаяние виновному не только не может никого унижить, но и, наоборот, весьма способствует росту авторитета перед... – охотно включился Микловски в новую тему.

Женщина же, покинув кабриолет, величественно прошествовала (иначе не скажешь) к полицейским, которые уже достали свое оборудование и принялись за дело, и что-то негромко у них спросила. Более пожилой полицейский на мгновение оторвался от своего занятия и, разогнувшись, окинул оценивающим взглядом общую картину, после чего столь же тихо ответил. Женщина недовольно поджала губы, а затем развернулась и уже весьма решительным шагом двинулась к троице, переминающейся с ноги на ногу рядом с Porsche. Подойдя вплотную, она снова что-то негромко спросила у одного из юношей, ожидавшего ее прибытия с крайне унылым видом. Тот что-то нехотя пробурчал в ответ, после чего... дама резко и почти без размаха вlepила юному собеседнику

мощную оплеуху. Весьма мощную... У парня аж голова дернулась. Да уж, судя по удару, ручка у ухоженной дамы оказалась весьма увесистая и, похоже, весьма тренированная. На прислуге наловчилась или на нерадивых работниках? Впрочем, у такой фрау работники вряд ли могли себе позволить долго оставаться нерадивыми...

– Эк как она, – удовлетворенно прокомментировал Микловски, отвлекаясь от спора, – уважаю.

– А я не вижу в этом поступке ничего заслуживающего уважения, – тут же заявил Штольц. – И вообще, я считаю, что столь открытое и публичное...

Алекс зло насупился и покосился на эту парочку. Да что ж они все никак не угомонятся-то! Между тем ухоженная дама снова развернулась и решительно подошла к женщине в платье с передником, все это время продолжавшей, подвывая, раскачиваться, обнимая детский трупик, и что-то тихо спросила уже у нее. Однако та никак не отреагировала на вопрос, продолжая все так же раскачиваться, уставив застывший взгляд куда-то в небытие. Дама с минуту подождала, потом, видимо, повторила вопрос, а затем, так и не дождавшись ответа, расстегнула висящий на ее руке небольшой, но стильный клатч и достала кошелек. Выудив из него несколько, судя по расцветке, довольно крупных купюр, она протянула их женщине, которая, похоже, являлась матерью или близкой родственницей погибшего ребенка, а когда та вновь никак не отреагировала, властным жестом просто засунула их женщине прямо за кружевной воротник. Алекс невольно вздрогнул, потому что ее жест очень сильно напомнил ему жест Гюнтера Ауэрбах, гражданина первого класса в стриптиз-клубе «Веселая полячка». Именно таким, хозяйски-властным жестом он запихивал приблизительно такую же сумму за подвязку стриптизерши, исполнившей перед ним то, что в подобных заведениях деликатно именовали словосочетанием «публичный приватный танец»... Алекс сглотнул. Ну что за дурацкие ассоциации лезут в голову?! Здесь же случилась трагедия, а у него в голове воспоминания о стриптиз-клубе всплывают... Мадам же не стала дожидаться какой-либо реакции на свой поступок, а спокойно развернулась и двинулась к покоцанному Porsche. Подойдя к машине, фрау фон Белов распахнула водительскую дверь, наклонилась внутрь салона и все тем же, видимо, естественным для нее решительным движением выдернула ключи из замка зажигания, тут же спрятав их в клатч. После чего повернулась к юноше, на щеке которого уже начал наливаться красным отпечаток ее тяжелой ручки, и зло и громко объявила:

– Две недели без машины!

Парень, все это время переминающийся у своего авто, уныло свесив голову, в ответ на эти... м-м-м... жестокие слова возмущенно вскинулся и плаксиво закричал:

– Ну ма-ам! Ну мы ж с ребятами в субботу в Вольскбург собрались... – но фрау фон Белов развернулась и, проигнорировав его вопли, прошествовала в сторону своего кабриолета. Молча сев за руль, она завела двигатель, и спустя десяток секунд блестящий лаком Mercedes исчез за ближайшим поворотом. Юный Дитрих еще несколько мгновений обиженно пялился на угол улицы, за которым исчез кабриолет с его матерью, а потом зло сплюнул и возопил:

– Черт! Ну почему она всегда так?! Все планы коту под хвост... – после чего повернулся и угрюмо побрел в сторону уже убравших приборы полицейских, старший из которых все еще что-то набирал на планшете, бросая взгляды то на побитый Porsche, то на все еще раскачивающуюся женщину.

Разговор между юным фон Белов и полицейским надолго не затянулся. Юноша молча покивал, угрюмо слушая что-то добродушно объясняющего ему полицейского, после чего уныло выудил из кармана документы на машину и отдал старшему наряда, а затем все с тем же угрюмым видом взял ручку, предложенную полицейским, и размашисто расписался на подsunутом им протоколе. После чего развернулся и, сокрушенно махнув рукой приятелям, с крайне недовольным видом двинулся в сторону кнеіре [\[1\]](#), чья вывеска призывно горела через три дома. Приятели тут же оживились и шустро выдвинулись в том же направлении, по ходу присоединившись к своему вожаку. Алекс проводил их удивленным взглядом и развернулся к парочке, все это время продолжавшей о чем-то увлеченно спорить.

– Э-э... г-господа, я что-то не понял, а-а-а почему полицейские никого не задержали? – и он кивнул подбородком в сторону уже почти добравшейся до кнеіре компании. Оба вечных оппонента тут же замолчали и недоуменно уставились на него. Похоже, они искренне не поняли суть вопроса... Но через пару мгновений лицо герра Микловски полыхнуло озарением, и он облегченно рассмеялся.

– А-а-а-а, ну да, у вас же там, в самом сердце Райха, вы, вероятно, с этим никогда не сталкивались... – он наморщил лоб и деликатно начал: – Понимаете, герр Майер, эта погибшая девочка, судя по всему, из туземцев. А это значит, что ее семья обладает статусом максимум «кандидатов в граждане». А скорее всего, они и вовсе всего лишь «местнопроживающие». Точно я вам сказать не могу – надо будет позже уточнить у полицейских,

если вам интересно... Ну а на лиц данных категорий... м-м-м... как бы это поточнее... скажем так – юридическая защита законов Райха распространяется далеко не в полном объеме. И уж точно в куда меньшей степени, чем на полноправных граждан. Понимаете?

Алекс несколько мгновений недоуменно смотрел на Микловски и Штольца, потом перевел взгляд на женщину, все так же прижимающую к груди детский трупик, а затем тихо спросил:

– Так их что, вообще никак не накажут?

– Ну что вы! – возмущенно вскинулся Микловски. – Как можно?! У нас же правовое государство. Наказание непременно последует. Но-о... понимаете... как бы вам это объяснить... Вот, скажем, если у вас дома, в сердце Райха, – вновь повторил он так любившееся словосочетание, – один человек задавит соседа, полного гражданина, а второй... м-м-м... скажем, курицу или кошку – они что, понесут одинаковое наказание? Вот и здесь – наказание непременно будет и, можете мне поверить, вполне суровое. *Dura lex, sed lex* – как говорится. Не говоря уж о том, что и сама фрау фон Белов дама весьма строгих моральных правил и точно не спустит сыну... да вы и сами видели! Но это наказание будет произведено в полном соответствии с законами Райха. А они здесь, на Востоке, как вы понимаете, м-м-м, несколько отличаются от тех, к которым вы привыкли у себя.

Алекс несколько мгновений ошарашенно пялился на Микловски, потом перевел свой изумленно-неверящий взгляд на Штольца, после чего нервно хмыкнул.

– Курица? Кошка?! Да уж... – Он стиснул зубы и покачал головой. Чее-еерт! А ведь он все это слышал раньше. Точно! «Люди с прекрасными лицами» и «быдло, голосующее за...» или «креативный класс» и «генетический мусор»... Да что там слышал... Он и сам тоже... Алекс шумно выдохнул и решительно произнес: – Да, надо быстрее возвращаться домой...

– Как домой? – Штолец, все это время смотревший на него слегка снисходительным взглядом, ну, типа, как водитель трактора смотрит на модно упакованного, но в данный момент растерянного и испуганного водителя застрявшего в непролазной грязи тверских ебеней модного кроссовера, всплеснул руками. – Герр Майер, а как же охота? Мы же с вами договорились поохотиться в волжских плавнях. Вы нигде не найдете лучшей «перьевой» охоты, чем в наших местах. Уж можете мне поверить. Там, у вас, все охотничьи места уже давно сильно изгажены цивилизацией, и только на таких, как у нас, окраинах Райха еще можно встретить...

Но Алекс лишь криво усмехнулся и мотнул головой.

– Нет, герр Штольц, я понял, что мне срочно нужно домой. Я... я кое-где очень сильно накосячил, и теперь нужно срочно все исправить, – после чего решительно развернулся и двинулся внутрь дома. Собираться.

Глава 1

– Да, мама... конечно, мама... – Молодой человек, одетый в модные драные джинсы и культовую «косуху» фирмы First, неуклюже топтался у заднего кофра своего мотоцикла, пытаясь левой рукой отщелкнуть стильную бронзовую застежку. Это было не очень-то легким делом, поскольку под мышкой этой самой руки был зажат весьма брутальный мотоциклетный шлем, стилизованный под немецкую каску времен Второй мировой, и еще на руке болтались винтажно выглядящие мотоочки-консервы, весьма стильно сочетающиеся как раз с таким шлемом. Ну а правая рука была занята телефоном, по которому он как раз и разговаривал.

– Мам, я не мог ответить, потому что ехал! Вот как припарковался, так сразу тебя и набрал. – Застежка наконец-то поддалась, и обрадованный парень попытался все так же одной рукой перехватить шлем, дабы поместить его в кофр. Но в самый ответственный момент тот выскользнул из рук и шмякнулся на плитку, которой была замощена мотопарковка.

– Scheiße! ^[2] – нервно выругался парень и тут же поспешно забормотал в трубку: – Нет, мама, это я не тебе... Конечно, мама... Я понимаю, мама... Я стараюсь сдерживаться, мама... – одновременно с этим наклоняясь и протягивая руку к шлему. Но дотянуться до него без новых проблем ему, как быстро выяснилось, было так и не суждено. Потому что, когда от пальцев вытянутой руки до шлема осталось еще сантиметров пять-семь, вниз по руке соскользнули те самые винтажные очки, которые звонко грохнулись на плитку рядом со шлемом.

– Scheiße! – уже в голос выругался парень. – Да нет же, мам, – я же сказал, что это не тебе. Просто у меня тут... Ма-ам... Ма-ам, ты меня слышишь?.. Ма-а-ам... ну хватит уже! Мне уже двадцать три года! Да, в конце-то концов!.. – с этими словами парень раздраженно оторвал от уха iPhone последней модели и несколько мгновений сверлил его раздраженным взглядом. Если бы кто-то наблюдал все происходящее со стороны, ему могло показаться, что молодой байкер сейчас в раздражении саданет телефоном о стену или шмякнет им о плиточное покрытие парковки, но он все-таки сумел удержаться от столь... кхм... неразумного поступка и просто аккуратно положил iPhone на седло. После чего быстро поднял шлем и очки и двумя руками уложил-таки их в стильный кожаный кофр, украшавший задний багажник «Харлея». И все это время из лежащего на седле продукта фирмы Apple продолжало нестись:

– ...а ума у тебя до сих пор – как у пятнадцатилетнего! Вот если бы ты не потратился на этот свой дурацкий мотоцикл, то вполне уже успел бы накопить на первый взнос на квартиру. И твоя мамочка давно бы уже была рядом с тобой.

Парень скривился и сделал классический, даже несколько картинный *faceralm*, после чего схватил телефон и торопливо заговорил:

– Так, мам, все, я больше не могу говорить. Я должен бежать на совещание к *Chef des Labors* [3]. Я тебя люблю, пока...

– Вот почему, стоит мне только упомянуть о моем приезде, как ты сразу же бросаешь трубку, мой маленький негодник? – раздалось в ответ из динамика. – Ладно, беги, Саша. Я тоже тебя люблю...

Когда Алекс (он предпочитал, чтобы его называли именно так – имя Александр или Саша казалось ему слишком русским и, ну-у-у... типа, провинциальным) наконец добрался до места своей работы, начальника еще, слава богу, на месте не было. Но тем не менее герр Адлер, за которым в лаборатории закрепилась кличка «Duenna» [4], смерил его недовольным взглядом и демонстративно перевел его на большие электронные часы, висящие над забранной стеклом выгородкой, в которой и располагался, так сказать, кабинет начальника лаборатории герра Мозеса. Можно было не сомневаться, что сразу же по появлении начальника лаборатории на рабочем месте ему непременно будет доложено об очередном опоздании «этого русского». Нет, официально рабочий день в лаборатории начинался в восемь утра, но Алекса сразу же при поступлении на работу предупредили, что «у нас принято приходить к семи сорока пяти». Ну чтобы до начала рабочего времени успеть раздеться, надеть халат, помыть руки и ровно в восемь ноль-ноль приступить к своим официальным обязанностям. Причем, насколько Алекс смог узнать, такое особенное предупреждение сделали именно ему. Поскольку подразумевалось, что настоящие *diedeutschen* [5] и так все прекрасно понимают и им никаких предупреждений по этому поводу не требуется. Впрочем, если честно, так оно и было на самом деле...

– Guten morgen [6], бро! – Алекс, как раз в этот момент торопливо натягивающий на себя лабораторный халат веселенькой салатово-голубой расцветки, на мгновение замер в позе «распятого орла», вымученно улыбнулся и, рывком натянув-таки лабораторную униформу, помахал в ответ своему единственному в местных пенатах другу. Ну как другу... скорее близкому приятелю, с которым ему удалось сойтись на почве любви к мотоциклам. Дитрих состоял в австрийском чепте *Hell's Angels MC* [7],

куда сам Алекс просто мечтал вступить. Но получить полноценное членство в этом, вне всякого сомнения, самом крутом и престижном международном объединении байкеров можно было только по рекомендации. И Алекс уже давно обхаживал Дитриха на этот счет. Впрочем, не одного его. Поскольку одной рекомендации для вступления было мало... Хотя, надо сказать, чего-то сверхъестественного ему пока делать не приходилось. Так – бегать парням за пивом, мыть их мотоциклы, угощать выпивкой. То есть ни с чем из тех страшилок, которые ходили в среде начинающих байкеров о «посвящении»... ну знаете... типа «двадцать пьяных мужиков запускают по кругу» или там «деревянный сорокасантиметровый с двумя рогами», он на данный момент так и не столкнулся. Но Алекс, вполне возможно, согласился бы и на это... Поскольку, несмотря на то что он (в том числе и по своему собственному мнению) вырвал у жизни самый что ни на есть счастливый билет – сумел-таки перебраться в казавшуюся из дома такой теплой, уютной и счастливой Европу, чувствовал он здесь себя пока не очень-то и уютно. Нет, внешне все было красиво – дома, обустроенность, чистые дороги, чистые подъезды, но-о-о... никого рядом. Хотя уже прошло почти полтора года с момента переезда. Вот в общаге «Губки» на Бутлерова они с мужиками плотно закорешились уже к концу первого семестра. И это еще при его довольно-таки замкнутом характере. Некоторым так вообще хватило одной недели...

Так что Дитрих, с которым можно было неформально пообщаться на близкие и интересные темы, был для Алекса очень ценен сам по себе, даже безотносительно будущей рекомендации. Тем более что в иерархии лаборатории Дитрих занимал должность на одну ступеньку выше, чем Алекс, но ничуть этим не кичился. Во всяком случае, внешне это никак не проявлялось... Так что да – по местным меркам Дитриха, пожалуй, вполне можно считать другом.

– Guten morgen, Дитрих. Как погонял в воскресенье?
– Тот расплылся в довольной улыбке.
– Отлично! Мы сгоняли до Попрада. Жалко, что ты с нами не поехал.
– Вы же собирались в Дебрецен? – удивился Алекс, плюхаясь на стул и подвигая к себе микроскоп и кляссер с пробами. Парень пока состоял при клубе в статусе даже не «перспективного», а «шустрилы», в то время как Дитрих был полноценным членом. Но даже этот статус вполне позволял Алексу кататься вместе с парнями из клуба. Что он и делал время от времени. Хотя не так часто, как хотелось бы. Увы, кредиты, в которых парень увяз, почти сразу по переезде решив «не ждать старости, а жить

сразу как мечтается», очень быстро потребовали неременной регулярной подработки. Вследствие чего ему почти не оставалось времени на то, чтобы вести ту самую жизнь. Вот такой получился парадокс...

– Так Толстый Вилли заболел, – пояснил Дитрих. – Так что решили довериться Пивовару Байеру.

– Поня-я-ятно... – протянул парень. Толстый Вилли был «дорожным капитаном» маршрутов по Венгрии, Сербии и дальше на юг. Так что его отсутствие по болезни делало путешествия в данных направлениях несколько... менее предсказуемыми. Что для байкеров – вроде как наплевать и растереть. Главное же свобода – мчаться по трассе, и ветер в лицо! Но это только если не помнить, что речь идет о *немецких* байкерах. Вернее, австрийских, но в данном случае разницы никакой... Пивовар же отвечал за направления, ведущие на восток от Вены.

– Герр Штрауб, вынужден вам напомнить, что уже одна минута девятого, – проскрипел из своего угла герр Адлер. Алекс скорчил Дитриху грустную рожу и торопливо подвинул к себе микроскоп, правой рукой выуживая из кляссера первую пробу...

Саша с молодых ногтей рос в полном осознании того, что его судьба – жить в Европе. Потому что так ему всегда говорила любимая мамочка.

Он родился уже несколько позже того момента, когда великая, сотнями поколений собираемая и оберегаемая страна распалась на куски ровно по начертанным исполнителями «великой ленинской национальной политики» границам. И его детство пришлось как раз на те самые «благословенные девяностые», которые подавляющее большинство населения одной шестой части суши не способно было вспоминать без мата. Впрочем, сами девяностые он помнил весьма смутно. Ну сколько ему тогда было-то – года три-четыре? В таком возрасте мир для человека сильно ограничен и, как правило, способен вместить в себя лишь дом, детский сад и двор с пацанами. Ну и место проживания бабушек с дедушками. У кого они есть, конечно... А со всего остального большого мира до этого «детского мирка» добираются только лишь некие отголоски. Например, в виде видеосалонов, в которых можно посмотреть «настоящие американские» мультики, или невозможности купить какую-нибудь понравившуюся игрушку и лишний раз полакомиться мороженым. Ну не было у матери-одиночки в провинциальном Энгельсе особых возможностей побаловать сыночка чем-нибудь таким. Зато была мечта, доставшаяся ей от исчезнувшего с горизонта через полгода после свадьбы мужа, подарившего женщине кроме ребенка еще и «настоящую европейскую» фамилию. Муженек был из тех самых немцев Поволжья, при Сталине высланных в Казахстан, которые во

времена Перестройки коротким проездом «по реабилитации» заехали на «землю дедов», чтобы, почти не задержавшись, проследовать далее уже на «землю предков».

Вернее, если уж быть до конца откровенными, эта мечта у выросшей в провинции девчонки зародилась и окрепла еще до замужества. Ну да, а кто из таких вот провинциалочек в юном возрасте не мечтал, как это поется в песне, «жить на Манхэттене», да еще и чтобы «с Деми Мур делиться секретами»? Но для большинства ее сверстниц подобные мечты, как правило, остаются всего лишь мечтами. Вернее, пустыми мечтаниями. Ну, типа, о «принце на белом коне», который прискачет, влюбится и тут же решит все какие ни на есть проблемы с переездом на Манхэттен. Сами же они для сего, как правило, ничего не предпринимают и предпринимать не собираются. Ни выучить язык, ни просто выучиться, чтобы прорваться в какой-нибудь сильный вуз, где можно получить не всего лишь «корочки», а реальные знания, которые точно помогут продвинуться в профессии и заработать на воплощение мечты. Ну или, на худой конец, «захомутать» там кого-то из тех, кто реально может сделать все то, о чем мечтается. Потому что именно в сильных и престижных вузах, в которые очень сложно поступить таким вот не имеющим ни связей, ни денег, ни московской прописки провинциалочкам, популяция таковых максимальна... Так что, когда со временем становится ясно, что принц где-то надолго задержался или вообще свернул куда-то в сторону, они успокаиваются и начинают чувствовать себя вполне комфортно в должности продавщицы в продовольственной лавке, кондуктора автобуса или, при самой уж большой удаче, менеджера по работе с клиентами в периферийном отделении мелкого или даже не очень банка... Впрочем, некоторые, к каковым относилась и мама нашего главного героя, идут дальше – открывая охоту если уж не за принцами, то за их конями. Потому что это ж понятно – куда принц, туда и конь. Так что если принца занесет-таки на Манхэттен, то и ей может отыскаться местечко в теплом стойле где-нибудь рядышком. А там – кто знает, может и Деми Мур откуда-то подтянется...

И ровно за год до рождения любимого отпрыска ей показалось, что она вытянула-таки свою козырную карту. Приобрела если не коня, то как минимум выючного осла, который и сможет доволочь на своем хребте мечтающую «о Европе» провинциалку в сияющий мир ее грез. Тем более что и сам он был нацелен на подобное развитие событий. Но... что-то пошло не так. Возможно, сказался несколько стервозный характер новоиспеченной жены, сразу же после свадьбы не только деловито

устроившейся на шее молодого мужа, но и начавшей активно подминать под себя еще и новоиспеченных родственников. Что, естественно, очень не понравилось свекрови. Причем настолько, что она вдрызг разругалась с невесткой. И начала планомерно капать на мозги «совершившему большую ошибку» сыночку. А это в конце концов и привело к тому, что семья Штрауб отбыла на «землю предков» в несколько сокращенном составе. Впрочем, может быть, это все не имеющие никакого отношения к реальности грязные инсинуации, а дело и взаправду было в том, что, как она всегда и говорила, все новоиспеченные родственники оказались полными негодяями...

Как бы там ни было, Саша рос с полным осознанием того, что его жизненной миссией является вырасти, получить «хорошую профессию» и свалить за границу, где по быстренькому обустроиться и исполнить-таки наконец мамочкину мечту о «нормальной жизни в нормальной стране». Причем главным во всей этой цепочке считалось именно обеспечить выезд за границу. После чего все должно было разрешиться само собой к их с мамой вящему удовольствию. Потому что там же «цивилизованная Европа», где деньги на людей сыплются сами и никаких «герров Адлеров» просто технически не предусмотрено...

– Ну что, бро, двинули пожрем?

Алекс оторвал взгляд от окуляра микроскопа и с хрустом потянулся. Ого! Уже время обеда. Вот он заработался... Сначала-то он специально постарался настроиться на скрупулезно-рабочий лад, чтобы его деловитый вид сработал диссонансом доносу этого педанта Адлера, который, совершенно точно, должен был «надуть в уши» герру Мозесу сразу по его появлению. А потом как-то так и втянулся.

– Ну, давай. Куда двинем – в kaffeestube ^[8] или на второй этаж?

На втором этаже располагалась большая столовая, в которую приходили обедать не только служащие из лабораторно-административного корпуса, но и народ с ближайших промплощадок всего комплекса Petrochemie Danubia, расположенного в Швехате и принадлежащего крупнейшей в Центральной Европе Австрийской нефтяной компании OMV. А еще там можно было пообедать за талоны, которые выдавались в административном отделе всего за десять евро. В то время как сам обед тянул по меньшей мере на пятнадцать.

– Пошли в kaffeestube, – предложил Дитрих. И пояснил: – У меня талоны кончились, так что без разницы, куда идти, но в kaffeestube сейчас народу меньше.

– Как скажешь, – пожал плечами Алекс, поднимаясь из-за стола и

стягивая с плеч халат. – Двинули!

В kaffeestube действительно было не слишком многолюдно. Ну да, немцы – народ бережливый. И если есть возможность всего за десять евро получить обед, который в kaffeestube обойдется минимум в пятнашку, то будет полной глупостью ей не воспользоваться.

Они уже насытились и неторопливо смаковали десерт, когда у Дитриха зазвонил телефон. Выудив его из кармана, он слегка скривился, но мазанул пальцем по экрану и приложил его к уху.

– Слушаю, mutter ...^[9] – Он некоторое время вслушивался в то, что ему говорили, а затем резко бросил: – Не собираюсь... Нет... А у меня другие планы...

Алекс слегка насторожился. Похоже, не только у него проблемы с мамочкой... Нет, он действительно любил маму. Но... уже давно предпочитал делать это издалека. Потому что мамочка была из тех, кто всегда лучше знает, что, кому и как делать. Еще будучи подростком, Алекс в какой-то момент неожиданно для себя открыл, что все, кто окружал маму на работе, а также подруги, друзья и знакомые, отчего-то сплошь и рядом придурки, дебилы и уроды. Ну так выходило, по словам мамы. Нет, в лицо она ничего подобного им не говорила. Наоборот, при встрече она всегда радовалась, осыпала всех массой комплиментов, могла всплакнуть по поводу того, какие они нехорошие, потому как совсем ее забыли и долго не приходили... зато стоило приятелям и сослуживцам сделать шаг за порог, как мамочка начинала зло бурчать по поводу того, что приперлись, натоптали, все сожрали. Начальники и начальницы у нее всегда были либо уродами и дебилами, либо клушами или курицами. Друзья и подруги – либо тупыми размазнями, либо сволочами и стервами. Водораздел проходил по линии «повезло/не повезло». То есть если подруга была такой же, как и мама, матерью-одиночкой и работала кем-то вроде воспитательницы детского сада, медсестры или учительницы младших классов, то это означало, что она тупая размазня, а если у нее был муж и она хотя бы раз в пару-тройку лет могла позволить себе поехать в отпуск «за границу» (причем чаще всего это были вполне бюджетные Турция, Хорватия или Таиланд), то, значит, она относилась к категории «стерв, окруживших тупого идиота». В том, что она живет «на нищенскую зарплату» и до сих пор не может «свалить с этой гребаной страны», виноваты были все вокруг – приятели и приятельницы, начальники, коррупционеры, полиция, олигархи, мэр, губернатор и, уж конечно, президент, но только не она.

– Да понял я, понял... Буду... – уныло произнес Дитрих и, оторвав

телефон от уха, зло мазанул пальцем по экрану, дав отбой. После чего еще несколько мгновений сидел, молча уставив злой взгляд куда-то в сторону левого плеча Алекса. Сам Алекс также молчал, сочувственно смотря на приятеля. Как он его понимал... Когда его собственной мамочке что-то втемяшивалось в голову, она добивалась своего всеми возможными и невозможными способами – от жесткого «а я тебе сказала» до истерик с криками, питьем воды и таблеток, хватанием за сердце и лежанием в полумертвом состоянии с мокрым полотенцем на лбу. Если честно, основной причиной того, что он два последних класса с таким остервенением накинута на учебу, были не столько настойчивые увещания матери, а именно то, что окончить школу с высокими баллами ЕГЭ виделось ему единственным шансом на то, чтобы уехать куда подальше и вырваться-таки из-под столь жесткой маминой опеки, не позволявшей ему буквально вздохнуть. Так что когда он увидел свою фамилию в списках студентов, зачисленных на первый курс факультета химической технологии и экологии Российского государственного университета нефти и газа имени Губкина, то наряду с радостью испытал и огромное облегчение. Удалось!

– Слушай, бро, а что ты делаешь во вторник? – внезапно поинтересовался Дитрих, вынырнув из своих тяжких размышлений. Алекс едва заметно поморщился. Его приятель время от времени начинал слегка чудить. В принципе, безобидно, но иногда это напрягало. Так, в настоящее время Дитрих, например, тащился от, как он это называл, «эстетики ямайской гангсты», вследствие чего у него изменились как внешний вид, так и манера общения. Он наделал на голове дредов и вот уже две недели донимал окружающих этим странноватым обращением «бро».

– Ну-у-у... пока ничего не планировал, а что?

– А знаешь что... – Дитрих на мгновение замер, будто еще раз обдумывая пришедшую в голову идею, а затем решительно тряхнул своей густой шевелюрой и, хищно улыбнувшись, торжество возгласил: – Я приглашаю тебя на день рождения.

– Э-э-э... – Алекс почувствовал, как у него слегка перехватило дыхание. Он жил в Австрии уже год с лишним, но пока ему так и не удалось здесь окончательно освоиться. Вжиться. Стать своим. Нет, никаких особенных проблем у него не было. Вроде как... Наоборот – у Алекса прекрасная и весьма престижная работа. Весьма хорошая кредитная история. Счет в банке (правда, пока использовавшийся в основном именно для обслуживания кредита). Фрау Фишбахер, у которой он снимал комнату, уже пару месяцев как перестала каждый первый вторник месяца самолично

являться к нему, дабы проконтролировать состояние своей сдаваемой внаем недвижимости (потому что «кто его знает, этого русского...», так что посмотреть, не загадил ли этот дикий варвар с окраины цивилизации комнату и не попортил ли обстановку, знаете ли, совсем не помешает). А еще он не так давно наконец исполнил-таки давнюю детскую и юношескую мечту – купил мотоцикл. Да не какой-нибудь, а настоящую легенду – Harley-Davidson. Пусть и подержанный, и в кредит – но это же «Харлей»! Они же не стареют... Однако при этом Алекс все равно продолжал чувствовать себя здесь слегка чужим. Ну или не слегка... Несмотря на все усилия (да-да, усилия он прилагал, и еще какие... да что там говорить – он даже имя переделал под «более европейское»), у него до сих пор не было ни близких друзей, ни даже близких знакомых из числа местных. Ну кроме Дитриха. Но и он, по большому счету, мог считаться другом только на фоне всех остальных. Потому что, несмотря на общий интерес к мотоциклам и несколько небольших совместных мототуров с другими байкерами, а также регулярные общие перекусы в обед в кафе и столовой комплекса, их пока больше ничего не связывало. Да они даже в городе еще ни разу не пересекались! «Пока-пока, до понедельника» – и фьют... Так что, как он ни старался, у него пока не получалось сойтись хоть с кем-нибудь достаточно близко.

Нет, его никто ниоткуда не гнал. С ним общались вполне дружелюбно. Ему улыбались. Пару раз в случайных компаниях удалось снять на вечер девчонок. Но именно на вечер. Потому что «быстрый секс – еще не повод для знакомства»... Так что уже следующим утром обе исчезли с горизонта, дежурно мазанув по щеке губами и поощрительно прошептав: «Ты был великолепен...» Да уж, был... и чего тогда не вернулись? Он старался... Ради того, чтобы вжиться и стать наконец здесь своим, Алекс даже, взяв пару дней отпуска, отправился на EuroPride [\[10\]](#). Сначала ему там понравилось. Честно. Было ярко, шумно, громко, весело. Вокруг масса улыбок. Алекс тогда полночи шлялся по узким средневековым улицам, наполненным шумным и радостным народом, пьяный от какого-то космического ощущения свободы и любви ко всему миру... а потом в какой-то подворотне его перехватил небритый седой дед (ну натурально дед!), одетый в кожаный картуз, кожаные же легинсы и с голым торсом, перетянутым паутиной узких кожаных ремешков и, как-то ловко и умело прижав к стене, начал, что-то ласково приговаривая, мять его за ягодицу и-и-и... ну-у-у... спереди. А потом впился в губы, попытавшись засунуть язык ему в рот... Как Алекс тогда бежа-а-ал! А добравшись до хостела, едва ли не полчаса торчал в душевой, остервенело работая во рту зубной

щеткой. И потом еще с месяц шарахался от любого, одетого хотя бы в банальный кожаный пиджак... Так что его попытка стать по настоящему, по-европейски терпимым и толерантным закончилась, увы, крахом. Нет, он работал над собой. Но пока не очень-то получалось...

И вот сейчас, похоже, стена отчуждения наконец-то дала первую значимую трещину. Дитрих (друг, друг, друг!) приглашал его на свой день рождения!

– Й-а... кхм... конечно, Дитрих! – радостно выпалил Алекс, справившись с комком в горле. – Буду рад!

– Ну вот и отлично! – с довольным видом отозвался тот. – Праздновать будем в нашем родовом доме, в деревне. Добираться тебе придется самому. Мне надо будет уехать пораньше, в выходные. Но это ничего. Я тебе сейчас скину координаты, чтобы они у тебя были в телефоне – доедешь по навигатору. До нашей деревни Унтершехен тебе на байке часов семь-восемь всего. Мы за стол сядем часа в три, так что если выедешь часов в семь – как раз успеешь.

Алекс тут же поскуучнел.

– Дитрих, после того что сегодня напел в уши герру Мозесу эта свинья Адлер, он точно отгула не даст.

– Это чепуха! Я с ним поговорю. Он знает мою семью и, я уверен, пойдет навстречу. А ты потом отработаешь. Ты согласен на такой вариант?

– Конечно, друг... – обрадованно закивал Алекс. И тут же деловито поинтересовался: – Есть какие-нибудь пожелания по подарку?

– Подаришь мне мотоочки, как у тебя, – и больше ничего не надо, – усмехнулся тот.

Глава 2

С поездкой на день рождения Дитриха все сложилось нормально. Отгул Алексу дали, хоть и со скрипом. Так что во вторник утром он выехал довольно рано и рассвет встретил уже на трассе E60.

Сначала он ехал аккуратно, не наглея, но после Медлинга слегка притопил, зная, что на этом участке еще стоят старые камеры, фиксирующие только передние номера транспортных средств, которых на мотоцикле, как известно, нет. Быстрее всего было ехать через Мюнхен, но Алекс решил совместить полезное с приятным и после Линца свернул на Розенхайм, вскоре после которого начинались классные горные дорожки. Из-за раннего выезда времени было с запасом, так почему бы поездке не добавить еще немного удовольствия?

До точки на карте, в которой располагалось вполне себе симпатичное шале, он добрался около двух часов пополудни. Дорога с несколькими остановками на то, чтобы заправиться, размять ноги, перехватить кофе с сэндвичем и сделать на телефон несколько весьма впечатляющих снимков заняла восемь часов. Так что тело у Алекса слегка затекло. Поэтому, когда он зарулил на небольшую парковку перед домом – засыпанную гравием и аккуратно обрамленную по краям густым кустарником площадку, довольно плотно забитую почти дюжиной автомобилей и других транспортных средств, среди которых Алекс разглядел и хорошо знакомый мотоцикл Дитриха, – то не стал сразу звонить другу, а слез с «Харлея» и, сдвинув на шею очки, потянулся, а затем несколько раз присел и сделал пару-тройку широких махов руками. Усадьба, центром которой являлось шале, располагалась не в самой деревне, а в нескольких сотнях метров от нее, почти на опушке довольно густого леса и у подножия горного склона. Само шале было явно построено очень давно, за это говорило все – и пожухлый, но густой мох на здоровенных булыжниках, из которых был сложен первый этаж, и потемневшие бревна второго, и вообще общий вид постройки, но было основательным и неожиданно крупным. Ну для столь старинного строения. Сто или там сто пятьдесят лет назад (кто его знает, сколько точно лет этой постройке) в подобных местах строили куда скромнее... Алекс еще раз с хрустом потянулся и расстегнул шлем, тут же стянув его с головы, после чего выдернул из зажима на руле смартфон, который во время поездки использовал как навигатор, и набрал Дитриха.

Тот не отвечал долго, минуты три, зато, прорезавшись, сразу взял быка

за рога.

– Привет, ты где?

– Ну судя по тому, что рядом стоит твой мотоцикл, то около твоего дома, – с осторожной иронией отозвался Алекс. Уж больно голос у Дитриха был каким-то напряженным.

– Отлично, я сейчас... – и сразу же отключился. Алекс несколько недоуменно хмыкнул. Судя по реакции приятеля, с этим днем рождения не все так просто. И Дитрих, похоже, рассчитывает на него как на группу поддержки. Недаром приглашение на день рождения последовало сразу после его весьма напряженного разговора с матерью... Ну и пусть. Он, Алекс, совсем не против. Но при этом он изо всех сил постарается зарекомендовать себя перед родителями Дитриха с самой хорошей стороны. Потому что друзья-то приходят и уходят, а мать и отец – это навсегда. Других не будет. И если он произведет неблагоприятное впечатление, то со всеми надеждами, которые он питал в отношении этого дня рождения, скорее всего, можно будет полностью распрощаться.

Дитрих появился только через десять минут. И не один, а в сопровождении весьма миловидной женщины среднего возраста. Судя по некоторому внешнему сходству, это, скорее всего, была мама Дитриха. Ну или тетя. Или старшая сестра...

– Вот, мама, знакомься, это мой коллега и лучший друг Алекс Штрауб. – Ага, значит, верным оказалось первое предположение. Но выглядит она как-то не слишком радушно... Нет, дежурная улыбка, приклеенная к лицу женщины с момента ее появления на крыльце, сразу после слов Дитриха усилила интенсивность на несколько уровней, при этом все так же продолжая оставаться приклеенной. Алекс улыбнулся в ответ, постаравшись сделать это как можно искреннее. Но на первый взгляд это не принесло никаких дивидендов. Улыбка женщины не изменилась ни на йоту, а тон, которым она к нему обратилась, можно было принять за добродушный лишь с большой натяжкой:

– Guten Tag ^[11], мы рады, что вы выбрали время, чтобы посетить наше скромное семейное торжество, – причем Алексу показалось, что слово «семейное» она явно выделила голосом, при этом бросив в сторону сына весьма выразительный и отнюдь не теплый взгляд. Но тот лишь усмехнулся, причем весьма нагло, и эдак торжественно продолжил:

– Он – русский. Я подумал, что пригласить его будет весьма хорошей идеей. Ну чтобы немного разбавить нашу скучную немецкую компанию.

Брови матери Дитриха изумленно скакнули вверх, а лицо слегка искривилось в недоуменной гримасе, но она почти мгновенно справилась с

собой и снова натянула на лицо все ту же улыбку.

– Хм... не знала, что это твоя инициатива, – пробормотала она в сторону Дитриха, после чего повернулась к Алексу: – Что ж... тогда – добро пожаловать в наш скромный дом, – после чего развернулась и двинулась в сторону входной двери. При этом ее спина явственно демонстрировала, что женщина чем-то сильно недовольна. Дитрих же, наоборот, являл собой полное удовлетворение.

– Э-э-э... я, похоже, как-то не вовремя, – озадаченно произнес Алекс, окидывая друга растерянным взглядом. Но тот широко улыбнулся.

– Не бери в голову – все просто отлично! – и с довольным видом хлопнул его по плечу. – Ладно, пошли, разденешься в моей комнате. Там все сейчас носят, так что им будет не до тебя.

Внутри оказалось весьма... винтажнo. Узкий коридор, мощная лестница из потемневшего от времени дуба. Пара дюжин фотографий, висящих вдоль нее, наиболее старые из которых так и хотелось обозвать дагерротипами. Мощные деревянные балки над головой.

– Наш предок построил этот дом еще в середине девятнадцатого века, – сообщил Дитрих, заметив, что Алекс с интересом осматривается. – У его отца было пятеро детей – три сына и две дочери. Наш был самым младшим. Так что отцовское наследство ему не светило никак. Вот он, подзаработав, и озаботился тем, чтобы обустроить своей семье основательное родовое гнездо. Тем более что у него к тому моменту тоже уже стало пятеро детей. А потом и еще парочка прибавилась. То есть после него осталось четверо сыновей и три дочери. Вот он, кстати, на этом дагерротипе вместе со всей семьей. – Тут Дитрих ухмыльнулся и, наклонившись к уху Алекса, заговорщицки прошептал: – По семейным преданиям, деньги на такой большой дом наш пра-пра-пра – и так далее прадед заработал контрабандой во время австро-прусской войны. Уж не знаю, какую контрабанду и какой стороне он там таскал, но, судя по дому, дело оказалось весьма прибыльным, – после чего продолжил уже обычным голосом: – Но если тебе это интересно, то лучше обратиться к Urgroßvater [\[12\]](#). Он о наших предках знает куда лучше меня. Все, что я знаю о них, я узнал как раз от него. Вон его комната, кстати, напротив моей. Только... – Дитрих слегка замялся, – ему уже восемьдесят восемь лет, и потому он немного того... Ну ты понимаешь.

Едва только они поднялись на второй этаж и вошли в комнату, как Алексу позвонила мама. Он достал телефон, посмотрел на экран, вздохнул и смущенно покосился на Дитриха. Тот широко усмехнулся и, понимающе кивнув, вышел из комнаты. А Алекс собрался с силами поднес телефон к

уху.

– Да, мама... Нет, я в гостях, в Швейцарии... Да, у друга – у него сегодня день рождения, и он меня пригласил... – Алекс послушно поведал все свои новости, выслушал длиннющий и уже ставший дежурным инструктаж на тему: «Будь бдителен и не водись с плохими компаниями. Там и зарплата маленькая, и начальник идиет». Мама была в своем репертуаре, продолжая бдительно держать руку на пульсе жизни сына. Он даже уже слегка жалел, что в свое время научил ее пользоваться WhatsApp. Без этого с такими ценами на международную связь она бы доставала его не чаще раза в месяц... Однако рано или поздно все приходит к своему завершению. Но когда парень смог наконец нажать отбой и, отложив телефон, стянуть с плеч куртку, из-за не менее винтажной двери, сбитой из толстых деревянных плах, внезапно послышалась какая-то возня, а затем чей-то весьма звонкий голосок возбужденно прошипел:

– Да я тебе говорю – он со своей Russland по телефону разговаривал!

– Да не-е-е, не может быть, – тут же отозвался второй. Не менее звонкий. Хотя оба собеседника, похоже, изо всех сил пытались сдерживать голос и даже шептать, но в том возрасте, в котором, судя по всему, пребывали собеседники, сдерживаться получается куда хуже, чем орать, прыгать и носиться как сумасшедшие. Между тем второй глубокомысленно продолжил:

– Сам подумай – откуда в этой Russland мобильные телефоны? У них же там Путин, и нет демократии. Ну как у этого... как его... ну который все обещает ракету по американцам запустить с атомной бомбой. Пухлый такой и узкоглазый... ну ты понял...

– А может, он в Russland не на мобильный звонил? Обычные-то телефоны уже лет сто назад придуманы, – резонно возразил первый. Однако ответ второго Алексу услышать не удалось. Потому что развернувшаяся за дверью дискуссия оказалась грубо прервана. Сначала из коридора раздался скрип открываемой двери, почти сразу же заглушенный громким топотом, свидетельствующим о том, что высокие участники дискуссии отчего-то сочли разумным торопливо покинуть... м-м-м... дискуссионную площадку. А спустя мгновение хриплый старческий голос сердито прохрипел им вслед:

– А ну-ка пошли отсюда, охальники! Расшумелись тут...

Алекс покачал головой и криво усмехнулся. Да уж, о-очень продвинутые дети. А еще у нас медведи по улицам ходят и вечерами водку пьют да на балалайке играют. Все-таки стереотипы – это зло. Но, сука, живучее...

Торжественный обед в честь знаменательного события прошел хреново. Во всяком случае, для Алекса. С ним практически не общались. Традиции возглашать тосты и чокаяться тут не было, поэтому Дитриха быстро поздравили, после чего присутствующие быстро разбились на такие «группы по интересам», в которых, как теперь стало уже совершенно очевидно, неожиданному гостю места как-то не оказалось. Даже банального любопытства в своем отношении он не ощутил. Его просто вежливо игнорировали. Нет, внешне все выглядело вполне благопристойно. Ему вежливо улыбались, вежливо просили передать то или иное блюдо, вежливо уточняли, не желает ли он сам чего-то из того, что лежало за пределами его доступности. И все. Дитрих как виновник торжества сидел от Алекса далеко, и к нему все время кто-то подходил пообщаться. Так что Алекс за весь вечер дождался от него только нескольких ободряющих взглядов. А его мать подошла к Алексу только раз. Уточнить, не доставит ли ему неудобство то, что среди выпивки на столе отсутствует водка. Алекс так и не понял, что стояло за этим вопросом – искреннее желание узнать или такая скрытая издевка... Вследствие чего он плюнул на всех и начал потихоньку надираться киршем [\[13\]](#).

Застолье закончилось как-то незаметно. То есть просто в какой-то момент Алекс внезапно обнаружил, что остался за столом практически в одиночестве. Не совсем, конечно, – на дальнем конце стола о чем-то тихо разговаривала еще одна компания из четырех человек, а вот все остальные куда-то исчезли. В том числе и Дитрих. Алекс поднялся из-за стола и почувствовал, что его слегка повело в сторону.

– Уф... надо же было так надринькаться... – пробурчал он. Алекс по жизни вообще-то пил довольно мало. И предпочитал куда более легкие напитки – пиво или сидр. Но в той ситуации, в которой он оказался... ну или вляпался, кирш показался ему наилучшим выбором.

До лестницы он добрался довольно быстро. В принципе, Алекс чувствовал себя не особенно и пьяным, его уже и не шатало, а голова вообще вроде как работала вполне нормально. Ну, похоже, так ему только казалось... Подняться на второй этаж, где, как он помнил, находится комната Дитриха, в которой он оставил куртку и остальные вещи, тоже удалось без особых проблем. Даже не споткнулся ни разу. Но вот уже наверху дорогу неожиданно преградило непреодолимое препятствие...

– Urenkel [\[14\]](#) сказал, ты из России?

Алекс резко остановился и уставился на довольно рослого седого деда, занявшего весь коридор и преградившего ему путь к двери, которая

являлась его целью.

– Э-э-э... ja, – несколько смущенно и раздосадованно ответил Алекс. Ему было немного неудобно за то, в каком виде он предстал перед, судя по всему, патриархом семьи. Сам же бурчал по поводу того, что стереотипы – зло, а тут – на тебе, лично поспособствовал подтверждению одного из самых живучих. Между тем весьма суровое до сего момента лицо деда внезапно разгладилось, и он хрипло расхохотался, а затем вскинул вверх кулак и громко проревел:

– Stalin, Gagarin, Perestroika!

Алекс аж отшатнулся. А дед хрипло рассмеялся.

– Ладно, не бойся, не такой уж я ненормальный, как они говорят... – после чего кивнул в сторону приоткрытой двери, располагавшейся напротив той, к которой Алекс направлялся. – Заходи.

Комната деда оказалась заметно больше, чем у Дитриха. И намного... уютней, что ли. Ну или более обжитой. Пол, застеленный чьей-то шкурой с длинным ворсом, кресло-качалка, письменный стол у окна, фотографии на стенах, книги, какие-то безделушки на полках...

Дед кивнул на кресло, стоявшее напротив кресла-качалки:

– Садись, поговорим. А то у меня давно уже не было нового собеседника.

Алекс осторожно сел в кресло.

– Наверное, гадаешь, почему с тобой тут никто разговаривать не хочет? – неожиданно спросил дед. Алекс осторожно пожал плечами. Он пока не определился, как вести себя с прадедушкой Дитриха. С одной стороны, этот дед, считай, единственный, кто соизволил с ним заговорить. А с другой – несмотря на его слова, вел он себя не так чтобы очень нормально. Да и Дитрих предупреждал...

– Все просто. Для нас, швейцарцев, друзья и родственники – это разные миры. Не то чтобы совсем не пересекающиеся, но разные. Так что мой urenkel, пригласив тебя на семейное торжество, подложил всем родственникам большую свинью. То есть в первую очередь он хотел устроить это своей любимой mutter, которая уже давно вынашивает планы оженить его на дочери своей старой подруги. И потому решила припереть к стенке в семейном кругу. Вот он и того, решил разбавить этот круг посторонним. Ну чтобы матушка поубавила прыть... Но Дитрих не ожидал, что она пригласит на его день рождения столько народу. Так что получилось не совсем хорошо...

Алекс криво усмехнулся. Да уж, попал, как это говорится, «как кур во щи». А он-то радовался... Но вот что интересно – его собственная мама,

наоборот, изо всех сил отваживала от него любых подруг. Почему – парень разобратся так и не смог. Может, боялась, что если он заведет семью, то ее влияние на сына уменьшится и тогда на мечте жить в «нормальной европейской стране» можно будет поставить крест, а может, просто банально ревновала к любой будущей невестке. Как бы там ни было, едва только на горизонте появлялась какая-нибудь подруга, имеющая хотя бы потенциальные шансы перейти в разряд постоянных, как мамочка затевала целую армейскую операцию с внезапными телефонными звонками, неожиданными требованиями бросить все и срочно купить и привезти ей какое-то лекарство, вскочить среди ночи и немедленно нестись к ней на помощь, категорическими требованиями в определенный день и час непременно быть дома... А если это не помогало – собирала целый ареопаг из близких и знакомых и устраивала публичный наезд... Здесь же мама Дитриха, судя по вышесказанному, была настроена прямо противоположным образом, но действовала при этом практически так же, как его собственная мама... То-то Дитрих взбрыкнул. А как еще иначе назвать его приглашение? Ну в свете всех вновь открывшихся обстоятельств...

– Знаешь, кто это? – внезапно спросил дед, ткнув пальцем куда-то вбок. Алекс вздрогнул и развернулся в ту сторону. На стене висела копия того дагерротипа, который показал ему Дитрих, когда они поднимались по лестнице. Вернее... Алекс присмотрелся, похоже, клон висел именно на лестнице. А здесь, судя по всему, находился оригинал.

– Дитрих сказал, что это семья вашего предка, который построил этот дом.

– Ха... точно! – Дед довольно кивнул. – Его звали Курт-Фридрих! А это его дети, – дед ткнул в фотографию сухим, длинным пальцем с пожелтевшим ногтем, – Вильгельм, Йохан, Эльза, Марта, Гюнтер, Эстер и вот этот пухлощекий карапуз – Карл. Карл потом, когда вырос, уехал в США. Я, когда был помоложе, пытался найти его следы. Кое-что нашел. Он отплыл из Гамбурга на пароходе Северогерманского Ллойда и, прибыв в Америку, обосновался в Чикаго. Там у него в тысяча восемьсот девяносто восьмом родился сын, которого, кстати, звали, как и тебя – Alexander. Но во время Первой мировой их следы затерялись. Может, куда-то переехали, может, его призвали в армию и он погиб, а может, просто погиб. Во время обеих мировых войн немцев в Америке не очень-то любили. А разбираться, чем швейцарец отличается от немца, они там не научились даже сейчас... – Он тяжело вздохнул и замолчал. Алекс также сидел молча. Ему было не очень комфортно, и он был бы рад уйти из этой комнаты, но опасался что-

то сделать не так. А ну как дедуля разнервничается и потребует выставить его на ночь глядя и пьяного. Кто его знает, ненормального... Или вообще даст дуба. А что – совсем не исключено. Лет-то ему эвон сколько! Давление скакнет – и все.

– Все остальные остались здесь, – между тем продолжил прадедушка Дитриха. – И пережили все войны. Нет, кое-кто погиб, в основном из-за бомбардировок в Германии. Боев-то у нас не было. Швейцария сумела отстоять свою независимость и нейтралитет в тысяча девятьсот сороковом. Немцы так и не решились на операцию «Танненбаум». Но швейцарцы всегда вели дела в Германии. Вот кое-кто и попал под бомбежки... А теперь вот мы, их потомки, несколько раз в год собираемся в нашем родовом гнезде тесным семейным кругом по всяким веским поводам. Ну если кто-нибудь не взбрыкнет, как этот сопляк Дитрих, и не устроит что-то подобное сегодняшнему... – Дед опять хрипло рассмеялся, а затем как-то резко замолчал и вытер неожиданную слезу. – Он мне сильно напоминает меня в молодости. Я был таким же упрямым. А внешне он сильно похож на дедушку Йохана. – Старик снова ткнул в фотографию пальцем. – Это наш предок, ха! А ты... – дед сделал паузу и уставился на Алекса подозрительным взглядом, – похож на Карла. Я видел его фото в иммигрантском архиве в Нью-Йорке. Ты, случайно, не тайный наш родственник, приехавший тут разнюхать по поводу наследства?

Алекс с тоской подумал: «Ну вот, началось...» – и торопливо заговорил:

– Нет. Я вообще никогда не был в США. Я всю жизнь прожил в России, в Саратовской области, на Волге, в городе Энгельс. Дело в том, что... – и осекся, прерванный новым взрывом хриплого хохота.

– Испугался! Ой, не могу! – хохотал дед, хлопая себя по ляжкам. Алекс же замер, лихорадочно размышляя, как поскорее выбраться из этой комнаты. Пожалуй, Дитрих был прав относительно своего прадеда. Тот уже действительно немного того... или не немного...

– Видел бы ты свою рожу... – довольно заявил дед, успокаиваясь. – Хотя на Карла ты действительно немного похож. Если приглядываться... Ты марки собираешь?

– Что? – столь резкий переход темы застал Алекса врасплох. – Марки? Я?

– Ну, да, – серьезно кивнул дед. – Марки. Я собирал, когда был молодым. У меня было двенадцать альбомов. Потом продал. В двадцать один год. Деньги были нужны – ну и... Сейчас жалею.

– Ну-у-у... в детстве собирал, – соврал Алекс. – Недолго.

– Ха, значит, и бонистика тебя точно привлечет! – с воодушевлением заявил дед. После чего резво вскочил и пошаркал к столу.

– Вот, – торжественно заявил он, вернувшись, – смотри. Это банкноты Швейцарии. Выпуска тысяча девятьсот четырнадцатого года. Начальный комплект – пять, десять и двадцать франков. Были выпущены на немецком, французском и итальянском языках. А это доллары США того же года. Пять и десять долларов. Эти вообще можно предъявлять в любой банк как обычное платежное средство. Берешь?

– Э-э-э... – растеряно начал Алекс, но дед не дал ему возможности отказаться.

– Ты не волнуйся насчет плохого состояния. Деньги самые настоящие. Я их обнаружил вот здесь, – он снова вскочил и прошаркал к стене, где надавил на пятиугольный камень неправильной формы, который с натугой повернулся, открыв небольшую нишу. – Наверное, кто-то сделал тайник и забыл про него. Или вообще помер, не успев никому ничего рассказать... – Дед хрипло хохотнул. – Так что они точно настоящие – никаких аукционов или покупки через Интернет. И насчет цены не беспокойся. Как другу ugenkel – отдам дешево. Сколько у тебя сейчас франков?

– Ну-у-у... пятьдесят, – ответил Алекс. На первой же заправке он на всякий случай снял в банкомате пятьдесят швейцарских франков. Конечно, Швейцария – развитая страна, и карточки здесь принимают везде, но случаи бывают разные. Вон парни в клубе рассказывали, как им во время одного из туров по Татрам пришлось договариваться с каким-то диким фермером на тракторе, чтобы он подвез их и разбитые мотоциклы до ближайшего городка. И тот почему-то наотрез отказывался и взять евро, и заехать в городок, чтобы они сняли денег в банкомате. Пришлось собирать по карманам все наличные кроны...

– Давай, – решительно произнес дед. И когда растерянный Алекс вытащил из кошелька сложенную купюру, быстро цапнул ее и всучил ему конверт со старыми деньгами. – Бери! – После чего решительно указал на дверь: – Все, иди. Я устал.

Добравшись наконец до комнаты Дитриха, Алекс обессиленно рухнул на кровать. Да уж, приключеньице... Но прийти в себя ему не дали.

– Ты уже здесь? – констатировал очевидное Дитрих, открывая дверь и заходя в комнату. – Ты извини, я сегодня виноват перед тобой... – тут он замер, уставившись на конверт в руке Алекса, а потом негромко выругался: – Вот scheiße! Urgroßvater опять принялся за свое... Сколько ты ему заплатил за этот мусор?

– Пятьдесят франков, – несколько испуганно отозвался Алекс, – а что?

– Ну это еще ничего... – облегченно выдохнул Дитрих. – Но все равно тебе лучше прямо пораньше сдернуть, – и пояснил: – У деда слабое сердце, а он любит пропустить пару-тройку рюмок кирша с приятелями в деревенской кнеіре. Поэтому mutter отобрала у него все деньги и карточки. Вот он и придумал себе подобный способ заработка – ловит кого из гостей, кто не в курсе, и всучивает ему этот старый мусор, который обнаружил в каком-то тайнике в своей комнате.

– Мусор? – настороженно уточнил Алекс. Не то чтобы он действительно вдруг вспылал желанием заняться бонистикой, да и деньги были отданы не очень большие. И, если уж быть до конца честным, он был даже рад отделаться пятьюдесятью франками за возможность слинять из комнаты деда. Но ощущение, что его снова развели как лоха, ему все-таки очень не нравилось.

– Нет, банкноты действительно настоящие, хоть и старые. Просто мелкие и потрепанные. Поэтому стоят очень мало. Крупные и относительно ценные в тайнике тоже были. Причем не только франки – еще и доллары, и фунты стерлингов, насколько я помню. Видно, кто-то из предков заначку сделал на черный день. Или копил на что-то. Но воспользоваться почему-то так и не сумел... Но те mutter забрала. А вот такие, мелкие и потрепанные, оставила. Дед тогда сильно разнервничался, так что она сочла за лучшее не отбирать все. Думала, что с мелкими он ничего сделать не сможет. В таком состоянии их даже через Интернет не продашь – только обменять в банке, до которого деду никак не добраться. А он вишь как приспособился... – Дитрих усмехнулся. – Но если она выяснит, откуда у него снова появились деньги на выпивку, а дед, можешь мне поверить, с утра точно слиняет в деревенскую кнеіре, – нам обоим не поздоровится. Ну я-то ладно, выдержу. Не в первый раз. А вот тебе лучше уехать до того.

– Понятно, – уныло отозвался Алекс. Да уж, можно констатировать, что все его планы и надежды на эту поездку дружно ухнули в трубу. Причем канализационную. Впрочем... он покосился на Дитриха – может, все и не так плохо. Дед же сказал, что семья и друзья для швейцарцев – разные миры. Так что, может, Дитрих наконец-то включит его в круг своих близких друзей? Хотя бы под воздействием чувства вины. Это было бы достойным вознаграждением за все те проблемы, в которые швейцарец втянул его этим своим приглашением...

Глава 3

Алекс проснулся от того, что у него замерз нос, несмотря на то что спал он под тяжелым одеялом из гусиного пуха, считай, периной. Просто температура в комнате к утру падала до отрицательных величин. Впрочем, и днем в шале было не так чтобы тепло, потому что печь протапливали только раз в день – утром, когда попутно готовился завтрак и делались заготовки для обеда. И только в это время температура могла кратковременно, на час-полтора, подняться выше двадцати градусов, после чего начинала постепенно падать. Второй же раз, вечером, печь протапливали, только если стояли совсем уж сильные морозы, чего сейчас, например, ожидать не особенно приходилось. Все-таки апрель в Швейцарии – месяц по-настоящему весенний. Хотя здесь, в горах, ночами температура по-прежнему опускалась заметно ниже нуля...

Повалявшись еще минут десять, Алекс тяжело вздохнул и, отбросив одеяло, принялся торопливо, поеживаясь, одеваться. Сначала он натянул на кальсоны байковые штаны, затем добавил к ним теплые вязаные чулки, потом на нательную рубашу надел грубую шерстяную рубашку и уже поверх нее – меховую безрукавку с потертой вышивкой. Вещи были грубоваты и слегка кололись, но в своей джинсе и полусинтетике он бы точно дрожал от холода. Либо ему пришлось бы ходить по дому в верхней одежде... Эх, вот не ценим мы настоящие блага цивилизации! Думаем, что самое важное – это новый iPhone, iPad или там какая-нибудь Tesla Model X. Да чепуха все это! Самым главным благом цивилизации, несомненно, является водяное отопление. Вы даже не представляете себе, какой это класс, когда у тебя в комнате не только тепло, но еще и температура весь день и всю ночь поддерживается на комфортном уровне. Весь день и всю ночь! А чего стоит возможность в любой момент принять душ? Да, блин, просто умыться и побриться, не грея предварительно часами воду на дровяной печи или в лучшем случае в таком же дровяном титане, а просто банально открыв кран. А само бритье? Вы когда-нибудь пытались бриться опасной бритвой? Да-да, той самой, которая «бритвой по горлу – и в колодец». Вот и Алекс того... не рискнул. Оттого и щеголял сейчас роскошной двухнедельной щетиной. На которую, впрочем, его новоиспеченные швейцарские родственники поглядывали с вполне ощущаемым одобрением. Поскольку и сами в подавляющем большинстве также щеголяли бородами. Да уж, на такое приключение парень никак не

рассчитывал...

* * *

На следующее утро после дня рождения Дитриха Алекс проспал. Ну да, за прошлый день он принял «на грудь» несколько своих обычных норм, вследствие чего в том, что утром парень с трудом смог продрать глаза, не было ничего удивительного. Впрочем, попадания под горячую руку матушки Дитриха ему все-таки удалось избежать. Благодаря, кстати, детям. И деду.

Когда он, продрав-таки глаза, бросил мутный взгляд на часы на мобильнике, было уже девять утра. Белый день по австрийским и немецким меркам, где практически все магазины, кнайпы, кафе, школы и существенная часть производств и офисов начинают работу с семи, максимум восьми часов. Так что, узрев время, парень тут же подскочил и принялся торопливо одеваться.

Дитриха не было, но Алекс решил его не дожидаться, а сразу же линять. Если все, что он вчера узнал и понял про его матушку, окажется правдой, встречаться с ней точно не стоит. Но чем дольше он задержится – тем более вероятной становится такая встреча. Так что следовало воспользоваться пока еще имеющейся возможностью и тихо исчезнуть, а с Дитрихом лучше потом в Вене пересечься...

Уже скатившись по лестнице, Алекс вынужден был резко затормозить, потому что услышал с той стороны входной двери приближающиеся голоса – один хриплый, точно принадлежащий вчерашнему деду, а другой высокий, визгливый, женский. Причем визгливый звучал явно обвинительно, а вот хриплый неуклюже оправдывался.

– ...в вашем возрасте больше ответственности, Großvater [\[15\]](#). И вообще, вы мне так и не ответили, где раздобыли денег? Неужели у этого русского? Все остальные уже давно в курсе вашего kleineunternehmen [\[16\]](#). Ну если это так, то...

Алекс испуганно попятился и отчаянно огляделся по сторонам. И куды бечь?

– Скажите, а у вас в Russland есть мобильные телефоны?

– Что? – Алекс едва не подпрыгнул от неожиданности, но удержался и лишь резко развернулся. Прямо за его спиной обнаружилась парочка пацанов, по виду лет шести-семи от роду, с любопытством смотрящих на

него.

– Э-э-э... у-у-у нас? М-м-м... вот что – я вам расскажу, но сначала... у вас тут нет черного хода?

– Есть, – оба синхронно кивнули. – Идите за нами! – И они, мгновенно развернувшись, с места рванули куда-то за лестницу и под нее. Алекс бросился за ними, на ходу расслышав, как открывается входная дверь...

До черного хода он добрался вполне успешно. И до мотоцикла тоже. Вот только выезд со стоянки был перекрыт ухоженной BMW-единичкой. Похоже, мама Дитриха предприняла некоторые усилия, чтобы неожиданный гость не смог уехать, так сказать, не попрощавшись. Нет, можно было рвануть напролом через кусты, но Алекс решил настолько не нагнеть. Мама у Дитриха по характеру еще тот unteroffizier [\[17\]](#), так что не стоит раздражать ее сверх меры. Еще упрется и напроць запретит сыночку дружить с «этим варварским русским». Сейчас-то он не только виновник, но еще и, так сказать, жертва коварства деда, а вот поломай он еще и кусты... Так что Алекс ухватил мотоцикл за руль и поволол в сторону проема в стене кустарника, от которого начиналась аккуратная дорожка, ведущая как раз к черному ходу, на ходу принявшись рассказывать:

– В Russland есть мобильные телефоны, а также самолеты, поезда, машины и компьютеры. Все, что есть и в Швейцарии. А также многое из того, чего в Швейцарии нет.

Любопытные глазенки обоих пацанов удивленно округлились. Мол, как так-то – а как же демократия? Они, скорее всего, и сами не слишком еще представляли, что именно означает это слово, но уже пребывали в унаследованной от взрослых абсолютной уверенности, что это великая непреходящая ценность, отсутствие или недостаток которой у кого бы то ни было делает их убогими или вообще неполноценными. Во всех отношениях... Впрочем, что взять с этих милых деток – сам Алекс еще не так давно считал именно так. До своего переезда в Австрию. А вот после... Нет, он и сейчас продолжал считать так же. Демократия – форева! Не то что всякие там монархии или олигархии. И плевать, что они появились практически одновременно и были подробно описаны и классифицированы еще почти две с половиной тысячи лет назад древнегреческим философом Платоном. И все эти две с половиной тысячи лет регулярно сменяли друг друга, никак не замедляя неуклонного поступательного развития человеческой цивилизации. Из чего следует, что не только одна лишь демократия, а все эти формы организации общества для человечества вполне приемлемы и даже естественны. Более того, очень может быть, что именно регулярная смена этих форм и нужна человечеству, а также

отдельным странам и континентам для успешного развития... Нет, для него демократия до сих пор была самой лучшей формой организации общества! А всякие монархии, олигархии, тоталитаризмы, коммунизмы и все такое прочее – отстой и дремучее средневековье. Ну или позор и рабство... Просто после переезда в Австрию его представление о Европе как о «сияющем граде на холме», в котором жизнь наполнена счастьем и удовольствием и никаких особых проблем тут нет и быть не может, сильно потускнело. Как выяснилось, все, что раздражало и напрягало его дома – лень, бюрократия, равнодушие и даже взяточничество полиции и чиновников, «кавказ и таджикистан» на улицах, – вполне имеется и здесь. Причем последнее даже еще в куда более жестком варианте «марокко и пакистана». Несмотря на всю демократию... Причем в Австрии с этим все было еще терпимо. Хотя с подобными вещами он все равно сталкивался, но, слава богу, пока без особенных потерь. А вот в тех же Италии, Греции, Португалии и еще доброй дюжине других стран Евросоюза подобные проблемы просто цвели и пахли. Алекс об этом знал точно. Поскольку вследствие того, что ни с кем из «коренных» австрийцев ему накоротке сойтись не довелось, парень по большей части вращался в среде таких же, как он, эмигрантов, среди которых довольно многие имели немалый стаж проживания в упомянутых странах. Вот они и порассказывали. Ну да, недаром есть анекдот о том, что нехрен путать туризм и эмиграцию... Так что к своей покинутой родине он, к собственному удивлению, здесь, в Европе, стал относиться с куда большим пиететом. Если уж здесь, то есть на земле, где и родилась демократия, с ней все далеко не сахарно, что уж говорить о его стране. А довольно частое завистливое: «Вам-то хорошо – у вас Путин» – вообще грело сердце. Хотя дома Алекс считал себя принципиальным и непримиримым противником «несменяемости власти».

– А что? – тут же заинтересовались его неожиданные спасители.

– Ну, например, космические ракеты, – усмехнулся Алекс. – Или атомные ледоколы. Или огромные пассажирские и грузовые самолеты собственного производства.

– В Russland есть космические ракеты? – Пацаны удивленно переглянулись.

– Не просто есть. Самый первый künstlichesatelliten ^[18] нашей планеты Земля запустили именно русские. И первый человек в космосе – русский, Юрий Гагарин. Кстати, ваш Urgroßvater о нем знает.

Пацаны изумленно переглянулись. Их простой и понятный мир только что дал о-о-огромную трещину. А потом тот, который и задавал вопросы, нерешительно спросил:

– Э-э-э... это было еще при Гитлере? Ну когда вас американцы еще не освободили?

Алекс аж затормозил. Вот ни фига себе заявочки!

– Нас? Американцы? А вы знаете, кто взял штурмом столицу Гитлера – Берлин?

Пацаны уверенно улыбнулись.

– Американцы – кто же еще? – уверенно заявил первый. А вот второй, уловив какой-то подвох, осторожно предположил:

– Ну-у... там, наверное, еще и англичане были. Они же тоже с Гитлером воевали. Вроде...

– Нет, – гордо мотнул головой Алекс. – Русские. Маршал Жуков.

Если честно, кто именно из советских полководцев взял Берлин на самом деле, он точно не знал. Но то, что в то время был такой Жуков, которого еще и называли маршалом Победы, помнил точно... Пацаны растеряно смотрели на него. Трещина в их мироустройстве приобрела прямо-таки катастрофические размеры. И с этим нужно было что-то делать... То есть как-то восстановить пошатнувшееся на фоне изложенного реноме – если не западной цивилизации в целом, то хотя бы родных мест. Поэтому первый, самый бойкий, собравшись с духом, выпалил:

– А-а-а... зато у нас тут рядом есть развалины. Старинные! И еще там люди пропадают! Вот!..

– Развалины?

– А-а, ты еще не уехал. – Алекс развернулся. За его спиной стоял незаметно подошедший Дитрих, похоже, выбравшийся из той же двери черного хода, через которую пацаны вывели и его самого. – Советую тебе уже трогаться. Mutter установила твою роль в деле *urgroßvater*, так что ей под горячую руку лучше не попадаться. В Вене я тебя найду. Ты же будешь на телефоне?

– Конечно! И я уже трогаюсь. – Алекс торопливо застегнул шлем и надвинул очки.

– Через поле лучше не ехать, – посоветовал Дитрих, оглядываясь, – ночью был дождь – можешь застрять. У тебя же чисто асфальтовые шины. Так что, даже и скорее всего, застрянешь. И уж точно извозишься как свинья.

– А-а-а... как? – растерянно спросил Алекс, уже поставивший ногу на кик-стартер.

– Езжай вон по той старой дороге. Она идет по горе и лесу и выведет тебя на Шпиринген. Тебе придется сделать крюк через Альтдорф и Ингенболь, но после Шпирингена дорога уже нормальная пойдет.

– А развалины как раз по той дороге. Ну где люди пропадают, – тут же влез один из пацанов.

– Никто там не пропадает, – махнул рукой Дитрих, – сказки все это. Мы в детстве там все облазили. И никто не пропал. Хотя место там действительно живописное... Кстати – на, я тут тоже собирался слинять подальше, покуда mutter немного не успокоится, и прихватил себе пару яблок и бутербродов и бутылку воды. Но тебе нужнее будет. Ты же не завтракал? Вот и пожуй в дороге до первой кнайпы или заправки.

До вышеупомянутых развалин Алекс добрался довольно быстро. Место и впрямь оказалось живописное. И довольно глухое... То есть поначалу он их чуть не проехал, поскольку развалины располагались практически на обратном скате горы, в густых зарослях и где-то в полукилометре от дороги. Так что с дороги, проходившей через довольно густой лес, их было видно очень плохо... Однако в последний момент он их все-таки разглядел. В принципе, одного интереса, который возбудили в нем рассказы пацанов и Дитриха, для того, чтобы Алекс свернул к этим развалинам, было недостаточно, но желудок после вчерашнего и всех утренних треволнений явственно требовал закинуть в него хоть что-то. А о сушняке и говорить нечего. Он и так уже перед тем, как тронуться, уполовинил бутылку... Так что Алекс решил устроить себе перекус в живописном месте с попутным осмотром местных достопримечательностей и, свернув с дороги, покатыл к развалинам.

Когда он подъехал поближе, продравшись через заросли довольно густого кустарника, выяснилось, что развалины куда обширнее, чем это просматривалось с дороги. Оттуда видно было только один угол почти совершенно развалившегося строения, судя по кладке, похожего на какую-нибудь овечью кошару, торчащий из-за низкого кустарника, словно больной зуб. А когда он подъехал поближе, выяснилось, что развалившееся строение точно было куда больше кошары. Несмотря на то что оно было разрушено практически полностью. Но самым впечатляющим здесь были отнюдь не развалины, а вид, который открывался с этой точки. Алекс остановил мотоцикл и несколько мгновений восторженно созерцал раскинувшуюся перед ним картину, а затем потянулся за телефоном. «Инстаграм» вздрогнет...

В этом месте дул довольно сильный ветер, поэтому парень расположился за полуразвалившейся стеной из камней, бросив на землю походный коврик, прописавшийся в одном из боковых кофров еще со времен первых мототуров. Впрочем, шикарный вид с этого места был вполне к его услугам.

Бутеры оказались с домашней бужениной и сыром. А яблоки, похоже, местные. Потому что слегка пожухлые и с сухими листиками на длинном черенке, в которых запутались несколько соломинок. Судя по ним, яблоки хранились в соломе, что явно выдавало их немагазинное происхождение.

После перекуса настала очередь более детального осмотра достопримечательностей. Что оказалось весьма непростым делом. Несмотря на глобальное потепление, март в горной Швейцарии все-таки оставался временем достаточно холодным. И ночные заморозки здесь также все еще являлись обычным делом. Так что валуны и выпавшие из разрушенной кладки каменные осколки, усыпавшие развалины, были почти сплошь покрыты наледью, которую яркое и уже начавшее припекать утреннее солнце полностью растопить пока не успело. Поэтому достичь скалы, вплотную к которой когда-то примыкала разрушенная постройка, Алексу удалось с трудом и проявив просто чудеса эквилибристики. Тем более что его классические «круизерные» мотосапоги с крупным рисунком на подошве оказались не очень-то приспособлены для подобных пируэтов на скользких камнях. Он даже пожалел, что снял шлем. Звездануться о камни головой было бы очень неприятно... Добравшись до цели, Алекс присел на крупный валун и, опершись спиной о скалу, вытащил смартфон. Ему стало интересно, что же это за место. Google и Bing не выдали ничего. На Yahoo нашлась ссылка на какой-то форум, где были упоминания о «развалинах монастыря в лесу между Унтершехеном и Шпиренгеном», тут же опровергнутые другим посетителем, утверждавшим, что это были развалины сторожевой башни. Его, как это обычно бывает, мгновенно высмеяли, ехидно поинтересовавшись, а что там можно сторожить с этой стороны, потому что там такая местность, что горные козлы ноги поломают, и тема быстро скатилась в обычный троллинг... То есть никакой внятной информации с первого захода найти так и не удалось. Второго же, хмыкнул про себя Алекс, скорее всего, и не будет. А вот приметную вершину впереди опознать удалось. Это был HochFulen... Покончив с лазаньем по Интернету, Алекс встал, потер слегка замерзшую от сидения на голом камне задницу (коврик остался на месте перекуса) и сделал широкий шаг вперед, наступив на крупный камень, покрытый уже подтаявшей наледью. Но когда он уже перенес вес тела на вытянутую вперед ногу, под ее каблуком что-то хрустнуло, и его резко повело в сторону. Алекс судорожно взмахнул руками, попытавшись за что-нибудь ухватиться (да хоть за воздух, блин!), а затем испуганно заорал и рухнул на спину. В последний момент, когда его затылок уже почувствовал холодную близость стелющихся камней, он судорожно дернул головой и испуганно

подумал: «Сука, с дороги же ничего не видно – и не найдет никто!» А потом наступила тьма...

* * *

Облачившись, Алекс подошел к двери и, чуть приоткрыв ее, прислушался. Снизу слышались стуки и позвякивания. Похоже, tante [\[19\]](#) Марта тоже уже встала. Алекс довольно улыбнулся и, выйдя из комнаты, двинулся вниз по лестнице. Он пока еще считался больным, поэтому хозяева дома всячески оберегали и никак не нагружали своего внезапно объявившегося американского родственника. Ну еще бы – воспаление легких в результате дичайшей простуды в это время почти приговор! Так что его выздоровление все восприняли чудом и результатом действия «новейших патентованных препаратов», которые на самом деле были всего лишь несколькими упаковками таблеток, завалявшихся в одном из карманов «косухи». Причем, вот ведь анекдот, это была не какая-нибудь там дежурная аптечка, а, считай, мусор из нее.

Дело в том, что в ближайшем к его дому сетевом супермаркете «Lidl» шла постоянная акция «помощи беженцам и малоимущим», внешне выражавшаяся в нескольких пластиковых контейнерах, в которые сердобольные граждане должны были складывать вещи, продукты питания, лекарства и все такое прочее, чем они хотят поделиться с «обездоленными». Сам супермаркет регулярно наполнял эти контейнеры своими продуктами... как правило, впрочем, с уже истекающим сроком хранения. Ну и бережливые бургеры ушли от него не слишком-то и далеко, предпочитая благотворительствовать путем избавления от накопившегося хлама... Впрочем, надо отдать должное, альтруистов, искренне делящихся новым и качественным, все же было немало. А однажды Алекс даже наблюдал целый школьный класс, дисциплинированно, под командой учительницы, зашедший в торговый зал, где дети набрали на свои невеликие карманные деньги продуктов, одежды, обуви и игрушек, после чего все так же дисциплинированно сложили купленное в контейнеры... Но лично Алекс «благотворил» вполне в духе большинства. И те самые таблетки, которые сейчас спасли его жизнь или как минимум здоровье, были несколько дней назад отбракованы из его мотоаптечки как раз вследствие того, что сроки их годности должны были закончиться в ближайшие месяц-два. Он засунул их в карман, собираясь бросить в контейнер в «Лидле», но замотался и забыл.

Тante Марта действительно уже хлопотала у большой плиты. Заметив Алекса, она ласково улыбнулась ему и поздоровалась:

– Доброе утро, Алекс. Не стоило тебе вставать. Ты же еще не до конца выздоровел.

– Благодарю, tante, но валяться в кровати целыми днями уже никаких сил не хватает...

– Понимаю... Я сама терпеть не могу ничего не делать. Но все равно ты должен быть осторожен. Как вспомню, в каком виде ты до нас добрался, – так снова прихожу в ужас.

Да уж, это точно был тот еще хоррор...

* * *

Когда Алекс очнулся, то с минуту никак не мог понять, где находится. Во-первых, было жутко холодно. Во-вторых – темно. Он попытался пошевелиться и-и... не смог! Жутко болела голова, горло, а еще его бил озноб. Это – ад? Но там же вроде жарко, не? Да и в ад, как говорят, попадает одна лишь голая душа. Тело же должно в это время спокойно гнить в земле. Так что ни голова, ни горло там болеть никак не могут. Так что, похоже, он пока все еще на этом свете. Но вот темнота... Это сколько же он провалялся-то? Часов семь? Нет, здесь горы – солнце скрывается раньше, но закат виден дольше. Значит, больше. То-то он так задубел. Воспаление легких практически гарантировано... Алекс прикрыл глаза, собрался с силами и рванулся всем телом, попытавшись хотя бы перекатиться на бок.

– А-а-а, су-у-ука-а-а... – Это было больно. Тело будто пронзило сотнями иголок. Но зато начала возвращаться чувствительность. Слава богу, что температура днем точно была плюсовой, так что он себе, похоже, ничего не отморозил, но серьезное переохлаждение точно схватил... Алекс чуть отдышался, а затем попытался что-то предпринять с чувствительностью конечностей. Сначала дело шло туго, но минут через десять он сумел-таки снова почувствовать руки и ноги, а еще через пять минут, опираясь спиной на какой-то валун, и принять полусидячее положение. Немного отдохнув, Алекс с трудом согнул руку и залез в карман за мобильником. В подобном состоянии на мотоцикл лучше не садиться, так что лучшим выходом было позвонить Дитриху и попросить его приехать.

– А-а... лять! Да что ж так не везет-то! – Телефон оказался разбит

напрочь. Да еще, похоже, сгорел. Из-за изуродованного от удара корпуса понять, так ли это на самом деле, было сложно, но гарью от него пахло. Так что рассчитывать, похоже, нужно было исключительно на себя... Алекс еще несколько минут посидел, собираясь с силами, а затем подтянул ноги и, упираясь в валун спиной и локтями, попытался подняться. До половины роста процесс продвигался успешно, а затем валун кончился, и парень завис в неустойчивом равновесии. Побалансировав в таком положении несколько секунд, Алекс понял, что еще чуть-чуть – и он рухнет обратно. Поэтому парень стиснул зубы и, упираясь в обледенелый валун непослушными пальцами, сумел-таки поднять себя на ноги. Теперь, чтобы добраться до мотоцикла, предстояло преодолеть десяток метров пространства, засыпанного битым камнем.

– Черт, чувствую себя Буратино, – пробурчал Алекс и сделал первый осторожный шаг все еще деревянными ногами. И чуть не упал снова. Похоже, преодолеть этот участок в вертикальном положении в подобном состоянии ему не светило. Надо было опускаться на четвереньки и ползти, но с только что взятой «высотой» расставаться очень не хотелось. Однако, покипя пару минут, парень, крича от боли в конечностях, опустил-таки на четвереньки и пополз вперед.

– Вот те здарсьте... – ошеломленно выпалил парень, когда наконец добрался до конца развалин. «Харлея» не было. Вообще. Никаких следов. Алекс взвыл и выдал многоэтажную матерную тираду.

– Вот ...ляди! Я ж даже еще кредит не закрыл, – протянул он со слезой в голосе, завершив этим стоном матерную релаксацию, после чего обессиленно привалился к тому самому полуразвалившемуся углу, который единственный был виден с дороги. И что делать? Идти пешком? В принципе, тут недалеко – полкилометра до дороги и еще где-то километр-полтора по ней. Причем под горку. Пятнадцать минут шагом... Ага, в его-то состоянии. Но никаких других вариантов не просматривалось. Алекс еще несколько минут посидел, собираясь с силами, а затем снова поднял себя на ноги и, пошатываясь, двинулся вперед.

До шале, построенного предком Дитриха, он добирался, вероятно, не меньше часа. Сколько точно – узнать было негде. Так что на самом деле могло пройти часа и два, и три, а могло и всего полчаса. Телефон-то не работал, а других часов у него отродясь не было. Зачем, если есть телефон? Уже на финишной прямой Алексу в глаза бросилось резкое несоответствие видимой картины современной реальности – несмотря на темноту, ни само шале, ни виднеющаяся вдали мрачным массивом деревня были совершенно не освещены. Ну вот вообще ни единого огонька! Даже окна не горели.

– Авария на линии у них тут, что ли? – прохрипел Алекс, остановившийся передохнуть, опершись о ствол довольно могучей ели. Его шатало от слабости, да и горло болело все сильнее и сильнее... Впрочем, если честно, это было не первое замеченное им несоответствие. Таковых за время его скорбного пути накопилось уже немало. Во-первых, снег на дороге. Насколько парень помнил, с утра он ехал по почти чистому асфальту, чистоту которого, кстати, разбавлял вовсе не снег, а лишь редкие лужи, еще подернутые с ночи хрустким ледком. Здесь же дорога была почти полностью завалена плотным, слежавшимся снегом. Пока он валялся в отключке, прошел снегопад? А почему тогда его самого снегом не засыпало? Ну пока он валялся... Да и снег был вовсе не рыхлым, каковым он должен быть после недавнего снегопада, а именно плотным и слежавшимся. Во-вторых, сам асфальт... Его не было. Ну то есть он теоретически вполне мог быть там, под снегом, но вот в редких прогалинах сквозь снег проглядывала только мерзлая грязь без малейших следов асфальта. Как будто эта дорога находилась не в богатой и ухоженной европейской стране, а в каких-нибудь дальних ебнях Саратовской области. В-третьих, следы. На снегу не было ни единого следа от шин, зато следы от полозьев саней и еще каких-то узких колес, которые можно было принять за тележные, вполне имелись. Не то чтобы так уж много, но были... И как это понимать? Впрочем, Алексу в настоящий момент было не до разгадывания любых загадок. Уж больно ему было плохо. Так что парень просто поставил очередную отметочку в памяти, а сам постарался полностью сосредоточиться на том, чтобы добраться до цели. До которой, кстати, остался последний рывок. А его состояние между тем становилось все хуже и хуже. Так что размышлять над всеми этими несоответствиями будем потом. Когда выживем. Если выживем...

Перед самой дверью черного хода Алекс не удержался на ногах и упал, «удачно» приложившись лбом об эту самую дверь. Впрочем, может, и на самом деле удачно. Потому что сил постучать у него практически не осталось, даже на ногах держаться уже удавалось с трудом, а так получилось весьма гулко. Хотя и больно. Так что, когда дверь распахнулась и на пороге появилась пожилая женщина в чепце и накинутой на плечи толстой шали из серой, некрашеной овечьей шерсти с горящей свечой в руке, у него перед глазами все плыло.

– Кто вы и что вам нужно? – строго произнесла она.

– Й-а-а... – хрипло протянул парень, слова еле-еле пробивались сквозь горящее горло, – помохи-и-и-тее... – мягко уплыл в небытие...

Поздоровавшись и перекинувшись словами с тетушкой, Алекс повернулся к лавке, стоявшей у дальней стены, и поковылял к ней. Он все-таки был еще довольно слаб.

Интерьер первого этажа шале здесь заметно отличался от того, который он имел, так сказать, счастье лицезреть в свое первое посещение этого дома. В отличие от того раза, в настоящий момент практически весь первый этаж дома занимало одно помещение, являвшееся одновременно и гостиной, и кухней, и-и... чем-то вроде хобби-рума. Потому что в углах этого обширного помещения размещались пара ножных прялок и довольно массивная рама ручного ткацкого станка. Так что здесь и готовили, и ели, и занимались всякими другими делами – пряли, вязали, вырезали, а также принимали гостей и даже, как выяснилось, соборовали покойников. Причем ели здесь, как правило, всей семьей сразу. То есть отдельно никого не кормили. Не успел к завтраку или обеду – остаешься голодным. Но такого на памяти Алекса пока еще ни разу не случалось, потому что к столу выходили все... Даже детям могли сунуть чего-нибудь типа куска хлеба с солью, только если время до общей семейной трапезы слишком уж затягивалось. Например, если старший мужчина семьи, в роли которого здесь выступал племянник тетушки Марты и сын ее уже умершей сестры Эстер, куда-то уезжал и сильно задерживался. Потому что без него за стол просто не садились... ну если только он не уезжал на несколько дней. А в остальное время это правило соблюдалось строго. Несмотря на то что на самом деле племянник тетушки был тем еще подкаблучником и всем в доме заправляла именно тетушка.

– Может, помочь принести дрова? – предложил Алекс, устроившись на лавке и разглядев с этого места, что в очаг дровяной плиты уже сложена растопка. Дрова на следующую топку заносились в дом заранее, чтобы успели высохнуть. Поленница-то еще полностью засыпана снегом. Так что, запалив печь, Марта посылала кого-нибудь из взрослых детей занести в дом новую порцию дров, после чего сноровисто обметала их от снега в стоящее рядом ведро, в котором была вода для, так сказать, «хозяйственных» нужд, а затем еще тщательно обтирала их тряпкой. И только после всех этих манипуляций дрова занимали свое место в специально выложенной нише в нижней части печи.

– Тебе пока рано выходить на холод. – Tante Марта улыбнулась, после чего подошла и положила ладонь ему на лоб. Так, как это делала мама в

детстве. Алекс почувствовал, как у него повлажнели глаза. Неужели он ее больше никогда не увидит?..

После того падения у дверей очнулся он уже в кровати. Раздетый. А вернее, переодетый. Потому что вместо привычных трусов парень оказался одет в странные мягкие штаны и такую же рубаху. Одет! В кровати! Что это за одежда и как называлась – он не знал. Хотя по поводу штанов в голове крутилось где-то слышанное слово «кальсоны»... В комнате было скорее не темно, а сумеречно из-за горевшей сбоку свечи, а рядом с кроватью, на стуле, обнаружилась та самая женщина, которая открыла ему двери. Она мирно дремала, откинувшись на спинку и слегка запрокинув голову, из-за чего слегка похрапывала. Алекс некоторое время молча косил глазами, осматривая помещение. Больше всего оно напоминало комнату *urgroßvater* Дитриха. Нет, внутренне убранство было другим, да и мебелью она тоже во многом отличалась. Но вот общие размеры, а также геометрия и расположение окон совпадали. Если это действительно она, то куда дели деда? И с какого черта за день кому-то приспичило поменять большинство обстановки? Причем вплоть до штор. Н-да, странности все накапливались и накапливались... Алекс повернул голову, и от этого подушка громко зашелестела сухим сеном. От этого дремавшая рядом с кроватью женщина мгновенно встрепенулась и хлопотливо наклонилась к нему.

– Как вы себя чувствуете?

– Х-х-хр-ыхху-ых... – просипел Алекс и запнулся. В горле как будто шар надули. Горячий. И шершавый. Вернее, даже не просто шершавый, а вообще с шипами, которые вонзились в стенки горла. Так что слова через глотку уже не протискивались. Только какие-то невнятные звуки.

– Молчите. Я вижу, вы совсем больны. С утра я пошлю за доктором. А пока вот глотните. Не волнуйтесь – это травяной настой. Меня научила делать его моя мать, и с того момента я давала его всем своим племянникам и племянницам. Особенной пользы он, конечно, не принесет, но горлу станет легче, – и она поднесла к его губам глиняную чашку с настоем, другой рукой аккуратно приподняв голову. Алекс сделал пару глотков и обессилено откинулся на подушку. Женщина поставила чашку на столик, стоявший у кровати, и, сложив руки на коленях, уставилась на него требовательным взглядом. В этот момент она очень напомнила Алексу маму Дитриха, хотя внешне они отличались довольно заметно. А вот на самого Дитриха она была чем-то неуловимо похожа.

– Я понимаю, что вы больны и обессилены, а также то, что не можете ответить, но мне необходимо задать вам один вопрос. Ответить на него можете жестом. – Она сделала короткую паузу, видимо, вопрос, который

эта женщина собиралась задать, был для нее очень важен, а затем спросила: – Вы сын Карла?

Алекс замер. Сын Карла? Какого Карла? Парень недоуменно замер, а в следующее мгновение его пронзила догадка... А что, если того Карла на фотографии? Но он же умер больше ста лет назад. Или... Значит... Черт! Все эти несоответствия и странности, которые он заметил по пути... Похоже – да, это все объясняет. Да что там говорить – он уже по дороге понял, что и пропажа мотоцикла, и снег на дороге, и темнота в деревне вполне могут быть объяснены одним-единственным допущением. Фантастичным, да, но одним. То есть каждому по отдельности можно было бы, вероятно, найти и куда менее фантастические объяснения, но вот всем вместе... Понял, но тем не менее продолжал гнать от себя эту мысль. Потому что такого просто не может быть. Это ж не фильм и не фантастический роман. Это жизнь! А в жизни нет места фантастике... Да и не нужно это ему. У него и так все хорошо. Ну почти... А будет – полностью. Так что спаси его бог от подобного приключения! И вот, похоже, он в него все-таки вляпался... Алекс с еле слышным стоном прикрыл глаза. Ну за что ему это?!

– Я так и думала! – Голос женщины звучал удовлетворенно. Похоже, она приняла движение его век за знак согласия. – Рада видеть тебя в доме твоего деда, Alexander. Я Марта, твоя тетя...

Глава 4

– Все-таки уезжаешь?

Алекс пожал плечами и, улыбнувшись, обнял тетушку за плечи.

– Тетя Марта, мне здесь было очень хорошо, но ты же понимаешь, что мне надо как-то устраиваться на родине отца. А оставшись здесь, в деревне, я не смогу найти применение своим знаниям.

Фрау Марта вздохнула.

– Все понимаю, но все равно жаль тебя отпускать. Ты там не забывай старушку, приезжай навещать...

С «вживанием в новый мир», как это, вероятно, можно назвать, у Алекса все сложилось как нельзя лучше. Причем случилось сие практически без всякого его участия. И это было хорошо. Потому что, займись он этим лично, точно накосячил бы по полной. А так... В голове тетушки Марты удачно сложились ее любовь к «карапузу Карлу», которого она немало понянчила в детстве, поскольку была аж на тринадцать лет старше братика, отдаленное сходство между ним и Алексом, замеченное еще прадедом Дитриха в оставленном им времени, а также обнаружившиеся на парне джинсы «Levi's», на лейбле которых удалось разглядеть надпись «San Francisco». Ну и посеянное им где-то портмоне с документами вкупе с разбитым мобильником также внесло свою вескую лепту. Ну то есть наоборот, их полное отсутствие... Так что он был идентифицирован как «сын брата, уехавшего в Америку» еще до того, как пришел в сознание. После чего любые факты, противоречащие данному выводу, сразу же стали для тетушки неважными и незначительными, а вот те, которые в него укладывались, еще сильнее укрепляли тетушкину уверенность в его правильности. Например, доллары пресловутого «начального комплекта», завалявшиеся в его внутреннем кармане, тетушка восприняла как важное подтверждение своей правоты, а вот всякая евромелочь, найденная в кармане джинсов (налички он с собой почти не носил, да и та по большей части осталась в утерянном портмоне с документами), была принята ею за какие-то восточноевропейские деньги и на этом основании признана не заслуживающей внимания. Этих новых стран на руинах рухнувших всего несколько лет назад четырех великих империй образовалась целая туча. От Польши и Финляндии и до Чехословакии с Албанией. И теперь все они пыжились друг перед другом кто во что горазд, принимая всякие шумные воззвания, устанавливая и

перекраивая границы и выпуская собственные деньги, большинство из которых обесценивалась в десятки, а то и сотни, и тысячи раз чуть ли не за первый же год обращения. И что теперь, все их помнить? Так что тетушка довольно быстро и практически без его помощи (поскольку Алекс из-за больного горла в тот момент и слова был не способен из себя выдавить) сложила в голове некую непротиворечивую картину, которую довела до окружающих. А поскольку ее авторитет в данном конкретном месте, как Алексу стало ясно чуть позже, был практически непререкаем, все остальные эту картину приняли. По привычке. Потому что последние идиоты, решавшиеся спорить с фрау Мартой, покинули этот дом еще года четыре назад... Окончательно же сомнения на его счет (если они у нее, конечно, еще были) были развеяны после того, как тетушка принесла ему уже знакомую по предыдущему посещению этого дома фотографию и, указав на того самого пухлощекого карапуза, сообщила:

– Вот это твой отец.

Алекс, к тому моменту уже оклемавшийся настолько, что мог выдавить из себя несколько слов, скорчил подобающую моменту умильную рожу и, повинаясь внезапному желанию, ткнул пальцем в изображенное семейство и прохрипел:

– А это дядюшки Вильгельм, Йохан, тетушка Эльза, вы, тетушка Марта, дядя Гюнтер и тетя Эстер, так? Отец мне рассказывал про это фото.

– Ах, Алекс... – тетушка Марта прослезилась и притянула его голову к груди. – Если бы даже у меня и были бы хоть какие-то сомнения в твоём отношении, то сейчас от них точно бы ничего не осталось.

Выздоровливал он довольно быстро. Возможно, вследствие молодости и крепкого организма. А может, из-за того, что сочетание современной фармакологии с дедовскими приемами типа банок, горчичников и паровой ингаляции над вареной картошкой, которые прописал ему местный доктор, вызванный из Альтдорфа на следующий день после столь эпического появления «племянника из Америки» в доме своих предков, неожиданно оказалось суперэффективным. Так что уже через четыре дня горло прошло настолько, что он начал говорить. Сначала пару слов, затем пару предложений. Впрочем, пользовался Алекс этими возможностями не слишком часто. Потому что в его положении самым умным было молчать и слушать... А еще через три дня тетушка Марта наконец разрешила вставать с кровати и самостоятельно оправляться в ночной горшок. Ну не было здесь теплых туалетов, не было! А на улицу она ему выходить категорически не разрешила... И именно с этого момента у Алекса начались самые тяжелые проблемы. Потому что тетушку интересовало все

– кто мама Алекса, где они жили, кем устроился в Америке «малыш Карл», есть ли у него еще дети, где Алекс учился и еще тысячи разных вопросов. А ответить на них, как вы понимаете, ему было совершенно нечего. Нет, кое-какую версию своей жизненной истории он, пока лежал с больным горлом, успел придумать, но, как выяснилось, придуманного оказалось совершенно недостаточно. Ну вот скажите на милость, как современному человеку предусмотреть вопрос: в какой храм они ходят по воскресеньям и как зовут пастора? Или сколько стоит мясо и зелень в ближайших лавках? И вообще, в каком районе Чикаго они живут? Алекс с трудом вспомнил, что вроде как почти в любом американском городе обязательно есть Даунтаун. Так и ответил. Но это же надо было сделать с налету! Слава богу, его регулярную заторможенность при неожиданных для него вопросах пока списывали на последствия болезни и то, что он – американец. То есть его родной язык – английский, а немецкий он после того, как выпорхнул, так сказать, из семьи, успел основательно подзабыть. Вот и тормозит, переходя на немецкий... На это работало еще и то, что как произношение отдельных слов, так и сам словарный запас за те почти сто лет, разделявшие нынешнее время и год, из которого он сюда попал, заметно изменились. То есть, несмотря на то что парень последние несколько лет прожил в Австрии, здесь его немецкий воспринимался именно как речь иностранца... К счастью, после нескольких попыток он сумел-таки отыскать отличный способ на время отключать тетушкино любопытство. Как выяснилось, для этого достаточно было задать тетушке какой-нибудь вопрос о родственниках. Или о деревенской жизни. После чего сразу же начиналась многочасовая лекция о том, кто кому родня, кто на ком женился, кто куда переехал и кто чем теперь занимается. Со всеми многочисленными подробностями типа семейных скандалов, вмешательства родственников и всяких тяжких последствий типа синяков или даже разбитой посуды и сгоревшего овина. Да-да, в нынешнее время посуда и уж тем более оvin в табели о рангах стояли куда выше не то что синяков, но даже и выбитых зубов, и сломанных рук и ног. На новое имущество ведь деньги тратить нужно будет, а синяки да зубы – люди вон без ноги или глаза живут, и ничего, не то чтобы и бедствуют... Парень диву давался от того, какой объем сведений об окружающих удавалось аккумулировать тетушке. Никакие КГБ или там гестапо и рядом не стояли. А уж взять ее личные навыки добывания информации... Имел он как-то «удовольствие» наблюдать, как тетушка буквально выпотрошила племянника, отъехавшего по делам на пару дней. Все выложил – от того, где и на что потратил деньги, причем с точностью до последнего сантима [\[20\]](#), и до того, сколько

раз поменял портянки. Ага-ага, и здесь, в Швейцарии, они сейчас тоже вполне были в ходу... Так что займись тетушка им вплотную – он бы и пары минут не продержался!

Но пока Алекса спасали две вещи – во-первых, то, что «американским родственником» его признала сама тетушка, то есть отказ от этой версии означал бы ее собственный прокол. А это было совершенно недопустимо! Ибо два главных закона той вселенной, в рамках которой существовали чада и домочадцы тетушки Марты, заключались в том, что а) существует только два мнения – ее и неправильное и б) тетушка никогда не ошибается... Ну и, во-вторых, он оказался очень благодарным слушателем. Во многом потому, что, кроме столь удачного для него переключения с опасных расспросов на рассказы, Алекс еще и извлекал для себя из этих рассказов массу попутной и очень полезной информации. Например, о наиболее уважаемых здесь профессиях (надо же было думать, чем зарабатывать), о том, как устроена местная логистика (первые десять километров пехом или на попутной телеге, а уж там как повезет...), о ценах, доступных услугах и наиболее популярных товарах. Вот кто бы знал, что одним из наиболее популярных продуктов является скипидар (который здесь именовался *terpentin*), который здесь применяется во множестве, так сказать, отраслей жизни – от быта и строительства и до медицины? Ему им во время болезни пятки мазали. Как мама в детстве...

Вечный русский вопрос «Что делать?» возник перед ним сразу. И все то время, пока он валялся в постели, Алекс напряженно над ним размышлял. Потому что вопрос этот был очень непростым... И вот к каким выводам пришел.

Нет, насчет того, что, если у него появится шанс вернуться в будущее – им надо воспользоваться, у него никаких сомнений не было. Местного «комфорта» он хлебнул полной мерой. Жить в мире, где даже самым богатейшим нуворишам недоступны Интернет, мобильная связь, скоростной транспорт, хорошие дороги, развитое авиасообщение, где вусмерть привычное и доступное в будущем даже для укро- и польскоязычных немецких сантехников или там крановщиков и каменщиков путешествие на пляжи Турции и Египта требует организации целой экспедиции с вооруженной охраной, его как-то не грело. Так что он совершенно точно собирался добраться до развалин и все там тщательно изучить на предмет возвращения. Но вот возвращаться в ближайшее время Алекс пока не планировал. Почему? Да потому что этот неожиданный провал в прошлое предоставил ему уникальный шанс серьезно поправить свое финансовое положение. И здесь, в прошлом, и, дай бог, если он

находится в одном и том же временном слое или одной и той же реальности, то и в будущем. Как насчет того, чтобы сегодня здесь положить на банковские счета тысячи, а оказавшись в будущем – получить миллионы? Или миллиарды. Сколько там за эти почти сто лет набегит процентов – надо было еще посчитать... Почти сто, потому что здесь и сейчас вокруг него был апрель тысяча девятьсот двадцать первого, а он попал сюда из марта две тысячи девятнадцатого... Почему провал случился не на сто, а вот на такое неровное число? Да кто его знает! И вообще – что такое ровное число? Десятичное исчисление возникло из-за того, что у людей десять пальцев. Удобно было. Но до того, как оно укоренилось повсеместно, люди считали как ни попадя. Например, дюжинами. А что – тоже удобно. На четырех совместно торчащих пальцах руки – указательном, безымянном, среднем и мизинце – как раз двенадцать фаланг. Так что подобное исчисление в современной жизни осталось, например, в привычном нам количестве часов – двенадцать/двадцать четыре, а также в количестве секунд в минуте и соответственно минут в часе. Пять раз по двенадцать. Так что для двенадцатеричной системы ровное число будет – сто сорок четыре. Двенадцать раз по двенадцать... А насчет того, откуда взять эти тысячи? Ха! Так ведь патентное право уже давно создано. А у него в голове десятки технологий, которые в этом времени еще только предстоит открыть. Он же, чай, не гуманитарий какой-нибудь, а настоящий инженер-химик. Так что будут тысячи, будут – дай только срок. Надо только пересобрать нечто в его времени давно известное любому третьекурснику на текущей технологической базе. Но это при наличии приличной лаборатории дело нескольких недель. В крайнем случае – месяцев. А деньги на лабораторию у него есть. Две или три тысячи швейцарских франков. Точно пока Алекс сказать не мог, поскольку не знал курса долларов и фунтов по отношению к франку. По нынешним временам очень и очень солидная сумма.

Деньги он добыл из того самого дедовского тайника. Алекс залез туда почти сразу же, как более-менее начал ходить. Но до вчерашнего вечера деньги оттуда не доставал. Ну куда ему их девать было – в кальсоны совать?.. И, кстати, похоже, выяснилось, откуда там появились деньги. Дело в том, что Алекса положили в такую большую и удобную комнату потому, что она в данный момент пустовала из-за того, что пару месяцев назад в ней умер старший из его «дядьев» – Вильгельм. И пока никто другой ее не занял. Вообще-то дядюшка Вильгельм покинул отчий дом уже давно – лет сорок назад, и в конце концов обосновался в Люцерне, городе, расположенном на противоположном от них берегу Фирвальдштётского

озера. Так что добираться до него из Унтершехена обычным порядком было два дня. Здесь. В будущем, скорее всего, не больше часа. Полста километров, ха! Так что в отчем доме он бывал по несколько раз в год. Ну нравились ему эти места. На ностальгию его пробивало... А около трех лет назад дядюшка Вильгельм внезапно заявил детям, что хочет умереть именно в отчем доме, после чего взял да и перебрался обратно в родовое шале на попечение сестры. При этом вполне себе оплачивая ей содержание. Ну не то чтобы так уж щедро, все-таки немецкая сущность никуда не делась, но деньги «на хозяйство» он ей выдавал регулярно... Ну да дядюшка Вильгельм считался среди всех родственников самым зажиточным. Не олигархом каким-нибудь, нет, но человеком с деньгами. После отъезда из родительского дома дядюшка занялся торговлей сыром и неплохо развернулся. Но именно неплохо, а не типа там широко. У его семьи даже загородного дома не было. Хотя квартира в Базеле, судя по рассказам тетушки, была довольно просторная. И в остальном семья не бедствовала. Например, на автомобиль его сыну, который в настоящий момент унаследовал отцовский бизнес, денег вполне хватило. Вон он сейчас как раз и стоял у своего авто, вызванный тетушкой в родовое гнездо, дабы помочь вновь обретенному родственнику добраться до очагов цивилизации. Вследствие чего дорога до Люцерна для Алекса должна была сократиться до нескольких часов. Вряд ли эта «мотоколяска» могла развивать по местным дорогам более двадцати километров в час, скорее куда менее, но на фоне крестьянских телег или наемных пролетов это были космические скорости... Однако после переезда «под крылышко» сестры дядюшка Вильгельм никуда более из родового шале не выезжал. А деньги сестре при этом, как это уже упоминалось, подкидывал регулярно. И откуда, позвольте спросить, он их брал? Во-от... Так что Алекс, не особенно заморачиваясь, решил считать себя наследником почившего «родственничка». Тем более что это решение никого вроде как не ущемляло. Все равно эти деньги в иной ситуации должны были пролежать в тайнике где-то более девяноста лет и объявиться на свет божий только тогда, когда никому от них никакого особенного толку уже не было.

– Ну, все, иди. – Тетушка Марта слегка подтолкнула его в сторону машины. – Манфред довезет тебя до Люцерна. Там у него переночуешь, а утром он посадит тебя на поезд до Берна... И напиши, как обустроишься.

– Непременно, – улыбнулся Алекс. – И даже приеду.

– Все вы так говорите, – несколько ворчливо отозвалась старушка. – А потом вас не дожدهшь...

Сначала решение Алекса «поддержать» версию фрау Марты о том, что

он ее американский племянник, было вызвано чисто меркантильными соображениями. Потому что решить самые насущные текущие вопросы, которые непременно возникнут перед ним, едва только он встанет с кровати, в одиночку было бы куда сложнее, чем будучи признанным членом довольно многочисленного и весьма расползшегося не только по Швейцарии, но и уже по соседним Германии, Австрии и Италии клана родственников. Поэтому парень, несмотря на некоторое внутреннее смущение, которое возникает у любого считающего себя порядочным человека при осознании того, что он откровенно врет, старательно укреплял тетушкину уверенность в том, что он сын «карапуза Карла», приехавший из Америки, который неудачно упал с какого-то горного склона, лишившись вследствие этого большинства пожитков. Впрочем, поначалу тетушка больше склонялась к версии нападения бандитов, в пользу которой свидетельствовала и солидная гематома на затылке, но Алекс твердо заявил, что никакого нападения не было и что он сам виноват во всем. Вот только разборок с полицией ему не хватало... Впрочем, совсем без полиции не обошлось. Документов-то у него не было. Но после твердого заявления Алекса, что он приехал навсегда и совершенно не собирается возвращаться в «свою Америку», тетушка взяла это дело в свои крепкие ручки. Так что самый сложный вопрос разрешился довольно быстро. Когда Алекс более-менее окреп, они втроем с тетушкой и все тем же тетушкиным племянником, то бишь двоюродным братом «американца Алекса» Клаусом-Михаэлем, юридически считающимся владельцем усадьбы, поехали в столицу кантона Ури – Альтдорф, где с помощью некоего официального лица, оказавшегося, как это было обычным для тетушки, их каким-то дальним родственником, типа шурина жены брата деверя сестры двоюродной тети по матери (к каковому родству, впрочем, все присутствующие относились весьма серьезно), оформили ему швейцарский паспорт. Причем вполне официально. С торжественным свидетельствованием родственниками степени и достоверности его родства, а также присягой как кантону, так и Швейцарской конфедерации в целом и всеми положенными записями в книгах. Ну до Альтдорфа тут было всего дюжина километров, вследствие чего обернуться удалось за день... Так что его меркантильные расчеты пока срабатывали в точности как ему и требовалось. Однако через некоторое время он понял, что потихоньку начал действительно привязываться к этой женщине.

Тетушка Марта была одинокой старой девой, всю жизнь положившей на заботу о близких. Сначала она самоотверженно заботилась о младших братьях и сестре, потом о престарелых родителях, а в последнее время

пришла очередь и старших братьев. Вильгельм не зря вернулся в отчий дом под крылышко сестры. Алекс был совершенно уверен, что здесь уход за ним точно оказался куда лучше, чем даже во вроде как куда более цивилизованном Люцерне. Что же касается ее стремления всем командовать и все контролировать... ха! Да Алекс вырос в подобной атмосфере! И не избавился от нее окончательно, даже когда переехал в другую страну... Зато с какой самоотверженностью тетушка за ним ухаживала. Как решительно занялась решением его проблем... Так что тетушка Марта как-то незаметно, но реально стала для него действительно близким человеком.

– Ладно, езжай уже, малыш, – Манфред вон весь извелся. – Тетушка шутливо толкнула его от себя. Алекс улыбнулся, обнял старушку и поцеловал ее в лоб, после чего, резко развернувшись, двинулся в сторону ожидающей его машины.

Усевшись в антикварное (для него) авто, Алекс с интересом огляделся.

– Что, нравится? – несколько покровительственно спросил сидевший на водительском месте «брат», который, однако, вполне годился ему по возрасту в отцы. Ну да покойный Вильгельм являлся старшим из «дядюшек», так что это было вполне объяснимо.

– Это немецкая модель – Mercedes Simplex. Я купил его еще до войны. Старенький, конечно, но еще вполне крепкий, – небрежно бросил Манфред. – Но это так – разъездная. Дома у меня в гараже Lancia стоит! – и он горделиво воздел палец.

Алекс чуть не поперхнулся. Поставить «Мерседес» выше «перетянутого «Фиата»... но затем он (очередной раз) осознал, что тащить в прошлое стереотипы из будущего – глупо. Ну что он знает о современных автомобилях?

– А у тебя там, в Америке, был автомобиль? – поинтересовался Манфред, спустя некоторое время, когда они уже проехали Шпиринген.

– Нет, – мотнул головой Алекс. Ну его на фиг, а то еще предложит порулить. А после того как он имел счастье наблюдать, какие па-де-де выписывал сидевший слева гордый владелец «Мерседеса» вокруг своего автомобиля, прежде чем это престижное транспортное средство тронулось с места, Алекс понял, что повторить это все с налету он точно будет не в состоянии. Да и в движении работа «современного» водителя чем-то напоминала ему занятия в тренажерном зале. Тому постоянно приходилось что-то тянуть, нажимать, крутить и толкать, так что, на взгляд парня, этот процесс больше напоминал работу на тренажерах, нежели привычное вождение автомобиля.

– Только мотоцикл...

«Брат» бросил на него уже куда более благосклонный, но несколько покровительственный взгляд. Мол, свой брат, механик-шофер, но в песочнице ковыряется...

– А из-за чего ты уехал из САСШ? – снова поинтересовался он чуть погодя. Когда они проехали Альтдорф. Ну да, управление этим «пепелцем» внутри населенных пунктов требовало от водителя куда большей немалой сноровки, чем движение по загородной... хм... да уж... назвать это трассой язык как-то не поворачивался... а также еще и энергичной работы пневматическим клаксоном. Потому что самый модный и свежий европейский тренд покинутого Алексом будущего – «города для пешеходов» – в окружающем его настоящем цвел (и пах) буйным цветом. Народ пер по улицам, как и куда хотел – вдоль, наискосок, наперерез и по разным криволинейным траекториям. Причем подобным страдали не только пешеходы, но и гужевые повозки. А как вам просто встать толпой на том месте, на котором, по уму, должна проходить двойная сплошная, и что-то степенно обсуждать? Легко!

– Были причины, – сухо отозвался Алекс. Нет, после пары недель въедливых тетушкиных выпрашиваний у него уже сформировались вроде как вполне непротиворечивые и достаточно подробные версии как побудительных мотивов, заставивших его покинуть «родные пенаты», так и истории его жизни в САСШ в целом. Но вот насколько они действительно являются непротиворечивыми в глазах не только непоколебимо поверившей в него тетушки, а кого-то, кто будет настроен куда более скептически, он не знал. Поэтому в разговорах с «близкими» родственниками пока предпочитал придерживаться варианта поведения, озвученного тетушкой Мартой: «Мальчик много пережил, так что не стоит делать ему больно глупыми расспросами».

– Ну не хочешь рассказывать – так и не надо, – пожал плечами «братец». После чего до самого Люцерна они ехали молча...

В Базель, где Алекс решил обосноваться после долгого обдумывания плана обустройства в этом времени, он добрался только на третий день. Потому что, кроме Люцерна, пришлось заночевать еще и в Берне, потратив на отель аж одиннадцать франков. Ну, вот такое здесь было время. С одной стороны, вроде как стремительное, особенно по сравнению с предыдущими десятилетиями, а с другой – все еще очень неторопливое... Впрочем, этот лишний день парень провел вполне с пользой, во-первых, обменяв как найденные в тайнике, так и бывшие при нем в момент попадания доллары и фунты стерлингов на швейцарские франки в ближайшем к отелю банке, а

во-вторых, обновив гардероб. Уж больно его джинсы и косуха привлекали внимание окружающих...

Путешествие ему в принципе понравилось. Единственными факторами, которые слегка напрягли, было то, что в вагонах изрядно сквозило, а лавки во втором классе мало того что были довольно неудобны, да еще и очень напоминали такие же в раздолбанных саратовских электричках, на которых он успел немало поездить в «школьные» времена, поскольку были сбиты из узких деревянных реек. Но в общем и целом все эти паровозы, вагоны с блестящей бронзовой или латунной арматурой, фигурными ручками, ажурный литой чугун колонн вокзальных дебаркадеров, дюжие носильщики с бляхами на груди создавали впечатление того, что он попал в некую компьютерную игрушку с полным погружением, нарисованную в эстетике стимпанка. Причем не какого-то там кавайного, а такого реалистично-сурового. Притом что выехал-то он вообще из средневековья. Ну почти... Все-таки керосиновые лампы в доме у тетушки Марты имелись. Хотя зажигались они очень редко. А весь остальной быт – ну типичное средневековье. Отопление дровами, кальсоны, тулупы, портянки, вода из колодца, свечи, ручные прялки, телеги с лошадьми... и это, блин, в конце первой четверти двадцатого века в одной из самых богатых стран Европы! Чего тогда требовать от отсталой России?

И, кстати, именно во время этой поездки у него напрочь исчезли все иллюзии относительно того, что наши предки, мол, жили в куда более чистом и экологичном мире. Не было такого! Ах, в городах выхлопы автотранспорта... а как вам такой же город, но провонявший лошадиной мочой и лошадиным же дерьмом, в которое еще и очень запросто вляпаться, просто переходя улицу? Нет, в крупных городах центральные улицы еще кое-как убирались, но только и именно центральные. Две-три, редко больше. А остальные? Да и уборка заключалась всего лишь в том, что лошадиное дерьмо просто сгребалось в стоящие у стен домов ящики, вывозившиеся в лучшем случае раз в сутки. То есть на улице не валялось, но запах-то никуда не девался... Машины, правда, уже тоже вполне встречались, но даже в том же Люцерне соотношение гужевых повозок и автомобилей было в лучшем случае десять к одному. При этом вони от них было едва ли не больше, чем от лошадей... Или висящий в воздухе смог от тысяч топящихся печей и каминов? Причем такой, от которого на зубах скрипит зола, а на губах и одежде оседает тонкая корка сажи. Вы думаете, все эти вуали у женщин из-за скромности? Три раза ха! Да чтобы рожу поменьше мыть!.. Даже в Берне, в столице, на водяное отопление была переведена только малая часть домов. Например, в том отеле, в котором он

заночевал в Берне, отопление было все тем же печным... Да и водяные котельные, кстати, работали на все том же угле или вообще дровах, которые доставлялись в город в основном все на тех же гужевых повозках. Как и большая часть всех остальных грузов: от стройматериалов до продуктов питания и от тканей до мебели. А однажды парень имел честь лично наблюдать гужевую повозку, запряженную парой здоровенных битюгов, нагруженную огромным трехстворчатым шкафом-буфетом, массивным столом и дюжиной «гнутых» венских стульев.

Базель как место своего будущего базирования Алекс выбрал не наобум. Выезжать за пределы Швейцарии он пока не хотел. После мировой войны в Европе было еще очень бедно и уныло, так что Швейцария, сумевшая избежать прямого и непосредственного участия в этой бойне, на фоне других стран выглядела достаточно живенько. А среди швейцарских городов Базель, по его прикидкам, для осуществления всего задуманного должен был в качестве площадки подойти наилучшим образом.

Нет, точно ему пока ничего было неизвестно, но OMV, на нефтекомплексе которого, расположенном в венском районе Швехат, парень и работал в покинутом им будущем, имела обширные связи со швейцарскими компаниями Novartis, Hoffmann-LaRoche и Clariant, чьи штаб-квартиры как раз и располагались в Базеле. Да что там говорить, если даже их лаборатория пользовалась производимыми этими компаниями расходниками... Вследствие чего Алекс счел вполне разумным предположение, что, даже если этих компаний пока еще не существует, в Базеле все равно уже должно иметься какое-нибудь достаточно развитое химическое производство. Ведь почему-то штаб-квартиры этих компаний оказались именно в этом городе? Скорее всего, они просто выросли из каких-то имеющихся там ранее предприятий... А из этого вытекало, что в Базеле ожидается куда меньше проблем как с заказом и поставкой необходимого химического оборудования, так и с регулярными закупками требуемых расходников. Раз есть большой рынок для подобных товаров и услуг, значит, имеется и их предложение. А это было очень важным моментом в его планах. Потому что до появления AliExpress оставалось еще почти столетие, так что пока ничего заказать по Интернету точно не получится. И если на полках ближайших магазинов и лавок в настоящий момент не имеется чего-то нужного (а с лабораторным оборудованием, специальной посудой и химическими реагентами в большинстве городов, не имеющих, так сказать, под боком крупных химических производств, скорее всего, так оно и есть – уж больно товар специфический), то все придется заказывать и потом долго ждать поставок. А если магазин еще и

не профильный, что опять же в случае отсутствия поблизости крупных потребителей столь нетривиальной продукции скорее правило, чем исключение, то ждать придется еще дольше. Потому что в этом случае магазин сначала выпишет каталог, получит его и, лишь узнав из каталога цену и прикинув свой интерес, согласится сделать заказ. Возможно. Если магазин вообще согласится этим заморачиваться...

Обустроиться в Базеле оказалось куда легче, чем он опасался. Уже через три дня после прибытия Алекс снял комнату в небольшом домике на окраине города, в котором уже имелась большая и неплохо оборудованная лаборатория. Сия лаборатория действительно была отлично (ну по местным меркам) оборудована, и единственное, что в ней требовалось сделать, – это провести модернизацию вытяжки. Поскольку эту лабораторию ему сдала вдова ее прежнего владельца, безвременно покинувшего этот бренный мир именно вследствие того, что он траванулся какой-то химией. О чем безутешная вдова и не преминула Алексу сообщить, окинув при этом молодого человека весьма... м-м-м... многообещающим взглядом.

Получаться что-то начало только через четыре месяца. Ибо пришлось заказывать кучу специфических реактивов. А кое-что и вовсе изготавливать самому. Более-менее же приличных результатов он достиг только к концу лета. После чего... нет, не начал загребать деньги лопатой, а наоборот, уперся в глухую стену. Иначе эту ситуацию назвать было нельзя...

Нет, большую часть того, что он планировал патентовать, повторить на местной базе Алексу в конце концов удалось, но-о-о... практического толку из этого не было никакого. Потому девяносто процентов того, что он тут смог сделать, в ближайшее время просто не имело никаких бизнес-перспектив. Почему? Да потому что, как это говорится – каждому овощу свой срок. Вот и все те продукты и реакции, которые он мог бы запатентовать, в настоящее время либо были никому не нужны, либо оказывались напрочь неконкурентоспособны – вследствие того, что в настоящем либо пока не существовало промышленного производства необходимых компонентов, используемых в процессе получения, либо они были, но стоили еще очень дорого. Например, возьмем тот же перехлорированный поливинил. Тот самый «винил», из которого всюду клепают грампластинки ^[21]. Да, запатентовать наиболее распространенный в будущем и соответственно наиболее эффективный способ его производства достаточно легко. Но дальше-то что? Принципиально есть два способа синтеза винилхлорида – пиролизом дихлорэтана (получается хлорированием этилена) и присоединением

хлороводорода к ацетилену. Вроде как все отлично. Более того, при первом способе выделяется хлороводород, так что «отход» от первого процесса можно применить во втором синтезе. То есть комбинация двух способов работает лучше всего. Ага, в лабораторных условиях. А в промышленных – хрен! Потому что тут подводных камней – до фига и больше. Например, где брать этилен? В покинутом им будущем это отход от пиролиза нефти и крекинга. Но в настоящее время этот процесс более-менее освоен только в Штатах. Да и там на троечку. Потому что для его развития на пятерочку требуется спрос на высококачественный, высокооктановый бензин. То есть развитие авиации и легкового автомобильного парка. А с этим тоже была полная фигня. Даже самолеты тут, как выяснилось, еще летали на банальном газолине, а уж на чем ездили автомобили... Или где брать ацетилен? Тут вообще засада. Карбидный способ, которым его получают здесь и сейчас, очень дорог и жрет много электричества, которого здесь пока с гулькин нос. Есть куда более дешевая альтернатива – пиролиз метана «с закалкой». Но метан – это природный газ. А промышленной добычи природного газа в мире пока не существует в принципе. Ибо газ – это отход! Единственный газ, который добывается в более-менее значимых объемах, – это попутный газ, добываемый вместе с нефтью. И из него путем не слишком сложных и дорогих реакций можно было бы получить необходимое сырье. Но, блин, здесь его предпочитают тупо сжигать в факелах прямо на месторождениях.

Очень перспективным выглядел каталитический крекинг. Но для него, зар-раза, требовались *платиновые* катализаторы, денег на которые не было от слова совсем. Нет, можно было поиграть и с алюмосиликатами, но реакции на подобных катализаторах Алекс знал куда хуже, чем на платиновых. То есть если двинуться в данном направлении, то потребовалось бы на порядки больше исследовательской работы. Что на круг должно было выйти даже дороже, чем с платиной... Ведь аренда лаборатории обходилась ему в девяносто пять франков в месяц. Несмотря на то что вдовушка, у которой он ее арендовал, регулярно ночами навещала молодого одинокого холостяка (она оказалась очень горячей штучкой), сбавлять цену на аренду ей и в голову не пришло. Впрочем, это был вполне себе прагматичный немецкий подход. Удовольствия удовольствиями, а деньги деньгами... К тому же такой крекинг становится жизненно необходим опять же лишь в случае резкого повышения спроса на высокооктановый бензин, а таковой начнется только со второй половины двадцатых и опять же в США. Пока же там вполне обходились термическим... И так было практически со всем. Либо нет дешевых

исходников, позволяющих развернуть промышленное производство, либо беда со спросом. Либо и то и другое вместе взятое. Так что самым вероятным кандидатом на планируемый в ближайшем будущем заработок у него в конце концов остался только процесс Фишера – Тропша, который, кстати, оба этих немца должны были открыть где-то вот-вот. А может, уже и открыли. Ну не помнил он, когда это точно произошло! Вроде где-то в двадцатых... Но поскольку эти самые двадцатые только-только начались, Алекс все-таки решил рискнуть. Тем более что востребованным этот процесс окажется опять же, скорее всего, именно в Германии. Ну и, может быть, Польше. В Англии тоже есть достаточно крупные залежи угля, но им, в отличие от полунищей сейчас Германии, извращаться с процессом производства жидкого топлива из угля особого смысла не было. Сколько надо – столько нефти танкерами и привезут. Наверное... А вот немцам топливо нужно. Особенно если пересобрать процесс таким образом, чтобы на выходе получался заменитель не бензина, а дизельного топлива. Впрочем, здесь дизеля пока что работали в основном на керосине...

Но даже для того, чтобы начать зарабатывать хотя бы на этом процессе, сначала надо было получить патент. А это опять деньги. Причем патент нужен был еще и не один, а как минимум несколько. То есть, по уму, техпроцесс следовало запатентовать по меньшей мере в тех странах, которые имели технологическую возможность его внедрить. А таковых было, даже если брать по минимуму, семь штук – США, Англия, Германия, Франция, Италия, Швеция и Япония. Иначе фиг тебе, а не патентные выплаты. Деньги же между тем утекали между пальцев словно вода. Хотя Алекс изо всех сил старался экономить...

Глава 5

– Alexander! Ты все-таки приехал провести свою старую тетюшку.

Алекс улыбнулся и, шагнув вперед, обнял расчувствовавшуюся старушку. Ему было немного не по себе. Да, он вроде как исполнил свое обещание и приехал... вот только истинной причиной его приезда было вовсе не желание провести старушку и даже не то, что он собирался наконец-то заняться проверкой развалин на предмет обратного портала, а... банальное отсутствие денег. Он катастрофически просчитался с расходами, что, впрочем, было вполне объяснимо. Ну как можно было составить более-менее реальный бизнес-план нового дела, не зная ни цен, ни особенностей законодательства, ни уровня коррупционной нагрузки (да-да, в сегодняшней Швейцарии вполне себе существовала коррупция, хотя и не сильно развитая... впрочем, а разве есть страны, где ее вообще не существует-то?), ни, собственно, текущего уровня развития химии. Тем более что подавляющее большинство подобных бизнес-планов, составленное даже вроде как в условиях полного владения всей подобной информацией, – и то практически всегда страдает от резкого роста расходов в процессе их воплощения. Действительно резкого – в разы, а бывает, и на порядки. И не только у нас, а и у куда более, как считается, экономически грамотных народов. У тех же американцев, например... Поинтересуйтесь, скажем, во сколько раз выросли и сроки, и стоимость разработки суперсовременных истребителей F-35, или, если взять область высокотехнологичного (ну как у него по нынешним меркам), но строго частного бизнеса, как изменились сроки и стоимость строительства американо-японской компанией Westinghouse АЭС «Санмэнь» ^[22] для Китая? Однако у Алекса имелись вполне рабочие варианты того, как купировать дополнительные расходы. Но... о, женщины, коварство ваше имя!

Все началось с того, что он не оправдал ожиданий фрау... или, вернее, мадемуазель Фавр. Той самой вдовушки, у которой он и арендовал комнату и лабораторию. Нет, не оправдал отнюдь не в сексуальном плане. Тут все было нормально, и горячая вдовушка весьма регулярно оглашала своды его расположенной под самой крышей комнатки сладострастными воплями, а потом с придыханием шептала на ухо:

– Ах, Alexander, вы были невероятны! – Ну дык сексуальная революция и сто лет бурного развития порнографии ему в помощь. Тем

более что мадемуазель заводилась чуть ли не от простого прикосновения...

Проблемы начались после того, как вдовушка начала всерьез рассматривать его кандидатуру в качестве очередного спутника жизни. Причем причиной подобных матримониальных планов были вовсе не его сексуальные подвиги (ну или не только они), а практичный ум швейцарки. Мадемуазель была родом из франкоговорящего кантона Невшатель и в Базель попала только после замужества, однако ее природная французская романтичность, похоже, оказалась в значительной мере подавлена немецко-швейцарской практичностью. Так что, когда до мадемуазель Фавр внезапно дошло, что Алекс – лучший кандидат для успешного использования уже сделанной покойным мужем немалой инвестиции в виде отлично оборудованной химической лаборатории, в ее очаровательной головке тут же сложился хитрый план, как извлечь из доставшейся ей по наследству недвижимости куда более значимые дивиденды, чем те, что приносила сдача лаборатории в аренду или могла принести продажа ее оборудования. Ну а то, что объект матримониальных устремлений, кроме того, молод и достаточно красив (хотя ему бы очень пошли модные узкие щегольские усики...), а также отлично образован, вследствие чего точно будет принят в приличном обществе, позиции мадемуазель Фавр в котором после гибели мужа стали довольно шаткими, шло пусть и приятным, но все-таки довеском. Впрочем, ей очень захотелось посмотреть на рожи мадемуазель Клебер и фрау Бруннер после того, как она заявится в салон фрау Роршах под ручку с таким красавчиком и представит его как своего жениха... А то, что он, кроме всего прочего, еще и очень хорош в постели, только добавило этим планам дополнительной привлекательности.

После чего молодая вдова энергично принялась за их воплощение в жизнь. И произошло это как раз в тот момент, когда у Алекса явственно наметился финансовый кризис. Вследствие чего ему пришлось отвлечься от собственных исследований и начать брать на стороне заказы на проведение химических анализов и производство лабораторных реактивов. То есть именно в тот момент, когда ему и так стало резко не хватать времени, мадемуазель Фавр начала еще и активно отвлекать его на всякую чушь типа визитов... Что, естественно, привело к тому, что он сначала мягко, а потом все более и более категорично начал отказываться от любых попыток своей домохозяйки вывести его в свет и представить обществу. Ну не до того ему было совсем... Мадемуазель Фавр причины отказов не поняла и понимать отказывалась. Как же можно не появляться в свете? Зачем тогда вообще переезжать в город? Сиди в деревне и крути хвосты коровам! Ну понятно же, что обучение в университете, работа на

престижной и денежной должности либо собственное дело нужны только для того, чтобы занять достойное положение в обществе. Иначе зачем тогда вообще жить? Поэтому она принялась энергично вправлять мозги своему избраннику (о чем он, вот ведь бесчувственный чурбан, поначалу совершенно не догадывался, полагая, что в его положении «арендатора и любовника» ничего не изменилось), сначала всего лишь ласково воркуя «своему глупышу» на ушко после бурного секса вполне себе для нее прописные истины. Однако «глупыш» оказался «глупышом» в куда большей степени, чем она предполагала. Поэтому такой гламурно-любезный период продлился недолго. И уже через несколько дней в ход пошли куда более жесткие методы – слезы, истерики, демонстративный отказ от близости, сменяемый совершенно сумасшедшими оргиями под девизом «Смотри, что ты потеряешь, если не сделаешь по-моему», оскорбления, насмешки и так далее...

Алекс похудел, осунулся, растерял всех временных заказчиков и вынужден был приобрести небольшой сейф, в котором начал запираť лабораторные журналы. К исходу августа, когда он, измученный регулярными истериками, недосыпом и ставшим уже хроническим безденежьем, закончил-таки оформление всех материалов, предназначенных для подачи патентной заявки, и был готов выехать в Берн, процесс достиг кульминации. Ему был поставлен жесткий ультиматум: либо он берется за ум и прекращает быть «таким идиотом», либо мадемуазель Фавр отказывает ему в доме и аренде лаборатории. Впрочем, к тому моменту Алекс и сам дозрел до того, чтобы прекратить наконец эту череду страданий и бежать куда подальше. То есть не только из дома мадемуазель Фавр, но и вообще из города. Поскольку можно было не сомневаться, что после его окончательного отказа бывшая хозяйка приложит все свои усилия и влияние в городском обществе, дабы создать парню максимальные трудности в любом деле, за которое он возьмется. Поэтому в Берн он собирался как в эмиграцию. Даже если ему не удастся обустроиться в этом времени или, чего он желал куда более, вернуться в будущее, в Базель он более возвращаться не собирался...

– Ну что ты стоишь на пороге, – несколько ворчливо пробормотала тетушка, – проходи уж давай. Надолго приехал?

– Думаю, да, – все так же улыбаясь, ответил Алекс. И едва не вздрогнул. Взгляд «любящей тетушки» тут же стал очень жестким и подозрительным. Вот только включения «режима Мюллера» (как он это стал называть) ему еще не хватало... Парень поспешно вскинул руки и пояснил:

– Ох, тетушка, не смотрите на меня так. Просто я закончил отработку и патентование одного химического процесса, который начал разрабатывать еще в Америке, и теперь собираюсь в ожидании реакции заинтересованных лиц немного развеяться и пожить на природе.

– Патентование? – Тетушка, не меняя выражения лица, слегка наморщила лоб, и Алекс торопливо продолжил:

– Ну да. Я разработал новый химический процесс, который позволит делать из угля жидкое топливо, используемое в двигателях внутреннего сгорания... То есть им можно будет, например, заправлять машину Манфреда, – чуть изменил он описание сути своей разработки, поняв по лицу тетушки, что она не слишком поняла его первые слова. – Он ездит на машине, в которой используется топливо, сделанное из нефти, а в Европе ее очень мало. А вот угля довольно много. И это топливо можно будет делать именно из угля. Так что, я думаю, им точно заинтересуются в Германии.

Тетушка Марта еще несколько мгновений молча стояла, сверля его все тем же настороженным взглядом, а затем снова расплылась в улыбке. Парень мысленно вытер пот. Получилось. Потому что как жить дальше в том случае, если бы тетушка даже и не стала его «потрошить», но хотя бы дала ему от ворот поворот, было непонятно. Нет, у него осталось еще сорок два франка, в первую очередь потому, что он решил пока не патентовать свой процесс нигде, кроме Германии. Да, в будущем, если найдутся какие-нибудь ушлые ребята и запатентуют процесс в тех же США или Франции, и он вдруг, в отличие от уже свершившейся реальности, быстро станет достаточно популярным, это грозило обернуться для него существенными материальными потерями, но деваться было некуда. Тем более что все равно на то, чтобы закрыть патентами весь пул государств, способных запустить производство по разработанному, а вернее, повторенному им процессу, этих сорока двух франков все равно не хватило бы. Максимум еще на один патент, и все. Да и то не факт. Ну если учитывать расходы на перевод...

– Ну тогда проходи, чего застрял на пороге-то, – добродушно проворчала тетушка, отходя в сторону...

Следующий месяц прошел достаточно ровно. Большую часть времени Алекс гулял по окрестностям, уходя сразу после завтрака и возвращаясь уже ближе к вечеру. Пару раз он с оказией выбирался в Альтдорф, откуда возвращался обратно с гостинцем в виде коробки с шоколадными конфетами. Конфеты были достаточно дорогим удовольствием, так что каждая коробка обходилась не менее чем в семь франков, но это позволяло

поддерживать иллюзию, что пребывание Алекса здесь вызвано именно желанием отдохнуть и пожить на природе, а не отсутствием денег. Да и общее соотношение затраты/результат все равно оставалось в его пользу. Даже если он бы питался достаточно скудно, вряд ли затраты на пропитание можно было бы ужать менее чем до десяти франков в неделю, а учитывая то, как его действительно кормили, выходило бы не менее чем на семнадцать. Здесь же он за две коробки конфет стоимостью в полтора десятка франков прожил целый месяц. И это еще не учитывая расходов на проживание.

Развалины не порадовали. Он посетил их раз десять, облазив там все вокруг, но они так и оказались глухи ко всему, что он попытался предпринять. А перепробовал Алекс многое – от банальной попытки тупо «втиснуться» в скалу, о которую он тогда приложился, до отработки сложных схем, которые учитывали время суток, день недели, степени освещенности и еще дюжину иных параметров. Он пытался мазать скалу и камни поблизости от нее собственной кровью, вспоминал и пытался максимально точно воспроизвести тот вопль, который издал, когда завалился. Он бил по ней кулаком и ногой, меняя силу удара, и даже пару раз извернулся и попытался рухнуть на скалу затылком. Но ничего пока так и не сработало. После нескольких дней размышлений Алекс пришел к мнению, что наиболее вероятным будет вариант совершить попытку перехода день в день ровно через год после попадания в это время. То есть двадцатого марта нового тысяча девятьсот двадцать второго года. Впрочем, ждать еще полгода, просто сложив ручки, он не собирался. Есть еще непроверенные комбинации, например совпадение числа и дня недели...

А семнадцатого октября, то есть через месяц и три дня после его прибытия под крылышко тетушки, почтальон, добравшийся до шале из самого Алтендорфа, привез телеграмму, в которой адвокатское бюро «Мориц Циммерман и партнеры», каковому он поручил представление его интересов по патенту, сообщило, что через три дня, в четверг, двадцатого октября, ожидается прибытие уполномоченного представителя германского концерна BASF, проявившего интерес к покупке патента. И он настаивает на личном присутствии на переговорах держателя патента...

Старший партнер адвокатского бюро «Мориц Циммерман и партнеры» господин Циммерман встретил своего клиента на вокзале.

– Герр фон Штайн прибыл вчера вечером, – сообщил он Алексу после того, как они обменялись приветствиями, – встреча назначена на четыре часа пополудни, так что я взял на себя смелость забронировать вам номер, чтобы вы могли отдохнуть и привести себя в порядок после долгой дороги.

– Спасибо, – с благодарностью произнес Алекс, едва удержавшись от нервной улыбки после употребленного словосочетания. Эх, не знают тут российские просторы... Он пребывал в сильном возбуждении. Потому что именно сегодня должно было наконец разрешиться, правильно ли он все просчитал или все его расчеты оказались вилами на воде писаны. Герр Циммерман, похоже, вполне понимал его волнение, потому что только едва заметно улыбнулся в усы и радушно указал рукой на выход из дебаркадера.

– Идемте, я арендовал нам таксомотор...

Представитель BASF оказался величественным мужчиной довольно пожилого возраста и весьма чопорных манер. Разговор начался довольно нервно, потому что первое, что герр фон Штайн потребовал от Алекса, – так это представить его лабораторные журналы. Что, Алекса, естественно, весьма удивило. А герра Циммермана даже возмутило. Уж неизвестно, искренне или это просто была такая адвокатская игра... Через двадцать минут нервного общения на грани разрыва герр Штайн слегка сбавил напор, пояснив, что это требование является непременным, потому что исследования в данной области уже давно ведутся в Германии, причем в весьма почтенном учреждении под названием Институт кайзера Вильгельма. И сотрудник этого института герр Ганс Тропш, к которому BASF обратилась с просьбой оценить затраты и технологические риски планируемого к покупке патента, являющийся одним из ведущих экспертов по данному направлению, заявил, что данный патент, по его мнению, может иметь признаки хищения интеллектуальной собственности. Потому что он знает всех специалистов в данной области, и фамилия Хубер среди них ему ни разу не встречалась. У Алекса засосало под ложечкой. Ганс Тропш... Неужели он опоздал и процесс уже запатентован? Это означало крах всех его планов. Для того чтобы заново описать и запатентовать какой-либо другой процесс, у него просто не было денег... Однако спустя еще минут пятнадцать разговора стало ясно, что никакого патента еще нет, а есть просто уязвленное самолюбие господина Тропша, который до момента появления патента Алекса был абсолютно уверен, что обладает полным и твердым приоритетом в данной области. И что ему остается очень немного до того, чтобы самому запатентовать подобный процесс. Впрочем, по большому счету так оно и было на самом деле. Но Алекс не собирался никому об этом рассказывать...

Так что в конце концов стороны сумели-таки прийти к некому общему знаменателю. Что, в общем, было не так уж и сложно, поскольку данное требование представителя BASF особых затруднений Алексу доставить не могло. Всех лабораторных журналов у него при себе, конечно, не было, но

итоговые материалы, на основании которых он и готовил патентную заявку, находились при нем... Он вообще после эпопеи с мадемуазель Фавр заимел привычку постоянно таскать с собой все, что составляло для него хотя бы какую-то ценность. Главной побудительной причиной для появления подобной привычки послужил случай, когда она в его отсутствие зашла в лабораторию и вылила в раковину почти четверть приготовленных им для продажи реактивов. Что нанесло ему финансовый ущерб аж в сорок франков, которые в тот момент ему были очень нужны... И это хорошо еще, что среди тех реактивов не оказалось концентрированных кислот. А то на канализации дома стоило бы поставить большущий крест. Причем Алекс не сомневался, что неперенные финансовые затраты на неизбежный ремонт вменили бы именно ему... И представленных материалов, по идее, должно было быть вполне достаточно для того, чтобы убедить господина фон Штайна в том, что запатентованный процесс был действительно разработан именно Алексом. Так что в переговорах сделали перерыв, за время которого Алекс сходил в номер и принес требуемые бумаги. Ну а герр Циммерман за это время успел слегка обработать фон Штайна. Вследствие чего Алекс по возвращении застал представителя потенциального покупателя в несколько более благодушном настроении.

– Ну что ж, – глубокомысленно начал герр фон Штайн после того, как придирчиво изучил предоставленные Алексом записи, – у меня сложилось впечатление, что вы, герр Хубер, действительно являетесь разработчиком того процесса, который нас заинтересовал, – тут он сделал паузу, принял более величественную позу и продолжил: – Однако должен сказать, что Badische Anilin und Soda Fabrik уже с тысяча девятьсот тринадцатого года является владельцем патента на получение смесей углеводородов и спиртов из синтез-газа. И с того времени мы серьезно продвинулись в данной технологии. То есть *острой* необходимости в покупке вашего патента мы в данный момент не испытываем. – Герр фон Штайн бросил на собеседников этаким слегка пренебрежительный взгляд, но и адвокат, и сам Алекс никак не отреагировали на этот пассаж. Юрист привычно держал покер-фейс, а парень просто знал, что у него есть товар, которого на рынке в данный момент не существовало. Он ведь описал в патенте не изначальный процесс Фишера – Тропша, а со всеми более поздними усовершенствованиями, сделанными в тридцатых и сороковых годах, когда в связи с большими проблемами с поставками нефти вследствие войны Германия развернула производство синтетического горючего для боевой техники. Да, если честно, начальный процесс он и не особенно знал... Так что запатентованный им техпроцесс для начала двадцатых был настоящей

прорывной супертехнологией.

– Но описанный вашим патентом процесс нам тоже интересен, – слегка пошел на попятный представитель химического концерна. – Поэтому я уполномочен предложить вам предоставить нам право выкупить исключительную лицензию на ваш процесс за сумму в десять тысяч швейцарских франков, – и он замолчал, приняв такую величественно-благосклонную позу. Алекс покосился на владельца адвокатского бюро. Тот едва заметно скривился. Хм, вот и самому Алексу также данная сумма показалась не слишком привлекательной.

– Я ду-умаю... – несколько протяжно начал владелец патента, – что данная сумма никак не отражает потенциала разработанной мной технологии. К тому же я настаиваю на непременных патентных выплатах.

– По предварительным расчетам, сделанным герром Тропшем, полученное по вашему процессу горючее оказывается, во-первых, более дорогим, чем то, что получается перегонкой нефти, и, во-вторых, все равно потребует добавления компонентов, изготовленных из природного сырья, – тут же перешел в наступление представитель BASF.

– Для производства высокооктанового топлива – несомненно, – тут же парировал Алекс, – а вот дизельное и топливо для судовых двигателей этого практически не потребует. Что же касается высокооктанового, то даже в его случае добавок понадобится не слишком много. Десятые доли, в самом крайнем случае – проценты от полученной массы. К тому же что касается итоговой цены, нефть-то Германии приходится закупать за рубежом и за чужую валюту, а топливо, полученное по моему техпроцессу, будет полностью – от момента добычи ресурса и до выхода готового продукта – производиться на территории вашей страны и из имеющегося в ее недрах сырья. А с нынешним уровнем инфляции марки ^[23] еще непонятно, что в конце концов действительно обойдется дешевле.

Представитель BASF слегка скривился. Он не ожидал, что столь молодой человек, да еще и ученый, будет столь неплохо разбираться в экономике. Пожалуй, с ценой придется «подвинуться» несколько больше, чем он изначально планировал.

– Хм, я не думаю, что будет разумным оперировать таким аргументом, как уровень инфляции, – осторожно начал герр фон Штайн следующий раунд. – Правительство господина Вирта предпринимает весьма энергичные шаги для возможно более скорого преодоления...

В общем, торг слегка затянулся, но в конце концов высокие договаривающиеся стороны смогли-таки прийти к соглашению. Алекс получал единовременную выплату в пятнадцать тысяч швейцарских

франков и роялти в десять сантимов с каждой произведенной и проданной тонны конечного продукта. Причем фон Штайн настойчиво убеждал молодого владельца патента отказаться от роялти, соблазняя его суммой аж в двадцать пять тысяч франков. Но Алекс припомнил, что к концу войны объем производства подобного топлива в мире вырос до чуть ли не шести миллионов тонн в год. Причем, скорее всего, большая его часть производилась именно в Германии. То есть патентные выплаты даже за один последний год войны и только из Германии уже перекрывали предложенную представителем BASF сумму отступных не менее чем в десять, а то и в пятнадцать раз. Поэтому он и продавал-таки обязательные выплаты роялти. И именно в швейцарской валюте. Никаких марок, которые после сорок пятого превратятся в никому не нужные фантики...

После того как за несколько недовольным и потому растерявшим часть своего величественного вида фон Штайном наконец-то закрылась дверь кабинета, герр Циммерман повернулся к Алексу и неодобрительно покачал головой.

– Я отдаю должное вашей экономической грамотности, молодой человек, но мне кажется, вы совершили ошибку, настояв на непременной выплате патентных отчислений в ущерб разовой выплате. Понимаете, герр Хубер, вы еще очень молоды, и вам пока еще кажется, что жизнь вечна и ничего плохого в будущем случиться не может. И каждый год будет приносить вам все новые и новые возможности и успехи. Но это не так. Можете поверить человеку, немало пожившему и воочию видевшему, как нашу тихую, спокойную и уютную Европу охватило безумие, приведшее к Великой войне, – на самом деле все наоборот. Будущее темно, и хорошего в нем будет мало. Мир изменяется, и в худшую сторону. Ну кто еще десять лет назад мог представить себе отравляющие газы и дирижабли, заваливающие бомбами мирные города? – и он сокрушенно покачал головой. Алекс криво усмехнулся. Уж он-то знал, что готовит людям будущее, куда лучше стоящего перед ним человека. Но спорить с ним и уж тем более просвещать его он совершенно не собирался. Поэтому молодой человек раскаянно кивнул и произнес:

– Вы правы, герр Циммерман, вы правы... Но что уж теперь говорить. Я решил вот так. Ну а сейчас позвольте вручить вам положенный процент. И вот еще что... сколько вам потребуется на то, чтобы запатентовать мой процесс в остальных наиболее развитых европейских странах, а также САСШ и Японии?

– В САСШ ^[24] и Японии? – Старший партнер адвокатского бюро задумался. – Даже не знаю. То есть патенты я, скорее всего, оформлю

достаточно быстро, но вот кому туда писать...

– Писать? – слегка удивленно переспросил Алекс.

– Ну да, – кивнул Циммерман, – уж не считаете ли вы, что герр фон Штайн возник в моей конторе сам по себе? Я разослал письма с кратким описанием вашего патента по всем более-менее крупным химическим предприятиям Германии и Швейцарии. BASF откликнулась первым.

«О как! – растеряно подумал Алекс. – Все время забываю, что Интернета тут не имеется. И потому нельзя подписаться на ежедневные рассылки». После чего совершенно искренне поблагодарил Циммермана.

– Это – моя работа, – скромно развел руками адвокат. Хотя чувствовалось, что благодарность ему приятна. – Вы же не думали, что я просто сложу руки и буду ждать, когда деньги свалятся на нас сами.

Если честно, Алекс думал именно так. И теперь его охватило легкое раскаяние. Люди этого времени очень сильно отличались от тех, с кем он общался в далеком будущем. Они... как бы это сказать... привыкли работать. Рано вставать. Долго и тяжело трудиться. Выходные? Только если нет клиента. А так – после воскресной службы они снова шли в свою лавку, мастерскую или контору. Оплачиваемый отпуск или пенсия – нет, не слышали... Может, именно вот такой сплав привычки к постоянному труду, причем не до звонка, а до итога, до результата, вместе с бурным развитием науки и породил тот взлет технологий, который позволил человечеству за несколько десятков лет дойти от лучины и сохи до космических кораблей и атомных электростанций?

Выйдя из конторы, Алекс некоторое время постоял, привыкая к ощущению, что отныне ему более не нужно трястись над каждым франком, после чего неторопливо двинулся по Kramgasse в сторону башни Zytglogge. Личный финансовый кризис наконец-то разжал когти, так что теперь можно было не торопясь обдумать, что делать дальше.

Пятьсот франков он решил подарить тетушке. Во-первых, Алекс, воспользовавшись деньгами из тайника, по большому счету просто ограбил семью Хубер. И то, что эти деньги все равно так и пролежали бы до начала следующего столетия бесполезным грузом, потеряв в стоимости в десятки раз, оправданием не было. Потому что «украл» – это не когда поймали, а когда взял. Взял чужое. Он взял чужое. То есть украл. Все остальное – тавтология... Нет, не спать ночами, мучаясь от содеянного, Алекс не собирался, но если появится возможность – отдаст все. До копейки. И с лихвой. Ну а во-вторых, совершенно непонятно, удастся ли ему вернуться в будущее. И если нет, то иметь здесь, в прошлом, такую опору, как семья Хубер, очень неплохо. Уж точно куда лучше, чем не иметь. Куда бы он

тыкался без денег и документов, не сложишь все так, как сложилось? И совершенно не факт, что их семейные и деловые связи ему больше никогда не понадобятся. Так что Хуберов надо ценить и ублажать. Не изо всех сил и не на последние деньги, конечно, но непременно и регулярно.

Что еще? Тысяч десять надо положить на счет... Ах ты ж черт, надо было уточнить у герра Циммермана, какие банки тут считаются наиболее надежными! Ведь положить деньги в банк на длительный срок под хороший процент – мало. Даже получишь у него все с обратным попаданием, ему нужно еще потом иметь возможность забрать свои деньги из банка. Что в том случае, если банк разорится и исчезнет, будет сделать весьма затруднительно... Ну да ладно, это не горит. Пока можно положить деньги на текущий счет в ближайшем банке, а потом, разузнав все, снять и переложить в какой нужно.

После всех этих операций у него должно остаться еще около тысячи франков. По нынешним временам сумма немалая. Хватит на то, чтобы прожить даже здесь, в столице, не менее полугода. Ну если снять комнату в гастхаузе и питаться в недорогом кафе. А если жить у тетушки Марты... Алекс усмехнулся. Как бурно она реагировала на коробки с конфетами, а уж после того-то, как он вручит ей пятьсот франков... Может, поехать путешествовать? А что, вполне здравая мысль. Тем более сейчас имеется возможность увидеть исторические центры большинства самых крупных немецких городов, которые в оставленном Алексом времени уже не существовали, будучи в щебень разрушены американскими бомбардировками ^[25]. Или съездить в Россию... то бишь в СССР? Хотя бы посмотреть, как сейчас выглядит родной Энгельс... Да нет – ну его на фиг. Чего там смотреть – голод в Поволжье или сталинские репрессии? То есть до тридцать седьмого года еще, конечно, далеко, но большевики, насколько он помнил, начали резвиться чуть ли не с самого начала – ВЧК, ГПУ, СЛОН ^[26], экспроприация экспроприаторов и все такое прочее. Тридцать седьмой-то так известен только потому, что они тогда сами себя резать начали. Тучи народа с маршальскими и командармскими звездами, а также из высоких директорских и наркомовских кабинетов пошли напрямик к стенке. А всяких выходцев из, так сказать, «эксплуататорских классов» они и до этого к стенке ставили вполне регулярно. И, скорее всего, богатеньких иностранцев тоже... Так что СССР отпадает.

Можно было, конечно, продолжить прогрессорствовать к собственной выгоде, то есть снова арендовать лабораторию и начать готовить новые патенты. Но, во-первых, тысячи франков для этого слишком мало, а во-

вторых, Алекс решил начать заморачиваться этим только в том случае, если не удастся вернуться, так сказать, назад в будущее. Потому что тогда держать на счете десять тысяч швейцарских франков никакого смысла не было. Лучше уж пустить их в дело. И вот тогда денег на дальнейшую работу в этом направлении будет уже вполне достаточно. Тем более что сейчас дела пойдут куда как легче. За время работы над патентом по процессу Фишера – Тропша... хм... вернее, теперь уже Хубера, он успел достаточно освоиться и теперь вполне сносно ориентировался и в производителях оборудования и реактивов, и в ценах, и в условиях поставок, а также вполне себе представлял общий уровень развития химии. И потому мог прикинуть, что именно будет востребовано в первую очередь. Так что теперь дела пойдут куда веселее. Ну если пойдут...

Хм, по всему выходило, что самым разумным было тихо дожидаться двадцатого марта и лишь по его итогам решать, что делать дальше. Вполне возможно, если не удастся вернуться, наиболее разумным будет перебраться за океан. В Европе лет через двадцать полыхнет Вторая мировая война. И хотя Швейцарию она вроде как практически не затронет, но вот возможности для бизнеса во время нее тут явно будут сильно ограничены. А США... страна великих возможностей, как ни говори! Тем более что химия и особенно нефтехимия в ближайшие годы там будет развиваться просто бешеными темпами...

С банком Алекс разобрался на следующий день. Герр Циммерман предложил ему на выбор несколько весьма авторитетных учреждений, но подытожил свою речь фразой, которая решила все:

– Если же вам требуется именно высочайшая надежность, герр Хубер, то я могу вам порекомендовать только кантональные банки. Например, Berner Kantonal bank. Его центральное отделение расположено в пяти кварталах отсюда...

Возвращение к тетушке Марте стало триумфальным. Когда Алекс торжественно вручил ей пятьсот франков, старушка прослезилась и повинилась в том, что подозревала, будто «малыш Алекс» вернулся к ней вовсе не оттого, что захотел провести тетушку или отдохнуть от дел, а потому, что оказался «нищим и никчемным проходимцем», не сумевшим заработать ни сентима, просто проев все, что имел. Так что его возвращение имело целью всего лишь устроиться у тетушки на шее и ничего не делать. И даже весьма дорогие подарки в виде шоколадных конфет не смогли развеять ее подозрительности. Поэтому сейчас она испытывает жуткие муки совести от того, что оказалась столь несправедлива к нему...

Алекс выслушал это признание с подобающим выражением лица, внутренне дивясь проницательности старушки, а потом заверил любимую тетушку, что он ее совершенно ни в чем не винит. Более того, он планирует погостить у нее еще некоторое время, до весны, а затем собирается ненадолго отъехать обратно в Америку, потому что предполагает, что там его патент тоже будет вполне востребованным. Но для его скорейшего продвижения собственное личное участие будет, несомненно, весьма полезным. Тетушка резко замолчала и окинула его подозрительным взглядом, крепко зажав в руке кошель с пятьюстами франками. Алекс едва заметно усмехнулся и покачал головой.

– Не волнуйтесь, tante, деньги на путешествие у меня уже отложены.

Тетушка Марта вновь окинула его испытующим взглядом, а затем опять расплылась в улыбке.

– Ну и чего стоим? Решти [\[27\]](#) стынет!

Глава 6

Ветер утих. Алекс поднял голову и посмотрел на усыпанное звездами ночное небо. Какие они все-таки яркие и крупные! Да уж – ночь в горах заметно отличается от ночи в городе...

Тяжелый и нервный день неумолимо катился к своему, прямо скажем, неутешительному итогу. Постояв пару минут, он перевел взгляд на скалу. Она была все так же незыблема. Несмотря на все его усилия... Алекс вздохнул. Что ж, значит, он в этом времени навсегда. Поэтому следует выкинуть из головы все мечты о возвращении и богатстве и засучив рукава обустраиваться в этом мире. В конце концов, выпавший ему вариант не так уж и плох. Куда хуже было бы, если бы он попал в прошлое где-нибудь в Бангладеш или вообще в Гималаях. Ну или в СССР. Там ведь даже легально заработать невозможно! Парень в свое время не избежал моды и прочитал несколько романов о попаданцах. И заметил одну интересную особенность. Попаданцы в царскую Россию, в Европу, Америку или там на пиратские Карибы зарабатывают деньги на жизнь прогрессорством и всем таким прочим почти в чем угодно – от пиратства до создания собственного промышленного предприятия (а иногда и целой промышленно-финансовой империи), торговой компании или там золотого либо изумрудного рудника, точные координаты которого они, вот совершенно случайно, нашли и запомнили прямо перед попаданием. А вот те, кто попадает в советское время, сплошь и рядом типа «перепевают Высоцкого». То есть бросаются во все тяжкие паразитировать на чужих песнях, книгах, фильмах и так далее. И причиной этого, по его мнению, было то, что в СССР заработать более-менее приличные деньги можно было только вот таким образом. Вся остальная страна тупо «сидела на зарплате». И не дай бог высунешься – мало бы не показалось. Если только пролезть в ближайшие советники к Сталину или там Брежневу, то есть быть облагодетельствованным верховной властью. Что было для попаданцев вторым вариантом хорошо устроиться. Впрочем, «перепев Высоцкого» и в этом случае был совершенно не лишним. Ибо и такие вот попаданцы «при первых лицах» опять же «сидели на зарплате». Но у него-то, слава богу, совсем другое дело...

Оставшиеся до дня «провала» пять месяцев прошли довольно спокойно. Большую часть этого времени Алекс провел в усадьбе – спал, ел, а также продолжал вялые попытки «запустить» портал. Для прикрытия

своих регулярных походов в лес, к развалинам, он даже прикупил себе ружье у одного из деревенских. Старенькую, но еще крепкую курковку какого-то неизвестного немецкого производителя, чье название начиналось с буквы «А», которую еще можно было различить, но вся остальная надпись уже оказалась вытерта до нечитаемости. С ней и бродил по окрестностям. Но когда все усилия добиться от портала хотя бы какой-нибудь реакции так ни к чему и не привели, он подуспокоился и, к собственному удивлению, по-настоящему увлекся охотой. Первое время Алекс страшно мазал, но затем правило «если долго мучиться – что-нибудь получится» начало срабатывать, и на его поясе время от времени стали появляться то тетерев, то пара куропаток, то заяц. А к началу весны у него даже начало получаться попадать по зверю уже не более чем вторым патроном. То есть без лихорадочной перезарядки ружья и злобных матов вослед улетевшей или ускокавшей дичи...

Перед Рождеством Алекс решил немного попутешествовать. Почему-то накатила ностальгия – захотелось снова увидеть Хофбург, пройтись по площади Марии-Терезии, прокатиться на трамвайчике по Рингштрассе [\[28\]](#), побродить среди кукольно-красивых павильонов рождественских базаров, которые в эти дни раскинулись на всех площадях Веселой Вены. Все-таки он прожил в Вене почти полтора года и успел полюбить этот город... Так что утром двадцатого декабря он сел в Люцерне на мюнхенский поезд. На мюнхенский, потому что прямых поездов до Вены тут отчего-то не было. Вообще или вот конкретно в это время – он не разобрался. Как бы там ни было, самым удобным маршрутом до столицы Австрии оказался маршрут с пересадкой в Мюнхене.

Мюнхен встретил его холодом и... демонстрацией. Он буквально вляпался в нее, когда вышел из здания Münchener Hauptbahnhof [\[29\]](#), решив воспользоваться временем, оставшимся до поезда на Вену, и немного погулять по центру еще не разрушенного коврами бомбардировками союзной авиации Мюнхена. И вот на тебе... Несколько сот человек с угрюмыми лицами мрачно двигались по Schützenstrasse [\[30\]](#). Алекс испуганно прижался к стене, пропуская марширующих людей, время от времени орущих что-то вроде «Долой капиталистов!», «Еды нашим детям!» и «Смерть грязным убийцам Тиллесену и Шульце ![\[31\]](#)».

Когда толпа демонстрантов слегка удалилась, Алекс отлип от стены и, плюнув на первоначальные планы, настороженно оглядываясь, двинулся через площадь к виднеющейся на противоположной стороне кнайпе. Ну его на хрен, такие приключения. Хоть подкрепиться успеть бы...

Народу в зале кнайпы почти не было, так что кельнер возник у стола еще до того, как Алекс расстегнул пальто. Усевшись на массивную лавку, прибитую к не менее массивному столу, вокруг которого могли разместиться как минимум дюжина человек, что для баварских пивных было почти стандартом, молодой человек повернулся к официанту. Хм, похоже, здесь, как это было и в том же Базеле в, скажем так, демократичных заведениях общественного питания, нет никаких меню. Максимум ограниченный перечень предлагаемых блюд могли написать на грифельной доске рядом со стойкой. Но во многих местах не было и этого. Потому что в подобные заведения, как правило, ходили завсегдатаи, наизусть знавшие предлагаемые тут блюда. Тем более что перечень подобных блюд был куда более куцым, чем в оставленном будущем. Паратройка наименований, и все. А не устраивает – дверь вон там...

– Мне кружечку лагера, – задумчиво начал Алекс, решив, что быть в Мюнхене и не выпить пива – это как заехать в Лас-Вегас и не сыграть, – и-и-и... что посоветуете из горячего?

– Лагера? – Кельнер недоуменно вскинул брови.

– Ну-у да-а... – озадачено повторил молодой путешественник и повторил: – Пива, светлого...

– А-а-а, helles ^[32], – понимающе закивал кельнер. – А на горячее у нас отличные колбаски. Белые мюнхенские, с гарниром из sauerkraut ^[33].

– Хм, несите, – кивнул Алекс и, покосившись в сторону окна, спросил: – И часто у вас такое?

Кельнер криво усмехнулся и, пожав плечами, убежал в сторону стойки. Но, вернувшись с пивом, накрытым кружочком bierdeckel ^[34], соизволил таки слегка утолить любопытство клиента.

– Да почти каждое воскресенье непременно кто-то марширует – то социалисты, то коммунисты, то фрайкоровцы. Эти, – он мотнул подбородком в сторону окна, – еще ничего. Вот когда фрайкор с факелами идет – лучше навстречу не попадаться...

Вена тоже оказалась не слишком приветливой, встретив Алекса пронизывающим ветром, темнотой и слякотью. Ну да на этот раз он оказался готов к подобному приему. Потому что, столкнувшись с неприятными неожиданностями, еще на мюнхенском вокзале купил целую пачку ежедневных и еженедельных газет и за вечер и ночь, которые заняла поездка от Мюнхена до Вены, основательно их прошерстил на предмет того, чем живет и дышит Европа за пределами тихой и мирной Швейцарии. И вычитанное его совершенно не обрадовало... Историю этого

времени молодой человек почти не знал, классиков этих времен, типа того же Ремарка, не читал, поэтому ему казалось, что до начала Второй мировой войны в Европе все было спокойно и благобно. И лишь бяка Адольф Алоизыч взял и все испортил. Причем исключительно по причинам собственного сволочного характера... А оно оказалось далеко не так. Несмотря на вроде как уже давно закончившуюся войну, ее отголоски все еще всю сотрясали континент. Войска Антанты то входили, то выходили из Рурской области, пытаясь принудить Германию выплатить все чудовищные репарации, которые ей насчитали «щедрые» победители. На юге шла греко-турецкая война, осенью взбудоражившая газеты дикой резней христиан турками в Смирне, во время которой погибло две сотни тысяч человек. Только-только отгремела ажно трехлетняя война Ирландии с Великобританией, о которой он вообще ничего не слышал, но сильно легче англичанам от этого не стало. Потому что почти сразу же после заключения между ними и ирландцами мирного договора у «просвещенных мореплавателей» началось восстание в подмандатном им Египте. На юго-востоке гремела Рифская война, в которой изнемогала Испания. Австрию же лихорадила гигантская инфляция, заставляя продавцов переписывать ценники едва ли не ежедневно. Ну как в России в девяностые, судя по тем рассказам, которые он слышал от мамы и ее подружек. И это в Австрии!!! Для Алекса это был реальный шок... Во Франции премьер-министры сменялись по паре раз в год, и только последний, Аристид Бриан, сумел-таки продержаться заметно дольше. А кроме того, народ всю развлекался убийствами левых правыми и правых левыми, взрывами и, вот ведь блин... регулярными появлениями Советских республик – от Баварской, Бременской и, например, Венгерской до провозглашенной уже в этом, тысяча девятьсот двадцать первом году, Лабинской, которую учредили шахтеры хорватского городка Лабин, в настоящий момент, правда, входящего в состав Италии... И после некоторого размышления становилось очевидно, что Европу будет так трясти и лихорадить все два десятка лет этого короткого межвоенного промежутка. Так что логичный вывод из вычитанной в газетах информации, разговоров со случайными встречными типа того официанта и попутчиками, а также субъективных ощущений от увиденного Алексу совершенно не понравился. Потому что он заключался в том, что, похоже, будущая война была не личной инициативой гада Гитлера, а закономерным итогом всего того «справедливого мира», который победители устроили побежденным, и накопившегося всеобщего ожесточения... И, кстати, после того как он все это понял, у него появились и некие весьма для него крамольные мысли по

поводу того что действительно происходит в том столь неожиданно покинутом им будущем. Ну после разрушения Советского Союза и того, как себя вели после этого «победители в холодной войне»... Впрочем, первые мысли о том, что все не совсем так, как ему представлялось в те годы, когда он жил мечтой о переезде в «нормальную европейскую страну», у Алекса появились еще дома. Не очень давно, нет... Пожалуй, только тогда, когда он услышал о том, как Самый Могущественный Человек Планеты заявил, что именно Америка выиграла и Первую, и Вторую мировые войны, поставила на колени коммунизм и победила в Сирии. Но в тот раз он постарался выкинуть из головы все подобные мысли. Потому что ведь эти слова его лично совершенно не касаются, не так ли?

В Вене Алекс задержался куда меньше, чем изначально рассчитывал. Город был пустоват, бедноват, темноват и обшарпан. Причем эта обшарпанность по контрасту с воспоминаниями просто резала глаз... С рождественскими базарами здесь также все было плохо. Нет, они были, но даже на площади Марии-Терезии рождественский базар занимал только один дальний угол. Причем его павильоны были сбиты из кривого горбыля и украшены всего лишь еловыми ветками и выцветшими разноцветными лентами, оставшимися, похоже, еще с прошлого года. Да и работал этот базар только до темноты, поскольку освещения в большинстве лавок не имелось, а из уличных фонарей горел в лучшем случае каждый третий. А то и пятый. Пораженная галопирующей инфляцией страна сэкономила на всем. Алекс побродил между павильонов, купил пряник, бюджетно разукрашенный свеклой и морковью, а не цветным марципаном, и решил не задерживаться до Нового года. Сегодняшняя Вена ему совсем не понравилась...

И февраль, и первую половину марта он провел в отъезде. BASF предложили ему короткий контракт консультанта. У них там возникли вопросы по запатентованному им техпроцессу, а Алекс к тому моменту уже слегка подустал от реалий деревенской пасторали швейцарской глубинки начала двадцатого века. И потому с радостью ухватился за возможность чем-то заняться. Но семнадцатого числа он как штык сошел с поезда на платформу Альдорфской станции...

Алекс еще раз вздохнул, поправил ружье, после чего протянул руку к скале, как бы прощаясь с надеждой... и замер. Потому что его ладонь, поднесенная к каменной поверхности, оказалась очень неплохо различима. В этой-то темноте... Сердце дало сбой, а затем бешено заколотилось. Он еще несколько мгновений неверяще смотрел на руку, еле заметно

освещенную слабым светом, исходящим от скалы, а затем, холодея, чуть сдвинул руку вперед. Так, чтобы коснуться скалы... Пальцы ничего не почувствовали. Более того, ему показалось, что они вообще как бы вошли внутрь камня. Алекс снова замер. Мысли бешено метались. Все ли он взял? Так, мелкие евры, ключи от мотоцикла и квартиры он вроде как положил. Паспорт, права и кредитка – пропали вместе с портмоне... Черт! Можно ли вытащить руку, чтобы проверить карманы? А то вдруг портал «назад в будущее» от этого возьмет и погаснет. И что надо делать, чтобы туда попасть – шагнуть вперед или его как-то втянет? А вдруг этот портал работает очень ограниченное время, которое уже истекает, и если сейчас шагнуть вперед, а портал схлопнется, то он окажется... это... ну-у... как бы вплавлен, что ли, в камень? Что делать? ЧТО, БЛИН, ДЕЛАТЬ?!! Вот, дьявол, он так долго готовился к этому моменту, но, как выяснилось, оказался к нему совершенно не готов! Алекс еще несколько мгновений стоял, тяжело дыша и смаргивая обильно катящийся по лицу пот, а затем тоскливо вздохнул и-и-и... шагнул вперед...

Из портала он вывалился как мешок. То есть вот только мгновение назад вроде как шагнул вперед, зажмурившись и изо всех сдерживая дыхание... и вот уже летит, запнувшись о камень. Нагнуть голову к груди и прикрыть ее руками он успел, а вот сгруппироваться – нет. Поэтому сильно приложился левой рукой. Действительно сильно. Точно будет неслабый синяк. Ружье при ударе соскочило с плеча и со звяканьем грохнулось на камни. Алекс замер. А ну как поблизости есть кто-то? Не хотелось бы сразу спалиться. Он рассчитывал, если все пойдет как планировалось и деньги не пропадут, попробовать еще раз сгонять в прошлое с какими-нибудь «вечными ценностями», скинув которые в прошлом, можно было бы изрядно пополнить счет, в разы увеличив доступные активы. Ну или опять «патентнуть» чего-нито интересного... Но эти планы имели шанс на воплощение только в том случае, если портал останется чисто его тайной. О том, что будет, если о портале узнает кто-то кроме него думать не хотелось. Грохнут. Причем быстро и, возможно, предварительно попытав... Фух, вроде никого! Алекс до боли напряг глаза. Здесь, на этой сторо... то есть в этом времени тоже было темно. Нет, точно никого. И, кстати, где его мотоцикл? Или здесь также прошел год? Алекс несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, успокаивая колотящееся сердце, после чего подобрал упавшее ружье и повесил на плечо. И зачем он потянул за собой в портал эту древнюю железяку? Впрочем, останься она там – ее вполне мог бы кто-нибудь отыскать и сообщить об этом тетушке Марте. А та могла напридумывать себе невесть что. Здоровье же у старушки уже не очень. А

терять ее сильно не хочется. Несмотря на все ее закидоны и въедливость, у нее с Алексом установились довольно теплые отношения. Такие, что вряд ли можно рассчитывать на подобные с любым другим членом семьи Хуберов. Так что все к лучшему... Ладно – он вернулся. И, будем надеяться, куда более богатым, чем раньше. Ха, чем раньше... да раньше у него были только долги... Ну, в смысле, кредиты! А вот теперь... Алекс решительно вскинул руку в жесте «а вот вам всем», ударив ладонью левой руки по плечу правой, и-и... сморщившись, потер ушибленное место. Ладно, сейчас не время для пафосных жестов. Сначала надо добраться до, хе-ех... усадьбы Хуберов. Ну, никуда без них, получается. Ну и ладно. Главное, чтобы неприятных неожиданностей не было...

Неожиданности начались почти сразу. Во-первых, лесная дорога заметно изменила конфигурацию, став... м-м-м... несколько менее извилистой. Во-вторых, усадьба Хуберов также изменилась. Нет, само шале было таким же, но вот среди других построек произошли изменения. Один сарайчик исчез, зато с другого бока появился новый, раза в полтора больше исчезнувшего. А когда Алекс обошел дом, у него засосало под ложечкой. Потому что парковки, на которой пережил ночь его ныне куда-то пропавший мотоцикл, на прежнем месте не было. Она отчего-то располагалась у другого края усадьбы. А на том месте, где ее помнил, сейчас росло несколько довольно крупных деревьев. И если поменявшуюся дорогу и изменившиеся хозяйственные постройки еще можно было бы как-то объяснить тем, что, мол, прошел год и за это время... то вот появление на месте парковки взрослых деревьев объяснить было сложно. Впрочем, сейчас вроде как длинномеры тоже свободно пересаживают? Хотя это и стоит дорого...

Алекс скрипнул зубами. Черт, ну на хрена переносить парковку у дома на десяток метров в сторону, после чего высаживая на старом месте несколько больших деревьев? Или их никто не пересаживал и-и-и... это результат неких изменений, произошедших после того, как он вмешался в судьбу семьи Хубер в прошлом. Типа, сработали те пятьсот франков, которые он подарил тетушке Марте... И единственные ли это изменения? Че-е-ерт, как же все хреново! Изначально он рассчитывал, что в будущем ничего сильно не поменяется. Ну кроме появления на определенном счете в Berner Kantonal bank, открытом в далеком тысяча девятьсот двадцать первом году, некой очень кругленькой суммы. Ведь его вмешательство в историю было самым минимальным. Тот же процесс Фишера – Тропша все равно был бы открыт максимум через пару-тройку лет... Так что Алекс планировал после возвращения в будущее спокойно добраться до усадьбы

Хубер, где... м-м-м... перетерпеть возможный наезд матушки Дитриха, после чего напроситься переночевать и с утра двинуться в Берн, а уже оттуда обратно в Вену. Лимит на карте у него точно не исчерпан, саму карту он поменял за три месяца перед попаданием, а действует она три года, так что никаких проблем с деньгами не предвиделось. Восстановление документов также, по идее, не должно было составить особенных проблем. Да, подождать, побегать и потратиться придется, но и только! А тут такие непонятные перемены...

Как бы там ни было, тянуть и гадать – смысла не было. Поэтому Алекс, подойдя к двери, придирчиво оглядел себя. Так, вроде как все нормально... утром он оделся в свою старую, но выстиранную и аккуратно заштопанную одежду, в которой год назад и провалился в прошлое, поэтому «в сейчас» он должен был выглядеть как вполне себе обычный парень – джинсы, косуха, перчатки... вот только ружье у него без документов. Черт... идиот! Алекс развернулся и, быстро обойдя вновь появившийся сарай, побежал к темнеющей неподалеку опушке, ругая себя последними словами. Пора уже заканчивать тормозить и начинать соображать быстрее! Как бы отреагировала мама Дитриха, если бы он ввалился к ней с двустволкой наперевес? Да вызвала бы полицию! Или вообще пристрелила бы на хрен. Судя по тому, что он читал, у них же тут, в Швейцарии, даже боевое оружие вполне дома хранится. Ну у резервистов. А судя по характеру Дитриховой мамы, она вполне может быть из этих самых. Причем совсем не рядовым. Ну если у них тут, конечно, как в Израиле, женщины тоже в армии служат...

Снова вернувшись к двери через пятнадцать минут, потраченных на то, чтобы прикопать оружие на опушке в куче прошлогодних листьев, он снова придирчиво осмотрел себя, пару раз мысленно прорепетировал первую фразу, потом глубоко вздохнул и-и-и... осторожно постучал во входную дверь.

Все пошло не так с первого же мгновения.

Во-первых, дверь ему открыла совершенно не мама Дитриха, а весьма молодая и довольно симпатичная особа, с любопытством уставившаяся на него.

– Аа-а-а... можно позвать Дитриха? – растерянно промямлил Алекс. Потому что больше никого по имени не помнил. Даже маму Дитриха. Нет, ему многие представлялись, хотя и так, мимоходом, но за прошедший год все имена напрочь вылетели из головы. Девушка недоуменно наморщила лоб, моргнула, а потом растерянно ответила:

– Дитриха? Но-о... дедушка умер еще полтора месяца назад.

– Дедуш... кха. – Алекс аж закашлялся от подобного заявления. Блин, что же он такого натворил-то? Ведь ничего ж не сделал, считай... ну то есть не совсем ничего, конечно, но по большому счету ведь крохи какие-то! Даже в масштабах семьи Хубер. Никого не убил, никого не спас, ни у кого жену не увел... Даже если считать утащенные им из тайника деньги – так они обнаружались, когда Дитрих уже давно родился! То есть их отсутствие повлиять на факт его рождения никак не могло... Как так-то?!

– А вы кто?

– А? – Алекс вынырнул из охватившей его паники и уставился на девушку совершенно ошарашенным взглядом. – Й-а-а? Ну-у-у-у... Я это... Мне-е-е... Ну то есть мы с Дит... с господином Дитрихом договорились о-о... Ну-у-у... Короче, кхм, – он облизал губы и неожиданно для себя ляпнул: – Я ваш родственник из Америки. – Эта мысль оказалась единственной, которая ему пришла в голову в настоящий момент. В конце концов, почему бы и нет? Ведь прадед Дитриха не смог отыскать ничего об американских родственниках. Вряд ли в этой новой реальности результаты того, кто озаботился бы этой проблемой, оказались сильно лучше... Или все-таки оказались? В конце концов, в реальности... ну-у-у... у Дитриха не существовало «племянника Александэра», посетившего «дом предков» в начале двадцатых годов и подарившего своим родственникам пятьсот франков. Так что на этот раз интерес к американским родственникам мог проявиться у кого-нибудь из членов семьи Хубер на пару поколений раньше. То есть в то время, когда в архивах еще могло сохраниться куда больше документов, чем сумело сохраниться до начала ХХI века в... кхм... так сказать... прошлой реальности. А с другой стороны, наличие в семейных анналах истории о неожиданном появлении «американского родственника» вполне могло сработать в его пользу. Раз-то уже так случилось? Ну вот и теперь...

– Из Амер... – удивленно начала девушка и почти сразу же осеклась, прикрыв рот ладошкой, после чего ее взгляд вспыхнул, и она резким движением руки буквально втянула Алекса внутрь.

– Проходите. – Она махнула рукой в сторону лестницы, а сама быстро высунулась наружу и настороженно огляделась. – Да не туда – наверх. Еще не хватало, чтобы вас увидели!

Алекс машинально двинулся к знакомой лестнице, совершенно не понимая, что происходит. У самой лестницы он притормозил и недоуменно обернулся. Девушка встревоженно прислушалась, а затем снова высунула голову наружу, осматриваясь, после чего осторожно прикрыла дверь и развернулась к Алексу.

– Ну же, не зависай! Еще не хватало, чтобы mutter увидела, – зло прошипела она и повелительно мотнула подбородком в сторону лестницы, и Алекс поспешно двинулся вверх по ступенькам.

Незнакомка занимала комнату Дитриха. Да и по возрасту, похоже, была от него недалеко. Она что же, появилась вместо него? Ну по возрасту как раз подходит... Алекс нервно хмыкнул, усаживаясь в кресло, на которое махнула ему хозяйка комнаты, в этот момент запиравшая дверь на массивный деревянный засов, при этом стараясь, чтобы он не сильно скрипел. Закончив с этим делом, девушка окинула Алекса оценивающим взглядом и тоже хмыкнула:

– А ты ниче так... – после чего сделала шаг в сторону и рухнула на стоявшую у стены кровать, все это время не отрывая взгляда от неожиданного гостя. – Значит, деду удалось... – пробормотала она спустя где-то минуту пристального разглядывания. – Ладно, давай колись, братец, или кто ты там есть, как тебе удалось добраться до нас, не попавшись? наших документов-то у тебя, я так думаю, нет? А с американскими ты не прошел бы дальше первого polizist ^[35].

– Э-э-эм... – Алекс слегка завис. Это что, его вранье прокатило? То есть... блин! Похоже, он своим заявлением попал в строку какой-то авантюре, затеянной тем самым недавно упокоившимся «дедушкой Дитрихом», относительно которой его внучка была полностью в курсе. Ну или как минимум более-менее... А вот заявление, что его вероятный американский паспорт должен был почему-то ограничить передвижение первым же полицейским, как-то напрягало. Да что тут творится-то?

– Ну и чего молчим? – поинтересовалась хозяйка комнаты. – Причем с начала. С того, как ты смог пройти через grenzsoldaten? ^[36] И почему тебя не тормознула полиция? В такой-то одежде...

Алекс окинул себя недоуменным взглядом. А что не так с одеждой-то – джинсы, косуха, из образа только вот шапка немного выбивается... Мало того что в двадцатых вообще не принято было ходить с непокрытой головой, так еще и в марте в лесу довольно холодно. Так что пришлось прикупить... м-м-м... нечто вроде теплой кепки с опускающимися ушами.

– Ну я жду! – поторопила «сестренка», и Алекс начал:

– Я это... ну на корабле приплыл... кочег... то есть механиком. Просто, как выяснилось, моряков машинной команды обзывают stoker, то есть кочегары... – Он нес явную пургу. Ну а как вы хотели? Единственное, что он смог с ходу понять, так это то, что этот самый «родственник из Америки» по каким-то причинам не мог прибыть в «дом своих предков»

легально. Вы вот, обладая одним только подобным знанием, способны выстроить более-менее внятную непротиворечивую версию? Ну, то-то же... – Мы пришли в Данию, но не в Копенгаген, а в...

– Орхус? – тут же нетерпеливо перебила его девушка. – Хм, мы предполагали, что там погранконтроль слабее... А почему американское судно разгружалось в Орхусе? Копенгаген же ближе?

– Ну-у-у... мы сначала зашли в-в-в...

– Швецию? – тут же снова встряла «сестренка». И тут же отрицательно мотнула головой. – Мм-м-м, вряд ли. У шведов основной океанский торговый порт – Гетеборг, а он на той стороне проливов. Или вы шли напрямик в Стокгольм? Ну чего ты молчишь?!

– Да, в Стокгольм, – торопливо кивнул Алекс. Хм, похоже, в его «сестрице» очень сильны гены тетушки Марты. Так ловко выстраивать самостоятельную версию, не особенно зацкливаясь на фактах, – это надо уметь... Впрочем, возможно, подобное умение среди женщин не редкость. Мама тоже вон могла выстраивать такую логическую цепочку из всего лишь не сразу отвеченного звонка, что только держись. Такие выводы в итоге получались – от того, что он за неполный день, прошедший с предыдущего звонка, уже женился, и теперь «эта мегера» запрещает ему общаться с мамочкой, до аварии и непременной смерти. И ведь столько фактов, подтверждающих подобные незыблемые выводы, находила. От найденной в Сети информации о погоде, статистике аварий и новостей о совершенных и планируемых ИГИЛ терактов до точных нумерологических выкладок, вычитанных в каком-то журнале, что если после предыдущего общения прошло число часов, которое делится на семь, – значит, все нормально, а если на четыре или пять – то точно жди беды...

Допрос, постоянно прерываемый вопросами и рассуждениями хозяйки комнаты, продолжался почти час. И ничего по большому счету для Алекса не прояснил. Ну кроме самой общей информации насчет того, что дедушка Дитрих ожидал прибытия из Америки дальнего родственника. И подтверждения того, что это самое прибытие почему-то было сопряжено с какими-то странными и непонятными трудностями типа чуть ли не нелегального пересечения границы и непременных проблем с полицией... Если бы у Алекса уже не было опыта «вживания» в совершенно чуждую среду либо его «сестрица» была бы чуть менее возбуждена и, наоборот, чуть более критична, то он бы точно спалился еще на первых же фразах. Даже несмотря на дико «рояльное» попадание в цель с этим вероятным прибытием американского родственника... Впрочем, исключать того, что он все равно вляпался, все же было нельзя. Да, пока хозяйка комнаты,

блестя глазами и захлебываясь от адреналина, не столько слушала, сколько сама рассказывала его историю... ну как она ее представляла – ей все кажется нормальным. Но стоит этой экзальтированной даме, так сказать, «переспать с новостью» и на следующий день оценить все изложенное на свежую голову, так дыры и натяжки в его истории тут же станут очевидны!

– Ладно, – наконец махнула рукой девушка. – Закругляемся. Остальное обсудим завтра. Главное – ты здесь. И, я думаю, с номером счета и всеми кодами. Или нет?

– Кха... – Алекс аж закашлялся. Что? Они что, претендуют на его деньги? Но это ж... то есть... бли-ин... Но как они узнали?

– Так они у тебя есть или ты пустой? – тут же насторожилась хозяйка комнаты.

– А-а-а? Есть, есть, конечно, – торопливо закивал Алекс.

– Тогда спать будешь в этой комнате. Под кроватью, – отрезала девушка. – Чтобы даже если mutter ночью зайдет в комнату, она тебя не увидела. А то она из-за этой идеи с американскими родственниками считала, что дедушка Дитрих того, свихнулся. Так что, если она тебя обнаружит, то, скорее всего, тут же вызовет полицию и объявит тебя мошенником. Ну а завтра я отвезу тебя в Люцерн, к Фрицу, это мой четвероюродный брат, – тут же пояснила она, – и попрошу, чтобы он тебя приютил. Скажу ему, что ты – мой парень, – тут она хихикнула и окинула Алекса довольно фривольным взглядом. Но почти сразу же посерьезнела и, поднявшись с кровати, ловко сдернула с нее одеяло, тут же принявшись складывать его по ширине в несколько раз. Алекс невольно задержал взгляд на ее довольно-таки ладной фигуре. С женским полом в деревне было не так чтобы плохо, но он был практически полностью представлен крестьянками, воспитанными в строгом кальвинистском духе. Да и среди немок никого вроде мадемуазель Фавр он найти не смог. Так что секса у него не было уже почти три месяца... Алекс поспешно сглотнул и перевел взгляд на большой плакат, висящий на стене над кроватью девушки, на котором был изображен ну совершенно несексуальный объект, а именно какой-то мужик лет сорока пяти в полувоенном френче без погон, с острой козлиной бородкой, усами, довольно буйной прической и странноватыми очками без дужек. Кажется, их называли смешным словом «пенсне».

– Ладно. Главное – придумать, как легализовать тебя в Райхе! Потому что идти в банк с американским паспортом бесполезно. А мне ты номер счета и коды, я думаю, не скажешь. – Хозяйка комнаты хмыкнула, после чего нагнулась и аккуратно заткнула получившуюся подстилку под кровать. Вследствие чего она не смогла заметить, что ее неожиданный гость впал в

абсолютный ступор. И только этим можно было объяснить, что из его уст не вылетел ошеломленный вопль:

«Где?!»

Глава 7

– Разрешите, герр Ауэрбах? – Алекс осторожно заглянул в кабинет, застыв на пороге.

– Да, Майер, что там у вас?

– Мгм, вот сводные результаты анализов за последнюю неделю. Вы просили распечатать.

– А-а-а... ну да, давайте их сюда. – Герр Ауэрбах был весьма пожилым мужчиной, обремененным язвой, большой, но довольно бестолковой (по его собственному признанию) семьей, долгами и, кроме всего прочего, одышкой, вызванной излишним весом. Стоило ли удивляться тому, что вследствие всех этих проблем характер у него тоже был не слишком легкий? А если к этому прибавить то, что Алекс являлся еще и его единственным подчиненным, а вот начальства над ним было аж три человека, то можно было догадаться, что о прежней работе в лаборатории Petrochemie Danubia Алекс вспоминал с бо-ольшой ностальгией.

Тем более что ничего похожего на прежнюю работу ему пока не светило. К работе на взрыво- и огнеопасных объектах допускались только граждане второго и выше классов. У него же еще пока даже третьего не было. Ждал подтверждения... Впрочем, все взрыво- и огнеопасные объекты от недостатка персонала отнюдь не страдали. В «Свободно присоединившейся территории Швейцария» не было проблем с гражданами даже первого класса. Наоборот, таковых здесь было большинство. Потому что бывшие швейцарцы, а теперь полноправные граждане Райха, получали таковой с самого рождения. И лишь где-то процентов пятнадцать, в основном из числа жителей западных, французских и южных итальянских кантонов, получали при рождении только второй класс. Вследствие чего бывшие швейцарцы очень гордились тем, что фюрер сумел прогнуть их только до такого уровня. Потому что в тех же восточных рейхсгау, а также рейхскомиссариатах Норвегия и Бельгия – Северная Франция, считавшихся самыми привилегированными из «некоренных» земель Райха, большая часть населения при рождении получала только третий класс. А в генерал-губернаторстве и практически всех восточных рейхскомиссариатах большинство вообще довольствовалось статусом «кандидатов в граждане»...

Короче, в этой реальности фашисты выиграли. Как и почему это произошло, Алекс понять не мог до сих пор. Нет, те материалы, которые он

нашел в, к его удивлению, пока еще довольно убогой Сети (с цифровыми технологиями здесь было куда хуже, чем в его изначальном варианте реальности), все очень точно раскладывали по полочкам и объясняли, но именно с точки зрения расовой теории. Здесь было все – и исконная «неспособность славян и других неполноценных народов» управляться самостоятельно. Причем всех без исключения – от русских и до поляков с чехами. Последние, правда, считались слегка облагороженными «длительным немецким влиянием» и, так сказать, «отдрессированными» немецкой элитой, которая столетиями инкорпорировалась в чешскую национальную среду... И уничтожение «еврее-коммунистами» элиты Российской империи, представленной в первую очередь людьми «германской крови», сразу же превратившее бывшую империю в «ничейные территории», просто ждущие «новой германской колонизации»... ^[37] Причем в подтверждение данного тезиса приводилось множество данных. Так, ярким примером неспособности славян управлять собой являлись те самые «первые сталинские пятилетки», которые в памяти Алекса, наоборот, считались временем великих побед и свершений. Здесь же утверждалось, что «еврейско-коммунистические пропагандисты», объяввшие о полном выполнении плана первой пятилетки за четыре года и три месяца и на сто восемь процентов, нагло соврали. Потому что эти громогласные заявления совершенно не соответствовали действительности. А на самом деле СССР достиг плановых показателей первой пятилетки только по одному параметру – по производству ж/д вагонов, причем успех в данной области был получен вовсе не благодаря возведению новых заводов, а потому, что еще в царское время были созданы огромные вагоностроительные мощности, еще с начала двадцатого столетия испытывавшие жуткую недозагрузку, работая едва на половину мощности. Построены-то они были на самом пике «железнодорожного бума», случившегося в Российской империи в конце XIX века, когда паровозы и вагоны расходились как горячие пирожки, и после насыщения рынка отрасль еще в первое десятилетие XX века впала в жесточайший кризис перепроизводства. Так что едва только спрос появился снова, и производственные цепочки, напрочь разрушенные Гражданской войной, сумели хоть как-то восстановиться, как отрасль тут же набрала необходимые обороты. Впрочем, уже с паровозами как изделиями куда более высокотехнологичными, чем вагоны, дело обстояло заметно хуже. Слишком большие кадровые и технологические потери понесли во время Гражданской войны и последовавшей за ней разрухи паровозостроительные заводы... Все же остальные валовые контрольные

показатели не были достигнуты и близко. Например, производство чугуна по изначальному плану первой пятилетки к ее концу должно было достигнуть десяти, а по откорректированному в двадцать девятом году – вообще пятнадцати или семнадцати миллионов тонн. Тут данные в разных источниках расходились... В реальности же выплавка чугуна к тридцать второму году достигла только шести миллионов трехсот тысяч тонн. То есть менее двух третей от показателей даже изначального плана... Приблизительно такие же отставания оказались и по всем остальным видам продукции, причем как сырьевым – стали, углю, зерну и т. д., так и промышленно-технологическим. Например, по первоначальным планам к концу пятилетки планировалось выйти на производство ста тысяч штук автомобилей в год, по откорректированным – аж двухсот тысяч, а реально в тридцать втором году произвели всего около двадцати четырех тысяч штук. Но это еще не самое страшное. Хуже было то, что вследствие провалов практически всех плановых показателей образовались большие перекосы в экономике, которые повлекли еще и дополнительные расходы. Например, из-за провала по производству стали и чугуна понадобилось срочно выделять дефицитную валюту на закупку банального черного металла для хоть какого-нибудь запуска уже построенных производств. Но именно хоть какого-то. На плановые показатели объемов производства существенная часть «первенцев первых пятилеток» потом выходила долго и мучительно. И уж точно куда дольше, чем это было предусмотрено планами. Что в целом привело к тому, что из тысячи шестисот пятидесяти девяти запланированных к строительству объектов строительство шестисот тринадцати (т. е. тридцати семи процентов от запланированного – более трети!) пришлось просто бросить. Часть из них потом кое-как домучили уже во вторую пятилетку, а часть так и не была достроена... Вследствие чего выполнение плана было подсчитано, скорее, по финансовым показателям, а также по зафиксированному факту выпуска конечной продукции. Пусть даже и по обходной технологии. То есть если вместо полностью готового производства со всем комплектом цехов – от заготовительного до инструментального – в незастекленном и недостроенном цеху практически на коленке, но «досрочно» собрали первую партию автомобилей, тракторов или там «дали стране первый металл», то это объявлялось «великой победой», а предприятие тут же заносилось в списки действующих. А то, что запуск по вот такой вот «обходной технологии» почти всегда являлся еще одной причиной того, что предприятие потом несколько лет не могло выйти на запланированные объемы, поскольку подобное криво-косое, ублюдочное производство прямо

мешало все еще продолжающемуся строительству, уже считалось несущественным... Подобный «трудовой энтузиазм» привел к тому, что вместо, как уже упоминалось, запланированного к концу первой пятилетки производства двухсот тысяч грузовиков в тридцать втором сумели произвести лишь около двадцати четырех тысяч. По поводу чего некий Адольф Бауэрманн, на чью работу, по оценке двух предвоенных пятилеток, Алекс и наткнулся в местной Сети (носившей, кстати, название не internet, а DeNetz), даже слегка поерничал – типа в реальности это означало, что СССР вместо двухсот тысяч грузовиков получил всего лишь двадцать четыре тысячи, но затраты на их производство составили при этом как на производство двухсот шестнадцати тысяч (ну, типа, произошло же перевыполнение плана на восемь процентов...). Сколько во всем этом правды и вымысла – Алекс не знал ^[38]. Ну не интересовался он до сего момента первыми пятилетками СССР. Однако то, что уж пропаганды-то в этих материалах до хрена и больше, он понимал отлично. Победители же всегда старательно и даже сладострастно «оттаптывались» на побежденных, всячески принижая их достижения и выпячивая любые недостатки...

Материалы непосредственно о войне в изложении нынешних победителей тоже являли чудовищную картину трусости, ошибок и некомпетентности – как со стороны командного корпуса РККА, так и со стороны руководства страны. Немецкие исследователи вдохновенно описывали, как целые армии оказывались без горючего, боеприпасов и командования, после чего попадали в «котлы» и десятками тысяч сдавались в плен. Но ведь и в той истории, которую парень учил в школе, – и в ней рассказывалось, что в сорок первом все было ужас как плохо! Внезапное нападение, потом отступления, котлы, прорывы... деталей Алекс не помнил (нет, в школе как-то учил, но именно как-то, а как закончил – так все быстро выветрилось из головы), но ощущение того, что летом сорок первого произошло нечто подобное описываемому, у него осталось. Хотя там сорок первый описывался, естественно, в первую очередь с точки зрения мужества и героизма солдат, продолжавших сражаться даже в безнадежной ситуации... Но ведь в тот раз победили же! А здесь – нет. Первой, в ноябре, пала Москва, а к весне был захвачен и Санкт-Пет... ну то есть Ленинград. После чего все окончательно посыпалось. К осени же сорок второго вермахт вышел-таки на линию Архангельск – Астрахань. На год позже, чем планировал, но вышел. И пошел дальше...

Алекс голову сломал, пытаясь понять, что именно из его действий привело к такому чудовищному результату. Именно из его – потому что в

прошлый же раз выиграли, хоть и с трудом и огромными потерями, а вот после его вмешательства... Но ведь ничего же серьезного он не сотворил! Все ж рассчитано было: минимум вмешательства – максимум дохода! Не может же дело действительно быть всего лишь в раздавленной безымянной бабочке?^[39]

Где именно он накосячил? Может, ляпнул где-то что-то? Например, когда на BASF помогал с наладкой процесса. Так вроде тоже ничего такого не было... Или было? Он почти месяц, пока Бригитта искала возможность запустить процесс его легализации, мучился ночами, максимально подробно вспоминая, что, как, где и кому он говорил. И ничего такого не вспомнил... Хотя одного типа, который мог как-то быть к этому причастен, вроде как вычислил. Хуго Зоммер – молодой технолог с BASF, сделавший позже блестящую карьеру в SD ^[40]. Не то чтобы Алекс нашел, где именно он лично прокололся и чем именно этот тип так сильно помог Райху победить, но этого Хуго вспомнил. Тот всегда крутился рядом с ним, сверля Алекса одновременно завистливым и подбострастным взглядом и время от времени делая намеки на то, что с радостью готов поработать с «господином химиком» над его новыми и, несомненно, великими изобретениями. Но поскольку Алекс тогда отложил работу над новыми патентами на время «после последней попытки» – он пропустил эти намеки мимо ушей. И вот, гляди ты, этот уродец сумел-таки сделать карьеру. Правда, немного не в той области, в какой собирался... А может, дело было вовсе не в Зоммере и «соломинку» нужно было искать совершенно в другом месте? Как бы там ни было, в конце концов дело все равно было в Алексе. Искать другие причины было бы банальным малодушием... Но как же все, оказывается, тогда висело на волоске, если пара-тройка неосторожно брошенных фраз и одна совсем не ключевая технология все так изменили...

– Больше никаких поручений не будет, герр Ауэрбах? – уточнил Алекс. После запуска процесса его легализации ему удалось устроиться в лабораторию баканализа «управления привлеченного персонала» Остарбайта. Да-да, в этом времени вполне себе существовали свои «польские сантехники» и «украинские батраки»... Начальник окинул единственного подчиненного недовольным взглядом и покачал головой.

– Ох уж эта нынешняя молодежь... Мы в ваши годы считали для себя честью трудиться не покладая рук и засиживаться на работе допоздна, строя великую страну. К какому итогу она придет с таким ленивым и безответственным поколением – мне страшно даже представить!

– Так я же готов, герр Ауэрбах. – Алекс уставился на начальника преданным взглядом. – Поставьте мне задачу, и я немедленно возьмусь за ее выполнение.

– Идите уж, Майер, – брюзгливо пробурчал Ауэрбах, после чего весьма неожиданно продолжил в прямо противоположенном, чем до этого, духе: – Учитесь все делать вовремя. Я не собираюсь краснеть перед директором департамента за перерасход фонда заработной платы из-за того, что вследствие чьего-то идиотизма и некомпетентности у кое-кого появится необходимость работать сверхурочно...

«Сестренка» позвонила, когда он уже добрался до дома. Ну как дома... комнаты со встроенной кухонькой, которую он снимал. Помнится, в Праге нечто подобное именовалось «гарсонкой». Алекс как-то ночевал в таковой с приятелями-байкерами во время мототура по Чехии. Сняли через Airbnb.

– Привет, ты уже дома? – деловито начала она.

– Да, только что вошел, – ответил парень, стягивая пальто и разуваясь.

– Делай кофе – я сейчас буду...

Бригитта оказалась той еще оторвой. Во-первых, она была... троцкисткой. Да-да – тот портрет мужчины с бородкой, усами, в пенсне и с явно семитскими чертами лица, висевший над ее кроватью, оказался портретом именно Льва Троцкого... Вы только представьте: в центре Тысячелетнего Райха, еще восемь десятков лет назад совершенно определенным образом полностью и окончательно решившего «еврейский вопрос», в начале двадцать первого века вполне себе спокойно существовал подпольный кружок людей, избравших своим кумиром и вождем Льва Давидовича Троцкого, урожденного Лейбы Давидовича Бронштейна... Когда Алекс узнал об этом, он некоторое время пребывал в полном шоке, а затем решил, что в его положении надо как можно быстрее литься куда подальше от подобной родственницы... Впрочем, эти благие желания так и остались всего лишь желаниями. Потому что литься ему было просто некуда. Он оказался практически в центре Райха без денег, без документов, к тому же одетый в такую одежду, которая могла вызвать у прохожих подозрение в том, что он является если не шпионом, то как минимум чужаком. Ну не носили тут в Европе джинсы. Потому что США как «логово международного еврейского капитала» считались в Райхе «естественным противником немецкого мира». И на любые подражания американцам здесь смотрели крайне негативно. Да и вообще, контакты Европы с Америкой тут были не слишком активными, представляя разительный контраст с той ситуацией, которая была привычной для Алекса. Никакого «цивилизованного мира» или «Большого Запада» здесь и

в помине не было. А было жесткое противостояние между «Континентальными державами» и «Международным еврейским капиталом». Ну в интерпретации СМИ Райха, естественно... Причем не только идеологическое, но и экономическое, и военное. Напрямую США и Райх не сталкивались уже почти пятьдесят лет, со времен «Исландского конфликта», но мелкие региональные конфликты тлели вовсю... Из-за этого, например, ни о Visa, ни о MasterCard в Европе и не слышали. У Райха был свой «пластик», и давать зарабатывать на своем рынке глобальному конкуренту никто не собирался... Впрочем, совершенно не факт, что имеющиеся у Алекса карты заработали бы и в Штатах. Потому что «дигитализация» этого мира серьезно отставала от того, который парень когда-то покинул. Лет на двадцать, по первым прикидкам... Почему так произошло – Алекс сказать не мог. Потому что, скажем, космос здесь, наоборот, развивался куда как активнее, чем в покинутой реальности. Так, на Луне уже десять лет существовало две постоянные базы – немецкая и американская. Причем немецкая появилась первой. Хотя, если честно, космос, наверное, был единственной областью, в которой эта реальность превзошла изначальную. Все остальное хоть немножко, но отставало... Вот вследствие всего вышесказанного первая же его попытка покинуть «берлогу» Фрица до того, как он решит вопрос с, так сказать, собственной легализацией, непременно окончилась бы очень быстрым задержанием полицией, со всеми вытекающими из этого крайне негативными последствиями. Так что, получалось, куда ни кинь – везде клин. Но в «берлоге» хотя бы есть где поспать, да еще и кормят...

Шанс же на то, что этот вопрос будет решен, был, и весьма серьезный. Потому что Бригитта оказалась прямо заинтересована в том, чтобы Алекс имел возможность получить доступ к тому самому счету, который он сам и открыл в тысяча девятьсот двадцать втором году.

Про этот счет тот самый «дедушка Дитрих» узнал еще чуть ли не сорок лет назад. Как – Бригитта не знала. Об этом дед никогда не говорил. Хотя подозревала, что это произошло в то время, когда он работал в том самом Berner Kantonal bank... После чего этот столь удачно (для Алекса) почивший «родственник» занялся осторожными, но упорными поисками потомков, открывшего этот самый счет «американского родственника», пропавшего в начале тысяча девятьсот двадцать третьего года. По его предположениям, этот самый «американский прадедушка» просто-напросто вернулся обратно в Америку. Сорок лет поисков и потерь, в процессе которых несколько аферистов сумели выудить из «дедушки Дитриха» немалые суммы денег, привели к тому, что для большей части

своей семьи он стал посмешищем. А вот для Бригитты его рассказы о том, как они получают, а потом и распоряжаются богатством сгинувшего американского родственника, стали любимыми детскими сказками...

Алекс поднялся и двинулся на кухню, ставить чайник. Увы, кофе «сестрице» придется пить растворимый. Каковой здесь, кстати, оказался весьма отвратного качества... Его существование в данной реальности пока было куда более скудным, чем в той, которую он покинул. Сейчас уровень жизни соответствовал тому, который он вел студентом «Губки»... Да даже еще и похуже. Потому что, кроме жесткой экономии на еде, он еще и был по большей части одет в, так сказать, чужие обноски, великодушно выделенные ему «соратниками» Бригитты по кружку троцкистов. Да и то небольшое, что было все-таки приобретено им самим, также оказалось куплено в основном на собранные ими в помощь «товарищу» деньги. Его скудной зарплаты едва хватало на еду и оплату аренды этой крохотной комнатухи. Хотя тот же герр Ауэрбах время от времени позволял себе даже походы в стриптиз-бар...

С этим «подпольным кружком» все оказалось не так уж просто и печально, как ему поначалу представлялось. Дело в том, что костяк «подпольного кружка» составляли те, кого обычно называли «золотая молодежь»... вернее, не совсем так. Истинную основу, пожалуй, составляли наиболее отмороженные. Ну типа Бригитты. А вот уже вторым слоем шла та самая «золотая молодежь», весьма старательно подражающая небольшой группке отмороженных. Впрочем, именно подражающая. Для них, судя по тому, что Алекс увидел, участие в «подпольном кружке» являлось скорее способом пощекотать нервы, подкачаться адреналином, подчеркнуть свою элитарность, особость, отстраненность от «серой массы», чем неким онтологическим выбором. А еще, по наблюдениям Алекса, у кружка был третий слой, состоявший из тех, кого парень назвал «прихлебатели», рассматривающих свое участие в этом «борделе» уже исключительно как способ «засветиться» и войти в ближний круг молодой поросли богатых семей. Этих было слишком много, и на них особенного внимания никто не обращал. Но они надеялись...

Декларируемой целью данного сборища являлась социальная революция и построение общества «свободы и справедливости». Целостной картины этого общества у них в головах не было, но с чего начать – они уже определились. Например, было решено, что всем живущим на территории Райха вне зависимости от того, где они проживают – в гау, рейхсгау, генерал-губернаторстве или самых окраинных рейхскомиссариатах, – должно быть предоставлено гражданство Райха как

минимум третьего класса. Все дети должны иметь возможность получить не только начальное образование, но и среднее и даже высшее. Вне зависимости от происхождения. Естественно, на немецком... Причем когда Алекс во время одного из очередных собраний, представлявших собой скорее помесь пьянки с потрахушками, чем серьезное политическое мероприятие, поинтересовался, почему именно на немецком, – на него уставились с полным недоумением. А на каком же еще? Ведь только немецкий обладает полным набором понятийных аппаратов для практически всех отраслей науки и искусства. Ну как можно обсуждать, скажем, проблемы ядерной физики или биологии на польском или там сербском? Вот прислушайся, как звучит: «Szybka cząstka wpada w jądro» [\[41\]](#). Ну ржака же!.. Кроме вышеупомянутого, «революционная теория», исповедуемая лидерами кружка, имела полный набор социалистических штампов типа «общенародной собственности на средства производства» и «неизбежности мировой революции», в которых, судя по тому, что Алекс уже успел услышать за время проживания в «берлоге» у Фрица, подавляющее большинство откровенно плавало. Не то чтобы он сам был так уж сильно подкованным в этом вопросе, поскольку никогда им особенно не интересовался, но, пожалуй, его уровень знаний в этой области, к его собственному удивлению, оказался куда более высоким, чем у этих «соратников по борьбе». Впрочем, основными трудами, из которых «соратники» и брали теоретические основы своей деятельности, были труды господина Троцкого. Алекс полистал некоторые из них, самые потрепанные – «Литература и революция», «Война и интернационал» и, конечно, «жития кумира» – биографическую книгу Троцкого «Моя жизнь», которую он написал еще в тысяча девятьсот тридцатом году. Написано было живенько, но особенного впечатления они на него не произвели... Кроме того, на собраниях регулярно устраивался сбор средств «нуждающимся товарищам» (к каковым он, после того как точно так же собрали денег и ему, относился весьма положительно и собирался непременно в них участвовать, после того как слегка «обрастет жирком») и на подготовку «акций», заключающихся в разбрасывании распечатанных на принтере листовок в аудиториях университетов, в которых учились члены кружка. Да-да, студентов в кружке было подавляющее большинство... А еще Алекс продолжал теряться в догадках в отношении того, почему в качестве кумира был избран именно Троцкий, а не, скажем, тот же Маркс, с которого вроде как все и началось. Или выражение «нет пророка в своем отечестве» верно не только по отношению к русским?

Но эта странная тусовка принесла ему и вполне ощутимую пользу.

Слова Бригитты насчет «придумать, как легализовать» оказались не просто сотрясанием воздуха. Вследствие того, что она, так сказать, «ходила здесь в авторитете», девушка быстро отыскала возможность сделать своему «американскому родственнику» легальные документы. То есть, если быть откровенным, не совсем легальные... Первая же серьезная проверка должна была установить, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Но для того, чтобы эта потенциальная опасность стала реальной, эту самую «серьезную» проверку должен кто-то инициировать. А «сестренка» заверила, что «они» имеют все возможности купировать данную опасность. Как минимум на какое-то время, достаточное для выполнения их планов...

– Привет. – Бригитта ворвалась в его «гарсонку», как порыв весеннего ветра. – Кофе готов? Замерзла!

– Готов, готов... – пробурчал Алекс. – Садись к окну. Плед дать?

– Давай! – весело махнула рукой девушка, падая в единственное в комнате кресло. – И можешь радоваться. Генрих сообщил, что акт проверки подписан. Так что в следующий вторник он ждет тебя в *verwaltung* [\[42\]](#) Цуга. Рад?

– Конечно! – выдохнул парень. Не говоря уж о том, что паспорт должен был открыть ему доступ к его собственному счету, почти бесправное состояние Алекса изрядно достало.

Легализация Алекса заключалась, собственно, в том, что один из членов подпольного кружка, работавший как раз в том самом *verwaltung* города Цуга, подобрал ему «биографию» некого Отто Майера, бесследно пропавшего три года назад. Да-да, здесь тоже случались подобные «необъяснимые» пропажи людей... Данный индивид подходил как нельзя лучше, потому что, во-первых, был близок ему по возрасту, будучи старше Алекса всего на два года, во-вторых, был фольксдойче, переехавшим в «Свободно присоединившуюся территорию Швейцария» всего за полгода до этого из рейхскоммисариата Остланд, то есть не имел особенных местных связей, и, в-третьих, в анкете на получение разрешения на проживание указал, что он полный сирота. Генрих, во внутренней иерархии кружка входивший как раз в тот самый «третий слой» и потому сильно заинтересованный в том, чтобы его заметили, сумел подменить фото и иные данные в разыскном листе Майера на фото и данные Алекса. Поскольку вследствие отставания в уровне развития цифровых технологий процесс оцифровывания полицейских учетов здесь был еще в полном разгаре и, как это естественно происходит в подобные времена с любым делом, сопровождался заметным бардаком, все прошло благополучно. На следующий день после этого Бригитта довезла Алекса, одетого в изрядно

поношенные, но бывшие ранее вполне приличными тряпки, выделенные ему «братцем», до Цуга и высадила на одной из глухих улиц. После чего предоставленный сам себе парень повел себя как бы вполне естественно, принявшись с интересом и озадаченностью в глазах разглядывать окружающую действительность и задавать дурацкие вопросы, ответы на которые известны даже детям. Что тут же привлекло внимание полицейских, которые доставили «подозрительного типа» в участок, где и, пробив его по базам, установили, что это пропавший три года назад гражданин Райха третьего класса Отто Майер. Дальше ему пришлось сыграть амнезию, что, впрочем, не потребовало от него особенного труда. Потому что полицейские оказались очень благожелательно настроены именно в отношении подобного развития событий. Ибо, начини «Майер» рассказывать о каких-то преступлениях в отношении себя – похищении, незаконном удержании и так далее, так пришлось бы сразу открывать дело и затевать мутное и долгое расследование. А так – пропал, потерял память, где-то пошароебился три года и вот теперь очухался. Где и что делал – не помню. Случай не криминальный, а медицинский и потому проблем полиции не доставит... Так что они быстренько сняли с него формальные показания, не предоставляющие основания для возобновления совсем недавно закрытого дела о пропаже гражданина, после чего позвонили по указанному в ориентировке телефону, связавшись с, вроде как это выходило по документам, владелицей дома, в котором Отто Майер проживал до момента пропажи. Несложно догадаться, что этот телефон на самом деле принадлежал Бригитте, которая, высадив Алекса, так и торчала с машиной неподалеку. Так что сразу после звонка она быстро подскочила к полицейскому участку, подтвердила, что это именно ее жилец, пропавший три года назад, и быстренько согласилась принять на себя обязанности временной опекуны, на которую возлагалась организация оказания медицинской помощи и получения всех необходимых медицинских заключений. Эти заключения тоже были получены достаточно легко через еще одного члена кружка, как раз из «богатеньких», отцу которого принадлежала довольно престижная частная клиника, весьма, кстати, популярная среди «сливок» общества. Так что оспаривать выданное ей заключение никому бы и в голову не пришло. После чего был запущен вполне рутинный процесс «восстановления документов», который, судя по сообщенной «сестрицей» только что информации, был близок к благополучному завершению.

– Что думаешь делать в первую очередь? – спросила Бригитта, отхлебнув кофе.

– Пойду в банк, что же еще? – усмехнулся Алекс.

– Ну, это понятно, – усмехнулась девушка, – а потом? Вернешься в США?

Алекс задумался. В принципе – вариант. Райх ему не очень нравился. На первый взгляд все было нормально. Обычная ухоженная Европа. Причем куда более ухоженная, чем та, которую он когда-то покинул. В первую очередь потому, что здесь не было никаких мигрантов. Да и с гастарбайтерами все было куда суровее. Но идеологизированное государство – это идеологизированное государство. В Америке с этим должно было быть куда полегче... Но, с другой стороны, насколько Алекс смог пробиться сквозь идеологические нагромождения, которыми была завалена любая объективная информация о другом континенте, за океаном тоже была совершенно не та Америка, о которой он знал. В этом варианте истории США не удалось подгрести под себя большую часть послевоенной Европы и даже существенную часть Азии и сделать свой доллар мировой валютой. И к тому же она до сих пор вела яростную борьбу с Райхом по всем фронтам. Нет, реально военные Райха и США последний раз стреляли друг в друга уже более сорока лет назад, но региональных конфликтов по миру тлело до хрена и больше... Поэтому американцам, например, пришлось резко увеличивать эксплуатацию Латинской Америки (вот, кстати, континент, где уже двести лет все делается по лекалам наших либералов, т. е. «так, как хочется и как требуют «цивилизованные страны» – результат как, нравится?), вследствие чего там постоянно кто-то бунтовал. А уж о непрерывной вялотекущей партизанской войне с регулярными обострениями и речи не шло. Она стала там, так сказать, частью пейзажа... Что еще больше напрягало американскую экономику и делало ее куда более милитаризованной. Так что жили там намного более бедно и скудно, чем в ныне оставшемся только в памяти Алекса прошлом варианте современности. Да и разных других ограничений хватало. Например, американцам до сих пор запрещалось владеть золотом ^[43], а Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности ^[44] и не думала сворачивать свою деятельность. Причем число дел, которые она рассматривала ежегодно, вплотную приблизилось к миллиону. А что поделать – суровая война с «геополитическим противником» шла на всех фронтах и требовала все больше и больше жертв...

– Пока нет, – мотнул головой Алекс. – Думаю задержаться в Райхе. Попутешествовать...

– И куда поедешь? – заинтересованно уточнила Бригитта.

– Ну-у... думаю прокатиться на восток, – делано равнодушно отозвался Алекс. Да, он действительно собирался съездить на восток и посмотреть, как живут люди в тех местах, где он родился и вырос. – Надо же посмотреть, как действительно живут те, кого вы так хотите облагодетельствовать.

Глаза Бригитты возбужденно блеснули, и она, резким движением оставив кружку, внезапно подалась вперед и тихо произнесла:

– Поцелуй меня...

Алекс на мгновение замер, слегка ошеломленный сказанным, потому что до сего момента девушка в общении с ним всегда демонстрировала такие пренебрежительно-покровительственные манеры, а затем качнулся вперед и осторожно прикоснулся губами к мягким и теплым губам девушки...

Глава 8

– Опять? – Бригитта, одетая только в рубашку Алекса, смотревшуюся на ней скорее очень коротким халатиком, окинула парня сумрачным взглядом и неодобрительно покачала головой, после чего продефилировала к кофемашине, встроенной в широкий пенал, в котором кроме этого технологического устройства размещался и остальной набор кухонного оборудования – от микроволновки до пароварки.

Эту квартиру Алекс купил после получения своей доли денег со счета. Сто сорок квадратных метров в клубном доме на люцернской набережной Haldenstrasse и шикарный вид из окна на озеро и летящие над ним в облаках горные пики. О чем-то подобном он мечтал еще в той, ныне исчезнувшей реальности. А впереди его ожидали не менее приятные траты – мотоцикл, стильная обувь, новый гардероб, часы – «Vacheron Constantin»^[45] на запястье будут смотреться очень стильно. Он тогда все спланировал... Бригитта же решила потратить свои деньги на другое. На борьбу. А все его планы и желания презрительно обозвала «вопиющим мещанством», под конец бросив: «Впрочем, чего еще можно ждать от выкормыша логова международного еврейского капитала»... Короче, они разосрались. Напрочь. И произошло это перед самой его поездкой на восток...

Хотя началось у них все как в сказке. Девичьей. Ну знаете, как это бывает – я хочу такой любви, чтобы по полной, до небес, чтобы в нее как в море... Вот-вот, так все и случилось! Почему это сработало и с ним? Ну-у-у... психолог, вероятно, заявил бы, что Алексу было очень одиноко в этом совершенно чуждом мире, где даже мемы и игрушки для «занять руки» оказались совершенно другими. А соцсетей пока вообще не было. Лишь нечто вроде FIDO^[46] и только-только появившееся убогое подобие «аськи»^[47]... Так что о вполне привычных «покемонах», спиннере и «Фейсбуке» с «Твиттером» здесь никто и никогда не слышал. К тому же, похоже, мамины характер и наклонности оставили сильный отпечаток на его предпочтениях. Вследствие чего Алекса, скорее всего, подсознательно тянуло к сильным и властным женщинам... Но психологов рядом не было. Сам же он на этот вопрос ответить не мог. Случилось – и все! Что же касается Бригитты, то кроме того, что она и так была страстной и увлекающейся натурой (иначе бы с какого хрена ее потянуло в троцкистки?), девушку в Алексе привлекли именно его чуждость и инородность, которые прорывались во всем – от манер и предпочтений в

одежде до кругозора, на формирование которого наложил отпечаток куда более глобализированный мир, словарного запаса и некоторого акцента. Как бы там ни было – они буквально рухнули в любовь...

В постели у них все оказалось выше всяких похвал. Сексу Бригитта отдавалась полностью и со всей истовостью своей страстной натуры, совсем не стесняясь во время «пиков» визжать, царапаться и орать во все горло... В конце первой недели «отношений» к ним из-за этого даже приперся полицейский, которого Бригитта, кстати, встретила все в той же надетой на голое тело рубашке Алекса. Причем незастегнутой. Так что молодой парнишка в форме, увидев открывшую ему дверь «хозяйку квартиры», тут же стушевался и, промямлив что-то о жалобах «почтенной ффрау из квартиры этажом выше», быстренько смылся. По традиции, полицейские «Свободно присоединившейся территории Швейцария» набирались из глухих тирольских деревушек, в которых сохранялись еще весьма патриархальные нравы. Что, впрочем, было вполне объяснимо – Министерство народного просвещения и пропаганды Райха ревностно стояло на страже морального здоровья нации, а DeNetz пока еще был не слишком развит для того, чтобы идеи сексуальной революции проникли в массы с, так сказать, заднего хода... Так что в сексуальном плане у них все было относительно нормально. В личном же... в личном проблемы начались практически сразу. Потому что характер у «сестрицы» действительно оказался почти точь-в-точь «мамин». То есть для нее, как выяснилось, существовало только два мнения – ее и неправильное. Вследствие чего, несмотря на все «подсознательные предпочтения», Алекс уже через пару недель отношений начал задумываться над тем, что он несколько... м-м-м... ну-у-у... поторопился переходить к столь близкому общению. Ибо, несмотря на то что маму парень любил, все-таки последние пять-шесть лет собственной жизни он предпочитал делать это на как можно более дальнем от нее расстоянии. Здесь же «молодое издание» его мамы оказалось прямо у него в постели... К тому же нелегкий характерец «сестрицы» через какое-то время начал проявлять себя и в сексуальной сфере. Ну кому понравится, когда уже на подходе к самому «пику» тебя вдруг прерывают командой: «Слезай! Я хочу сзади!» Однако, к сожалению, возможности как-то повлиять на это у Алекса, довольно неожиданно для него, резко сократились. Потому что Бригитта внезапно стала ключевым действующим лицом нового плана по организации доступа к его собственным деньгам...

Получить свои деньги из банка он не смог. Ну вот так вот... Как выяснилось, исключительная надежность Berner Kantonal bank,

позволившая ему с достоинством пройти сквозь все бури и грозы двадцатого века и продолжать свою деятельность в двадцать первом, имела и свою обратную сторону, напрямую проистекающую из того, что этот банк относился к своим обязательствам максимально скрупулезно и ответственно. Вследствие чего нельзя было просто прийти в банк, предъявить паспорт гражданина Райха, назвать номер счета, цифровой пароль и кодовое слово, а потом спокойно получить деньги. Потому что кроме этого нужно было доказать, что счет, с которого ты собираешься снять деньги, – это действительно твой счет. Ну или как минимум ты имеешь законное право на него претендовать. Именно законное... Для чего одного паспорта гражданина Райха и полного набора кодов и паролей было недостаточно. Кроме них ты должен был убедить юридическую службу банка, что ты не мошенник, что действительно имеешь право распоряжаться деньгами с указанного тобой счета и что это право ты получил на вполне законных основаниях. Вследствие чего первая попытка Алекса добраться до своих денег закончилась не только полным провалом, но еще и позорным бегством из здания банка. Слава богу, что хотя бы в полицию не попал... Так что, исходя из всех вновь открывшихся обстоятельств, первоначальный план пришлось срочно переигрывать. И главным действующим лицом в новом плане теперь становился не Алекс, а Бригитта. Потому что именно она носила ту самую фамилию, на которую был открыт счет.

Поэтому до самого снятия денег со счета парню приходилось терпеливо и молча сносить все те неприятности, которые доставлял ему категоричный и бескомпромиссный характер «сестрицы». А также терпеть все ее попытки обратить его «в свою веру». Ну то есть увлечь троцкизмом и борьбой «за идеалы свободы и коммунизма». Иначе можно было остаться совершенно ни с чем... Нет, с голоду бы он в этом случае, естественно, не умер, но возвращаться на службу в лабораторию баканализа управления Остарбайта ему совершенно не хотелось. «Аборигены» восточных территорий, на часть из которых иногда снисходила манна небесная в виде ограниченного числа разрешений на работу в метрополии, как правило, были весьма богаты на кишечных паразитов. Да и с иными инфекциями, о существовании которых в цивилизованных местах уже давно позабыли, у них также все было в ажуре... В первую очередь потому, что основными требованиями к медицине, обслуживающей население категорий «местнорожденные» и «кандидаты в граждане», были отнюдь не эффективность и максимальный охват – это относилось только к полноценным гражданам Райха, а дешевизна и максимальная

необременительность для бюджета... Да и личное общение с «парубками» всего с четырьмя классами образования (а зачем неквалифицированной рабочей силе больше-то?) также не доставляло особенного удовольствия. Так что пришлось терпеть... Вот вследствие всех этих факторов к тому моменту, когда деньги наконец были получены, Алекс был готов уже лезть на стену. Впрочем, невозможность дальнейшего сосуществования к тому моменту стала очевидной уже обоим. Несмотря на хороший секс... Ну а стремление «сестрицы» положить жизнь на алтарь «свободы и коммунизма» Алекс вообще уже стал воспринимать как род психического заболевания.

К удивлению парня, выросшего во времена, когда «коммунизм» прочно ассоциировался с «тоталитаризмом» ^[48] и всякими вариантами угнетения ^[49], для Бригитты эти понятия оказались сцеплены настолько прочно, что всякие осторожные... ну-у-у... типа... размышления Алекса о том, что, может быть, это... ну-у-у... как бы... не настолько тождественные понятия, как она думает, отметались ею напрочь. «Коммунизм и свобода» в ее глазах были не только намертво сцеплены, но и сияли неугасимым пламенем. Пламенем будущих счастья и радости... Так что ответ: «Ты ничего не понимаешь!» был ее самой приличной реакцией на все его рассуждения. Ну а к моменту получения денег она перешла уже на куда более резкие выражения...

Подойдя к кофемашине, она нацедила себе чашку капучино, после чего, вернувшись к барной стойке, за которой сидел Алекс, и взобравшись на высокий табурет, устроилась напротив него.

— Так и не расскажешь?

Алекс молча покачал головой. Бригитта вздохнула.

— Что же такого с тобой произошло в этом твоём путешествии, что тебя регулярно кошмары мучают?..

Из путешествия на восток он вернулся пять дней назад совершенно разбитым. Ну не ожидал он того, что ему довелось там увидеть. Не в двадцать первом веке...

Нет, поначалу все было более чем благопристойно. Например, признаков как минимум одной «извечной» беды России более на той территории, где она когда-то была, не наблюдалось. Таких дорог, которые теперь покрывали... э-э-э... восток Райха, Алекс в прошлом варианте реальности не встречал даже в Австрии. А в Австрии, по его мнению, дороги были куда лучше, чем в Германии. Также не осталась и следа от полуразвалившихся изб или развалин коровников, в покинутой им

реальности встречавшихся не только в каких-нибудь глухих ебнях Тверской или Новгородской области, но и прямо на обочине федеральной трассы М10 Санкт-Петербург – Москва. Да и вообще, стра... хм... ну то есть восточные рейхскомиссариаты выглядели вполне ухоженными и обустроенными, не сильно отличаясь в этом от той же «Свободно присоединившейся территории Швейцария». То есть отличались, конечно, но именно не сильно... У Алекса поначалу даже настроение поднялось. Похоже, не так-то уж он и накосячил! Нет, национальное самосознание, конечно, от поражения в войне у русских, само собой, пострадало, но зато теперь живут в нормальной стране. Вон какие дороги! Баварское пьют опять же! Но все оказалось совсем не так, как казалось...

Поездку он начал с Питера, который, слава богу, не был разрушен и затоплен, как вроде бы собирался поступить с этим городом Гитлер. Но во время войны напрягавшему все силы для победы Райху было не до этого, а после войны, вероятно, решили, что уже построенный город рациональнее не разрушать, а использовать. Тем более что, как об этом говорилось во всех современных путеводителях, «Город был построен немцами и для немцев». Сколько правды было в этом утверждении, Алекс не знал, но подозревал, что не очень много. Однако никого, кто мог бы его опровергнуть, парню за все время пребывания в городе не встретилось...

Меньше всего поменялся центр. Например, Аничков мост с клодтовскими конями был точно таким же, каким он его помнил. Ну, дык, Петр Карлович Клодт происходил из баронской семьи Клодт фон Юргенсбург, выходцев из графства Маркского в Вестфалии, то есть служил лучшим подтверждением тому самому «немцами и для немцев»... Вот только улица, которая проходила через него, теперь называлась не Невский проспект, а Hitlerallee ^[50]. А вот большая часть остальных памятников либо исчезла, либо оказалась заменена или перестроена. Так, вместо Медного всадника на его вполне узнаваемом камне-постаменте на Сенатской площади (ныне носившей название Leebenplatz) возвышалась фигура могучего обнаженного воина со свастикой во всю грудь, с яростным лицом вбивающего копье в извивающуюся гадину с чешуей в виде красных звезд и серпом и молотом на уродливой морде. Сия композиция называлась: «Немецкий дух, повергающий гидру коммунизма». Александровский столп остался на месте, но его внешний вид сильно изменился. Самым бросающимся в глаза изменением была, так сказать, «стальная лавровая ветвь», сваренная из изуродованных и ржавых обломков военной техники, увивающая столп от подножия до фигуры ангела на вершине. Большую часть обломков Алекс не узнал, но пару довольно крупных кусков от башен

«тридцатьчетверок» идентифицировать смог. Это для него оказалось несложно, потому что в «World of Tanks», он в свое время играл весьма плотно... Храма на Крови не было, а на его месте просто была набережная, заасфальтированная для проезда машин. Даже приметный выступ набережной, сделанный, чтобы было легче объехать храм, и тот убрали... Не было Смольного. Совсем. Никаких следов. На месте Александро-Невского монастыря возвышался огромный восьмиэтажный торговый центр с обширной парковкой. И вообще ни единой церкви, так сказать, «русского типа», то есть с золочеными или там синими куполами-маковками Алексу тоже не встретилось. Как и бывших доходных домов Басина и Никонова, выстроенных в псевдорусском стиле. Не было такого – и все. Ни страны, ни культуры, ни архитектурного стиля... Казанский собор и Исаакий сохранились, но были изрядно перестроены и в данный момент являлись лютеранскими кирхами. Зимний, являющийся резиденцией рейсхкомиссара, был густо украшен красными полотнищами со свастикой в белом круге, а перед воротами, ведущими во двор, стоял пост.

Местные же... местные жители делились на две неравные доли. Большую часть времени город заполняли толпы веселых, довольных жизнью, отлично одетых людей, изъяснявшихся исключительно по-немецки. А вот рано утром и поздно вечером на улицы и площади торопливо выползали десятки других, одетых в оранжевые робы, с метлами, скребками, вениками в руках и принимались деловито мести, скрести, мыть и подметать, негромко переговариваясь уже по-русски. Ну преимущественно... То есть фраза: «Маша, а куда ты дела мой маленький spiegel? [\[51\]](#)» – никому из них ухо не резала. И не сказать, чтобы они выглядели такими уж несчастными. Но... как бы это... м-м-м... ну вы понимаете... в своей собственной стране... А еще почти на всех магазинах, ресторанах, кафешках, парикмахерских, маникюрных салонах и тому подобном висели небольшие скромные таблички, обозначающие то, что «туземцам» в них вход воспрещен.

Москва напрягла еще больше. Во-первых, не было Кремля. Ну вот никаких следов. Место, где он ранее располагался, ныне занимал роскошный парк, центральным украшением которого являлась огромная скульптурная композиция, состоящая из монументальной фигуры Гитлера с характерными челкой и усиками, простирающего руку над группой из скульптур трех обнаженных мужчин и двух женщин, стоящих кругом и сосредоточенно кующих огромный меч с гардой в виде свастики. Причем ковали они его на наковальне, представлявшей собой земной шар.

Путеводитель представлял эту композицию как «Величайший шедевр классика раннего имперского периода Арно Брекера» ^[52]. Ни университета, ни остальных «сталинских высоток» тоже, естественно, не имелось. Но это было объяснимо, поскольку строились-то они уже после выигранной СССР войны, которая здесь оказалась проиграна. То есть никакого «после войны» для страны уже не случилось... Ну и так же как и в бывшем Питере, в Москве полностью отсутствовали православные храмы. Впрочем, более всего Алексу резануло глаз то, что даже Садовое кольцо было проложено совсем не так, как он это помнил. Садовое-то им чем помешало?

Алекс почти неделю шлялся по городу, который теперь носил имя Hitlersieg ^[53], узнавая и не узнавая его, а также чувствуя, что внутри растет колкий ледяной ком, от которого холодеет на сердце, слезятся глаза и становится трудно дышать. Черт, он же никогда не был никаким патриотом! Наоборот, всегда стремился уехать из страны. И не только потому, что так говорила мама. Это была и его собственная мечта! Нет, ну все логично же – недаром говорят: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Вот и он тоже... И вообще, скорее всего, большинство тех, кто сейчас ходит по улицам... э-э-эм... днем – потомки местных жителей... Ну ладно – не большинство, но все равно довольно значимая часть... Ведь не могут же все они быть исключительно приезжими?! Или могут?

Заданный этак невзначай на ресепшен вопрос ситуацию не прояснил. Молодая девушка, у которой Алекс поинтересовался этой темой, окинула его строгим взглядом и категорично заявила, что в их гостинице строго соблюдаются все расовые нормы Райха. И что даже весь персонал, контактирующий с клиентами, у них состоит исключительно из полноправных граждан. «Нативы» ^[54] же используются исключительно на тех работах, на которых контакты с постояльцами полностью исключены. Но Алекс-то спрашивал совершенно не об этом!

Все его попытки отыскать в бывшей Москве хоть кого-то знакомого оказались тщетными. Не смотря на то что здание «Губки» также оказалось занято нефтехимическим факультетом какого-то местного немецкого университета... Нет, ему сказали какого, но Алекс пропустил название мимо ушей, потому что до него внезапно дошло, что шансов увидеть маму у него тоже нет. Даже случайно. Потому что хоть она и родилась в Энгельсе, но вот ее родители, которых он почти не помнил, поскольку они умерли, когда маленькому Саше только исполнилось три года, переехали в этот город только во время войны как эвакуированные. И случилось это после того, как депортировали проживавших в Энгельсе немцев из

«Автономной республики немцев Поволжья». Вследствие чего в городе освободилось много жилья. А раньше его дедушка и бабушка жили где-то на Украине. Здесь же вроде как никакой депортации не случилось. Во всяком случае, во время своих исторических изысканий Алекс никакого упоминания ни о чем подобном не обнаружил. Судя по всему, ее просто не успели провести...

Так что до Геббельса, как теперь назывался его родной Энгельс, Алекс добрался уже в крайнем раздразе. Ну а тот случай, с гибелью ребенка в аварии, оказался последней каплей...

– Не кошмары, – сумрачно отозвался Алекс. – Просто...

– Просто ты просыпаешь посреди ночи и потом не можешь заснуть. – Девушка покачала головой. – Алекс, я не знаю, что там произошло, во время твоей поездки, но мне кажется, что надо не просто молча страдать, а бороться...

Бригитта вновь возникла в его жизни практически сразу после его возвращения из путешествия. Он едва успел добраться до квартиры и принять душ, как зазвонил телефон. Алекс, в этот момент как раз вытиравший голову, не глядя, сгреб его со стола и, поднеся к уху, зло бросил:

– Слушаю? – Но в трубке молчали. – Говорите же! – повторил он, после чего, так и не дождавшись ответа, нажал на кнопку отбоя и бросил телефон на столик. Видеть никого не хотелось. И вообще, несмотря на то что с момента той самой аварии прошло уже двое суток (все-таки в области дорог и в целом логистики с немцами мало кто может конкурировать), едва только Алекс о ней вспоминал, его тут же начинало трясти от бешенства. Кошки... ну суки! Ну я им...

Однако через полчаса в его дверь требовательно позвонили. Алекс, который после разговора, так и не одевшись, уселся за свой новенький громоздкий desktop, досадливо сморщился и решил не открывать. На хрен! Пошли они все... Но неожиданный гость оказался настойчивым, ничтоже сумняшеся продолжая упорно давить на клавишу звонка. Алекс продержался три минуты, после чего не выдержал и, подскочив к двери, резко распахнул ее, собираясь разразиться дикой руганью... Но Бригитта не дала ему на это ни единого шанса. Едва дверь распахнулась, она прыгнула вперед и-и-и... впиалась в его губы, заставив парня зависнуть в полном ступоре. Их расставание ознаменовалось феерическим скандалом, поэтому он был совершенно уверен, что уж кого-кого, но «сестрицы» за дверью точно быть не может. Более того, теперь она при встрече не то что его знать не захочет, а вообще будет демонстративно переходить на другую сторону

улицы. А тут на тебе! Но это было только начало... Бригитта, не отрываясь от его губ, втокнула его в квартиру, на ощупь захлопнула дверь и все так же, впившись в него поцелуем, начала лихорадочно раздеваться.

– Би-ыта, фто... – растеряно промычал Алекс, но «сестрица» хлестким движением сбросила с левой руки содранную с себя кофточку, а затем этой же рукой ухватила его за затылок и сильно прижала его голову к своим губам. Так что он окончательно потерял возможность произнести хоть что-то внятное...

– Крак, – хрустнула застежка лифчика, и в следующее мгновение в грудь парня уперлись напряженные соски. Алекса обдало жаром. Мурашки, пробежав по спине и бокам, стянулись к паху и-и-и... ну то, что получилось, назвать «мурашкой» уже точно было бы сильным преуменьшением. Очень сильным...

– Клас, – звякнула об пол пряжка стильного широкого ремня, упавшего на пол вместе со слаксами. А еще мгновение спустя еле слышно хлопнула резинка трусиков, мягким комком упавших на весь остальной ворох, сразу после чего Алекс почувствовал, как его опрокидывают на спину. Губы Бригитты на мгновение отлипли от лица, и парень, задыхаясь, выдавил:

– Бригитта, что ты-ы...

– Молчи! – буквально прошипела девушка. И через миг парень почувствовал, как нечто горячее и влажное буквально втянуло в себя его...

После тех сумасшедших вечера и ночи «сестрица» снова перенесла к нему свои вещи. А он... он был, пожалуй, даже благодарен ей за это. Несмотря на то что ее привычки ничуть не изменились. Потому что именно после того самого, неожиданного, бешено-сумасшедшего, какого-то даже животного секса его немного отпустило. Нет, не совсем – иначе бы он не просыпался ночами и не перся на кухню, где сидел, тупо уставив взгляд перед собой и мучаясь от того, что не знал, что делать, но все же...

Нет, с тем, что делать, все, в принципе, было ясно. Самый популярный сюжет всяческих «альтернативок» – попаданец к Сталину. То есть набираем инфы, и вперед. Но... именно после того, как его немного отпустило и Алекс снова получил возможность мыслить более-менее логически, у него начался второй этап. Он... он испугался! Сталин же тот еще монстр. Тучу народа расстрелял, сгноил в лагерях и похоронил в Сибири. И вот он придет к нему весь такой умный и красивый – типа «йа ис будущева». И что? Сталин его вот так просто потом отпустит? Да хрен там! Поэтому крутилось, крутилось в голове подленькое желание – оставить все как есть. Ну кто ему эти, с «маленьким шпигелем»? Да и

живут, и вроде как не голодают. Улыбаются. Ну пока метлами махают... И дороги вон построили. А девочка... девочке-то уже не можешь. Да и не каждый день на востоке Райха давят вот таких девочек... Или каждый? А в следующее мгновение Алекса охватывало омерзение к самому себе. Трус! Тварь! Жлоб! Денег ему захотелось... А на хрена тебе деньги, урод? Для более приятной и комфортной переработки жрачки в навоз? Больше-то от тебя на этой планете с такими жизненными ценностями ничего не останется. Навоз из кишок и навоз от тела – и все. И ладно бы ты действительно ничего не мог сделать – но ведь можешь, сука, можешь! Но ссышь... После чего, разозлившись, он начинал лихорадочно прикидывать, что нужно делать. Какую инфу собрать. А потом его снова охватывал страх и-и-и... А присутствие Бригитты как-то сглаживало его метания. Заставляло забыть. Отключить голову. Сосредоточиться, мать его, на ощущениях... Но ведь понятно, что долго все это продолжаться не могло. Март приближался...

– Если бы все было так просто, – вздохнул Алекс. Бригитта фыркнула.

– Незачем искать сложности там, где их нет. Все же на самом деле просто. Можешь – сделай. Видишь несправедливость – борись!

Алекс грустно усмехнулся и, вздохнув, произнес:

– Ладно, пойдем досыпать. Будет утро – будут дела...

Глава 9

– Супер! – довольно выдохнул Алекс, открыв полученное электронное письмо. – Ну хоть одну кимберлитовую трубку удалось привязать по координатам. А то эти уроды так шифруются...

Больше всего в этой реальности его напрягало слабое развитие информационных технологий. Вот, скажем, как бы он искал координаты алмазных месторождений в своем старом мире? Да очень просто! Задал запрос по месторождениям в поисковике, потом в Википедии посмотрел имеющиеся рядом населенные пункты, после чего вошел в гугл-карты, ввел название, перевел карты в режим спутника, нашел, где в окрестностях режет глаз огромная дыра в земле, щелкнул по ней мышкой и получил бы точные координаты вплоть до угловых секунд. Здесь же ставка на Интернет (то есть, конечно, DeNetz) не оправдала себя от слова совсем. Во-первых, в Сети практически не было карт. То есть не то чтобы совсем... они были, но не как общедоступные приложения с интуитивно понятным интерфейсом, а как заархивированные файлы для специальных устройств типа только-только начавших появляться навигаторов. И предназначены они были для обновления функционала этих устройств. То есть хочешь карту – купи устройство. А вот так посмотреть на мониторе – хрен! Во-вторых, даже такие карты были крайне примитивными и рассчитанными в первую очередь на автомобилистов. Так что пользы от них не было вовсе. Потому что дальние ебенья, в которых, как правило, и располагались месторождения, там обозначались либо одной-единственной дорогой, либо вообще белым пятном. О формате же спутниковых фотографий даже и речи не шло... В-третьих, вся информация в Сети оказалась чрезвычайно слабо систематизирована. Полный треш и хаос! Слава богу, что некий аналог раннего «Гугла» здесь уже существовал. Хотя только и исключительно в виде поисковика, да еще и с очень скудными возможностями. Например, на запрос «Месторождения золота в Сибири» он выдавал тучу ссылок, девяносто процентов которых не имело никакого отношения ни к золоту, ни к Сибири, а являлось совершенно левой рекламой – от производителя замороженных полуфабрикатов штруделей «Венские золотые» и до лаборатории приема анализов «Золотой стандарт диагностики». И, увы, пока не существовало такой «удобной помойки», как Википедия. Нет, энциклопедии в DeNetz были. Например, та же классическая Brockhaus Enzyklopädie ^[55]. Но она содержала всего около трехсот тысяч статей (в то

время как, скажем, в англоязычной версии «Вики», по смутным воспоминаниям Алекса, было уже далеко за пять миллионов...). Да, и что это были за статьи – по большей части так, куцые справочки в три-четыре строчки [\[56\]](#).

Поэтому для сбора информации Алексу пришлось вспоминать, как пишутся письма-запросы, после чего рассылать их на электронные адреса конкретных фирм. Слава богу, подобный функционал в местной Сети уже имелся. Если бы пришлось еще и отправлять письма обычной почтой – он бы, наверное, повесился... Но и рассылка не всегда помогала. Так, например, его слезное обращение в отдел по связям с общественностью компании «Deutsche Gold-Ost» [\[57\]](#) сработало на все сто. Алекс написал, что, типа, студент и ему поручили сделать доклад о влиянии присоединения восточных территорий на развитие экономики Райха после Великой войны. Но он решил не ограничиваться общедоступными материалами, а обратиться, так сказать, к первоисточникам. Так что не могли бы они, если это возможно, предоставить ему следующие сведения: координаты месторождений, кто обнаружил, даты обнаружения, даты начала разработки, используемые технологии, трудности, случившиеся при освоении... ну и так далее. И уже через полторы недели ему на «мыло» (здесь именуемое El-adr.) пришел развернутый ответ, в котором было практически все, что он запросил. И даже больше. Вплоть до краткой выжимки технико-экономических обоснований выбора технологии добычи и способа обогащения в зависимости от геологических условий каждого месторождения и наличия в рудах попутных элементов, а также участия в этом крупнейших университетов Райха. А вот подобное же обращение в компанию «Deutschen Diamanten», разрабатывающую алмазные месторождения в Сибири, в среднем течении реки Виллой, осталось без какого бы то ни было ответа. Даже отказ не соизволили прислать, суки! Так что даже для поиска хотя бы приблизительных географических координат этих месторождений Алексу пришлось едва ли не встать на уши. Слава богу, мода на переименования, прокатившаяся по территории Советского Союза после проигранной им войны, практически не затронула географические объекты. Так что как минимум точную дислокацию поселков, возникших за время, прошедшее с начала разработок, установить удалось. А сегодня у него получилось и установить точные координаты одной из кимберлитовых трубок. Правда, полностью выработанной, но это здесь и сейчас! В двадцатых-то она еще даже не открыта...

Алекс открыл файл с названием «Алмазы» и вбил в скудный текст

новую строчку с координатами, сразу же нажав на сохранение. После чего удовлетворенно кивнул и откинулся на стуле. Процесс накопления и систематизации информации потихоньку набирал обороты...

В этот момент со стороны входной двери раздался требовательный звонок. Парень недоуменно покосился в ту сторону. И кого это принесло? Бригитта вернулась? Вряд ли... вчера они очередной раз поссорились, так что «сестрица» явно еще не успела остыть. Домовой казначей? Так вроде как он все уже заплатил. В том числе и внеочередной сбор на ремонт беседки. Так что – тоже мимо. А больше никто к нему, считай, и не заходил. Алекс встал и со слегка озадаченным видом направился к входной двери. Кого же это там принесло?

За дверью оказался какой-то непонятный тип, одетый в шляпу и плащ.

– Герр Майер? – небрежно уточнил он.

– М-мм, да. – Алекс окинул гостя озадаченным взглядом. – С кем имею честь?

– Генрих Обервеер, Имперская служба финансового контроля, – и столь внезапно возникший на пороге его квартиры представитель государственных органов небрежно махнул перед носом парня рукой с каким-то удостоверением, после чего окинул Алекса оценивающим взглядом, а затем перевел его на массивную дверь из выбеленного английского дуба, в проеме которой и стоял Алекс. Бога-атую дверь. Ну дык такие здесь были во всех квартирах. Как-никак один из самых дорогих и престижных домов Люцерна...

– Герр Майер, мне надо задать вам несколько вопросов. Вы разрешите войти?

– Мм-м-м... да, конечно... – У Алекса засосало под ложечкой. Черт, где он мог проколоться?

– Чай, кофе? – предложил он, когда гость вошел в гостиную и, весьма бесцеремонно оглядевшись, этак по-хозяйски устроился на стильном угловом диване.

– Кофе, если можно, – вежливо улыбнулся герр Обервеер.

Алекс сместился к кофемашине, лихорадочно обдумывая, чем мог быть вызван визит этого типа. Все налоги он вроде как заплатил. Бизнеса никакого даже не начинал. Деньги на счете у него появились вполне легально. Чтобы легализовать его часть денег, они с Бригиттой заключили официальный, зарегистрированный в налоговых органах договор на оказание неких «эксклюзивных услуг». Законодательством Райха подобная формулировка разрешалась... После чего она вполне официально перечислила ему условленный «гонорар». Да, предъявить оказанную

«услугу», оцененную аж в миллион с лишним рейхсмарок, ему будет затруднительно, но Бригитта говорила, что обычно контролирующие органы в это не лезут. Если два частных лица решили, что один оказал другому «услугу», стоившую какую угодно сумму, и второй заплатил с полученных денег все положенные налоги – это сугубо их дело. Ну если речь не идет о финансировании терроризма или продаже наркотиков... Или он что-то сделал не так во время поездки? Ладно, что толку гадать, если ему сейчас обо всем расскажут.

– Скажите, герр Майер, откуда на вашем счете полтора месяца назад появилась столь значительная сумма денег? – небрежно поинтересовался представитель Имперской службы финансового контроля после того, как ополовинил кофе.

– Мм-м-м... а почему у вас возник этот вопрос? Насколько я помню – все документы были оформлены в соответствии с законами Райха и все налоги с этой суммы также были уплачены, – нейтральным тоном спросил Алекс, продолжая лихорадочно размышлять над тем, где же и в чем он мог проколотся. Чем привлек внимание? Бригитта утверждала, что сведения о движении денег со счета на счет контрольными органами специально не отслеживаются. Только если какая-то операция будет признана внутренним контролем банка имеющей признаки финансовых нарушений. Но какая? Оплата налога? Ха! Бред! Перевод десяти тысяч рейхсмарок матери той погибшей девочки, который он осуществил сразу после возвращения из поездки? Ну-у-у... может. Но этот поступок вполне объясним в рамках не оспариваемой никем национальной предрасположенности, именуемой «немецкая сентиментальность». Взнос двадцати тысяч марок в «Общество движения к равноправию туземного персонала»? Тоже можно списать на ту же сентиментальность. К тому же он не один такой жертвователь. Насколько парень знал, крупные суммы этому обществу жертвовали довольно много граждан как первого, так и второго классов. В том числе и из центральных гау [\[58\]](#). Так что с этой стороны тоже мимо... Что же он хочет ему предъявить?

– Ну, во-первых, потому что, согласно Имперскому уложению, граждане третьего класса не имеют права владеть недвижимостью и счетами на сумму более миллиона рейхсмарок. Вы же, насколько я помню, имеете именно третий класс.

Серьезно? Существует такое ограничение? Алекс удивленно воззрился на собеседника. Черт, как хреново вот так, с налету, вживаться в совершенно чужую жизнь. Все время вылезают какие-нибудь косяки и нестыковки... А сколько тогда можно-то? Но задать этот вопрос он не

успел. Потому что герр Обервеер продолжил:

– А во-вторых, потому что Службу финансового контроля заинтересовало – какие такие услуги вы оказали фрау Хубер, за которые она выплатила вам половину... э-э-э... столь внезапно свалившегося на нее наследства.

– Насколько мне кажется, согласно конституции, этот вопрос касается только меня и фрау Хубер, – решил Алекс слегка взвинтить разговор, который явно становился все более неприятным. – Или конституция вам не указ? В таком случае я бы хотел, чтобы наше дальнейшее общение происходило не у меня дома, а в официальном учреждении и в присутствии моего адвоката.

– А это как вам будет угодно, – безмятежно улыбнулся герр Обервеер. – Если вы на этом настаиваете, то я не вижу никаких проблем пойти вам навстречу. Но-о... мне все-таки хотелось бы узнать, чему же такому вы научились за три года... м-м-м... скажем так, вашего отсутствия, что было так высоко оценено вашей подругой? Ведь ни дома, в Риге, ни уже здесь, после переезда, вы ничем таким особенным не выделялись. Обычная серая посредственность... Впрочем, – он ехидно прищурился и продолжил, этак растягивая слова, – росточком за эти три года вы явно подросли. И волосы у вас заметно посветлели. Честно скажу – вам так больше идет, можете мне поверить. Что еще? Глаза отчего-то тоже стали другого цвета... Ну если судить по тем фотографиям, которые нам переслали из Риги. – Агент слегка качнулся вперед и упер тяжелый взгляд в похолодевшего Алекса. – Возможно и *там*, – он сделал очень двусмысленный жест подбородком, – тоже все заметно увеличилось. Говорят, женщины это любят. Если, конечно, вы хорошо умеете этим пользоваться... – Тут он даже не улыбнулся, а вызывающе осклабился. – Причем, похоже, ваша болезнь вам не особенно-то и мешает. Ведь у вас же ретроградная амнезия, насколько я помню? Но оказывать столь *дорогостоящие* услуги фрау Хубер она, как я понял, никак не мешает. Так где такие умельцы, что так вам помогли? Не поделитесь? Чисто по-дружески...

Алекс молчал. Мыслей не было. Совсем. Черт, ну почему он всегда обязательно вляпывается?! Ну что ему стоило озаботиться более надежными документами? Деньги-то были. На его счету оказалось почти три миллиона (м-да, похоже, того куша, на который он рассчитывал, сорвать не удалось...), и они с Бригиттой поделили их пополам. На квартиру он потратил почти половину, еще тысяч сто ушло на мебель, одежду и путешествие. Но и того, что оставалось, было вполне достаточно.

После возвращения из поездки он собирался купить мотоцикл и начать какой-нибудь собственный бизнес. А что, он молод, богат, живет в «нормальной европейской стране». Все же так, как и мечталось! Так что настало время жить и радоваться. Кто же знал, что он в этой поездке увидит...

– Ну так как, герр Майер, вы категорически настаиваете, чтобы мы перенесли наш разговор в более официальное место или все-таки не против продолжить его в такой, так сказать, неформальной обстановке? – и агент таким небрежным жестом качнул чашкой.

– Что вам от меня нужно? – хрипло выдавил Алекс, стараясь не встречаться взглядом с представителем Имперской службы финан... да какой, на хер, финансовый контроль! В лучшем случае ведомство по охране конституции, а скорее всего, и вообще гестапо [59]...

– О-о, не так много, – усмехнулся герр Обервеер. – Даже, можно сказать, пустяк. – Он сделал паузу, с демонстративным удовольствием отхлебнул кофе, после чего поставил чашку и, окинув молодого человека взглядом, эдак проникновенно спросил:

— Скажите, герр Майер, как вы относитесь к троцкизму?

Алекс прикрыл глаза и тоскливо вздохнул. Ну вот и все... Это ж надо было быть таким дураком, чтобы надеяться, что толпа молодых идиотов, играющая в конспирацию, при этом всю красуясь перед близкими и не очень приятелями своей принадлежностью к «р-р-революционному подполью», имеет шанс не попасть в фокус внимания специальных служб. Ведь вдосталь налюбовался на них, пока торчал на квартире у Фрица. Да что там говорить – некоторые экзальтированные дамочки даже во время занятия сексом не прекращали выносить ему мозги революционной пропагандой. А одна из тех, с кем он как-то умудрился переспать еще до того, как сошелся с Бригиттой, так вообще во время оргазма трубно орала: «О-о-оо-о-оо-й, Лев Давыдовии-и-и-и-и-и-иич!»... Да если бы эти детки, играющие в подпольщиков, вышли на улицу с флагами, барабанами и транспарантами, на которых аршинными буквами были начертаны их идиотские лозунги, и то они, пожалуй, привлекли бы меньше внимания, чем вот так вот, вроде как пытаюсь соблюдать тайну...

– Отрицательно... – угрюмо произнес Алекс. – Стараюсь не иметь с подобными идеями ничего общего.

– И зря! – неодобрительно произнес герр Обервеер. Алекс вздрогнул и ошарашенно воззрился на него.

– Ч-ч-то-о? – хрипло начал он. – Кхм... прошу прощения, но мне показалось, что вы сказа...

– Главная ваша проблема, герр Майер, состоит в том, что вы скучны и банальны, – наставительно произнес агент Имперс... да чего уж – гестапо, других вариантов уже не просматривалось. Ну на кой хрен службе финансового контроля интересоваться такими вещами, как троцкизм?

– Ваш мир устроен очень блекло и незамысловато. В нем нет полета, фантазии, жизни! Вы заковали свой разум в рамки правил и установлений. Так что даже если вы и совершаете нечто противозаконное, то все равно стараетесь сделать это так, чтобы минимально выйти за рамки... Но именно поэтому вы мне и нужны. – Он замолчал. Алекс на некоторое время выпал из реальности, переваривая все только что сказанное и пытаясь хоть как-то совместить в мозгу политическую полицию и-и-и... полет фантазии, а затем сфокусировал взгляд на сидящем напротив него человеке и честно признался:

– Вот сейчас не понял...

Герр Обервеер (или как там его звали на самом деле) тяжело вздохнул, сложил ладони домиком и начал тоном, в котором явственно чувствовались печаль и бесконечное терпение:

– Молодой человек, вы слышали такое выражение: «Кто в молодости не был революционером – у того нет сердца, а кто в зрелости не стал консерватором – мозгов»?

– Э-э-э... нет.

– Его приписывают Черчиллю... я надеюсь, вы знаете, кто это такой?

Алекс нервно кивнул. Про Черчилля он читал. Давно. В школе.

– Но на самом деле точно неизвестно, кто его изначально произнес. Кандидатов – добрая дюжина... однако нам до них сейчас нет никакого дела. В отличие от смыслового содержания этого выражения. Вы понимаете меня?

– Н-нет... то есть не совсем.

Агент... м-м-м... чего-то там сокрушенно вздохнул, всем своим видом демонстрируя, как тяжело ему общаться с подобными тупицами, после чего терпеливо заговорил:

– Я имею в виду, что наше ведомство совершенно не против, если только начинающие жизнь отпрыски хороших семей немного поиграют во вроде как запретные игры. Пусть даже их содержание будет несколько расходиться с официальной идеологией нашего государства. Это возбуждает, приучает к осторожности, дает возможность почувствовать себя бунтарем и нонконформистом, что так ценится в молодости. Короче, подобный подход был неоднократно проверен в прошлом и признан вполне допустимым. Так понятнее?

– Т-т-так да... – слегка растеряно произнес Алекс. Уж больно... э-э-э... как-то не по-фашистски это звучало. Ну относительно того, что он знал о фашистах...

– Ну вот и хорошо. – Герр Обервеер улыбнулся. – Но вы же понимаете, что никому не нужно, чтобы мальчики и девочки из таких семей, слишком увлекшись, совершили что-то, что потом ляжет несмываемым пятном на их репутации. Или, того более, приведет их на скамью подсудимых. Это же совершенно очевидно даже для вас, не так ли?

– Да, конечно. – Алекс сглотнул и облизал мгновенно пересохшие губы. Неужели у него появился шанс...

– Ну так вот, для того чтобы этого не произошло, мне и нужна ваша помощь, – и герр Обервеер расплылся в крайне обаятельной улыбке, но почти тут же посерьезнел и продолжил: – Мне бы хотелось, чтобы вы снова в полной мере восстановили контакты не только с вашей сожительницей, но и со всем ее окружением. Это понятно?

Алекс нервно кивнул, после чего несколько мгновений сидел, напряженно сверля собеседника взглядом и боясь поверить в то, что его вот прямо сейчас не арестуют, а затем хрипло спросил:

– Йа-а-а... Мне-е... мне нужно будет что-то подписать?

Агент отрицательно покачал головой и снова улыбнулся, на этот раз просто чарующе.

– Ну зачем эти формальности? Мы же с вами порядочные люди. Вы поняли, что нам необходимо, как я понимаю, как честный человек и гражданин в недалеком будущем аж второго класса. Ведь вы же не собираетесь продолжать нарушать закон? – Он воткнул в Алекса требовательный взгляд. Молодой человек судорожно мотнул головой. После чего Обервеер продолжил все с той же улыбкой: – Ну вот, я уверен, что вы как честный человек и гражданин, вновь войдя в круг этой молодой и несколько... м-м-м... экзальтированной молодежи, приложите все усилия для того, чтобы вполне себе объяснимое стремление юных неопытных умов к тайному и запретному не переросло во что-то действительно незаконное и уж тем более опасное. Ведь так?

– Алекс снова кивнул, а затем уточнил:

– Я-а-а... должен буду регулярно вам докладывать?

– Ну зачем же так? – Агент неодобрительно покачал головой. – Вы же не какой-то там платный агент. – Его улыбка превратилась в усмешку. – Кому докладывать, у нас найдется и без вас. Иначе откуда бы я о вас узнал, а? От вас же я жду именно искреннего желания помочь и оградить. Понимаете?

Алекс снова нервно кивнул, все еще боясь поверить в то, что, похоже, сегодня пронесло.

– Но если вы почувствуете, что ваших возможностей и авторитета не хватит для того, чтобы оградить вверенную вашему попечению горячую молодежь от неминуемой ошибки, то-о... и только лишь в этом случае вы можете позвонить мне и обратиться за помощью. Понятно?

Алекс шумно вздохнул и опять кивнул. Агент взял чашку с уже остывшим кофе, сделал последний глоток, после чего закончил предельно сухим и деловым тоном:

– Ваш оперативный псевдоним будет... м-м-м... вы ведь только что вернулись из путешествия на восток? Тогда-а-а... Sklave !^[60] – Его усмешка на мгновение стала презрительной, но тут же исчезла, после чего он продолжил уже холодным деловым тоном: – Мои контакты на этой визитке. Запомните, а затем сожгите. Если появится необходимость связаться со мной – лучше сделать это с какого-нибудь общественного телефона, а не со своего мобильного. Связь по нему в крайнем, запомните, в самом крайнем случае. И еще одно. Поскольку для лучшего выполнения задачи вам нужно будет завоевать больше авторитета, я чуть позже позабочусь о том, чтобы вы с несколькими вашими сотоварищами провели пару-другую громких акций. Не волнуйтесь, вам ничего грозить не будет. Я все подготовлю...

Закрыв дверь за... гостем, Алекс развернулся и, навалившись спиной на дверь, сполз на пол. Черт... Черт! Черт! Че-е-ее-рт! Как он его... Как щенка! В детстве и юности, читая всякие приключенческие книги или смотря фильмы, Алекс (как и, наверное, любой из нас) представлял себе, как бы он повел себя в разных... м-м-м... неоднозначных ситуациях. И перед его мысленным взором вставали картины, в которых он был смелым, сильным, гордым, неподкупным, отвергающим любые грязные намеки и предложения. Ничто не могло его сломить и заставить совершить что-то недостойное, низкое, подлое... А сейчас... Он, считай, сразу, с налета, почти не потрепыхавшись, согласился стать доносчиком и провокатором. Да еще и испытывает при этом большое облегчение от того, что легко отделался! Как же противно-то...

Парень застонал и, откинув голову, около минуты сидел, прикрыв глаза. А затем встал и, дойдя до ванной, открыл кран и жадно присосался к воде. Закончив, он тщательно прополоскал рот, сплюнул, а затем поднял голову и уставился на свое отражение в зеркале.

– Значит, вот как выглядит предатель и провокатор... – хмуро произнес он. В то, что от него потребуется *только лишь* предупреждать и удерживать, он нисколько не поверил. Нет, в это очень *хотелось* верить. И,

будь Алекс все тем же наивным мальчиком двадцати уже четырех лет, которым он был ДО своего провала в прошлое, – вполне возможно, он бы в это и поверил... Но человек, который вот так, походя, в погоне за деньгами и не особенно задумываясь о всяких «эфемерных бреднях», убил свою родину, в это поверить был не способен... Мир – зло! И переполнен подлостью!

Ладно, надо заканчивать истерить. И попытаться разобраться в том, во что он вляпался. Итак, попробуем мыслить логически... не забывая при этом только что сделанный вывод. То есть мир – зло и переполнен подлостью. Потому что он, этот вывод, правильный, сука! Ладно, все. Не истерим, я сказал! Значит, так – отсутствие обязанности делать регулярные доклады и вообще требование максимально ограничить контакты наталкивает на мысль, что этот герр Обервеер хочет минимизировать возможности связать его особу с Алексом. Как сейчас, так и в будущем. А как еще иначе расценивать то, что гестаповец сам пришел к нему домой, а также его требования вроде тех, что звонить разрешается только в крайнем случае и только с общественных телефонов? Нет, будь здесь цифровые технологии развиты так же, как и в прошлой реальности, все это вряд ли бы особенно помогло. С теми-то миллионами камер на каждом столбе и над каждым подъездом и возможностями удаленного отслеживания даже выключенного телефона по sim-карте и IMEI-коду... Но при текущем уровне развития технологии в области «цифры» такие меры предосторожности вполне могли быть эффективными. А значит, что? Значит, однозначно нас ждет подстава! Причем такая, в результате которой выживание его, Алекса, совершенно не предусматривается. Иначе все эти предосторожности с минимизацией контактов просто бессмысленны... В эту же копилку и последнее заявление этого Обервеера о том, что он позаботится о повышении авторитета Алекса среди соратников путем его участия в какой-то там акции. Ну точно подставит! Нет, не самого Алекса... то есть его-то само собой, но скорее за компанию. Совершенно ясно, что основной целью подставы будет кто-то из этих «юных отпрысков хороших семей». И сделано это будет в интересах какой-нибудь другой семьи... В верхах же еще со времен Древнего Рима такие интриги и борьба за власть и влияние, что мама не горюй! Функция же Алекса в рамках этой комбинации – послужить неким тонким и эффективным инструментом, гарантирующим нужный результат. Ой, как все хреново повернулось-то...

Глава 10

– Стой! Стой, сволочь!..

Алекс, загнанно дыша, втянул голову в плечи и прынул в сторону, перескакивая через довольно широкую расщелину, едва не выронив при этом тяжелый кожаный саквояж, который волок в левой руке.

– Дышх! Взиу... – Пуля чиркнула по скале метров на шесть выше. Это плохо. Если до сего момента его преследователи стреляли в воздух, стараясь скорее напугать «дичь», то теперь стали бить прицельно. Эдак могут начать стрелять по ногам... В тело или голову – вряд ли. Обервеер, возглавлявший погоню, судя по всему, очень хочет взять его живьем... И это было хорошо. Потому что давало шанс добраться до портала. А уж там – как бог даст... Откроется – можно будет попытаться уйти, нет – ну-у-у... потянем время сколько можно, а там и сдохнем. Допускать свой арест Алекс не хотел ни при каких обстоятельствах. Если в распоряжении Райха окажется еще и портал в прошлое... не стоит об этом думать...

* * *

К удивлению Алекса, поначалу ожидавшего неприятностей практически каждый день, следующие несколько недель все шло вполне себе спокойно.

То есть нет, не так – неприятности на него, конечно, все равно обрушились, но не совсем те, которые он ожидал. Так, например, он сразу же опять превратился в нищего... Потому что единственным доступным ему способом поднять класс гражданства на одну ступень оказалось купить этот новый класс за деньги. Нет, были и другие варианты. Но все они предусматривали приложение хрен знает скольких усилий и длительное время на реализацию. Например, можно было поступить на службу в вермахт и дорасти до звания полковника. Или стать чемпионом Олимпийских игр. Или получить докторскую степень. При этом денег он все равно лишался. Правда, не вообще, а лишь до того момента, пока не получит тот самый второй класс... Так что реальный вариант был только один – купить. Вот только переход из третьего во второй класс гражданства стоил миллион рейхсмарок. Более низкую ступеньку, то есть переход в третий класс из кандидатов в граждане, также можно было преодолеть за

деньги, причем всего за пятьсот тысяч. А вот выше, то есть из второго в первый класс, подняться с помощью денег уже было нельзя. Только родиться или заслужить. Но последнее было практически невозможно... Так что для того, чтобы выполнить «долг гражданина Райха», Алексу пришлось не только обнулить свой счет, но еще и взять в кредит крупную сумму. Под залог квартиры. Причем, поскольку это оказался его единственный значимый актив, а иных доходов на момент обращения в банк у него не оказалось, кредит ему одобрили только в объеме трети от ее реальной стоимости... То есть Обервеер мастерски посадил его еще и на финансовый крючок. Вот ведь сука расчетливая... Будь Алекс обычным обывателем, которым Обервеер его, похоже, и считал, деваться ему было бы совершенно некуда. Сколь-нибудь внятно зарабатывать гестаповец ему вряд ли даст. Даже если Алекс и найдет хорошую работу, можно было не сомневаться, что Обервеер сумеет сделать так, что парень ее быстро лишится. Например, начав дергать его какими-нибудь своими «важными и неотложными» поручениями. А кредит выплачивать надо. Квартиру не продашь. Она в залоге у банка. Остатков же денег от кредита, сохранившихся на счету после покупки гражданства, даже на выплату самого кредита хватит всего лишь года на полтора. А ведь ему еще на что-то и жить нужно! И к переходу надо бы подготовиться поосновательней... Со всех сторон обложил, сука! Но Алекс был уже не тем где-то наивным, где-то самоуверенным, где-то безрассудным, а где-то трусоватым молодым человеком, каким являлся еще год с небольшим назад. Нет, полностью он, конечно, ни от одного из вышеперечисленных недостатков пока не избавился, но *таким*, как год назад, уже точно не был... Так что, слегка погоревав, он стиснул зубы и принялся за дело. Этот урод думает, что мне некуда деваться, – вот он удивится, когда это окажется не так!

Основной задачей, которую молодой человек поставил перед собой, было максимально хорошо подготовиться к переходу. Ибо после того, как герр Обервеер так ловко взял его, фигурально выражаясь, за жабры и посадил на кукан, никаких надежд на то, что ему удастся хоть как-то прилично устроиться в этом варианте реальности, у Алекса не осталось. Потому что, что бы ему там ни пел гестаповец, парень понимал, что он всего лишь одноразовый инструмент, который будет спокойно выкинут сразу же после того, как исполнит то, что с его помощью собираются сделать. Так что единственным шансом Алекса не просто на хорошую (в его представлениях) жизнь, а и вообще на выживание является изменение этой реальности. То есть те веления души, которые овладели им после возвращения из Росси... ну то есть восточных провинций Райха, теперь

оказались еще и обоснованы жесткой необходимостью. Так что спать он теперь стал хоть и сильно меньше, но зато гораздо спокойнее... Слава богу, что у Обервеера даже мысли не возникло, что он не этнический немец. В первую очередь, кстати, потому, что у Алекса имелось высшее образование. Ибо «унтерменши» получить высшее образование не могли ни при каких обстоятельствах. Доступ к нему открывался только с уровня полного гражданина, то есть как минимум с третьего класса гражданства. Все, кто ниже, были ограничены максимум средним специальным. А большинство вообще имели только начальное, которое включало в себя умения читать, писать, считать и «историю Великого Райха». Для того чтобы мести улицы, мыть туалеты и полоть капусту, большего и не нужно. Так что гестаповцу даже в голову не пришло сомневаться в арийском происхождении Алекса. Вследствие чего кое-какая степень свободы у него осталась...

Следующим, хотя и вынужденным шагом Алекса после покупки второго класса гражданства стало возобновление участия Алекса в работе троцкистского кружка. Бригитта, воспринявшая этот факт как результат собственных усилий, пришла в восторг. И принялась деятельно продвигать его в местной иерархии, водя на все дискуссии и междусобойчики и регулярно вытаскивая, так сказать, «на трибуну». Вследствие чего он довольно быстро выдвинулся в первую линейку «спикеров». То есть его ругали, с ним спорили, на него злились, но при этом начали прислушиваться... Каковой факт, кстати, был с удовлетворением отмечен Обервеером.

– Приятно видеть, герр Майер, что вы столь ответственно относитесь к нашим договоренностям, – довольно заявил гестаповец на очередной встрече. – Продолжайте в том же духе. Чем больший авторитет вы завоеуете у ваших товарищей, тем легче вам будет исполнять ту роль, которую вы согласились на себя взять, – после чего добавил: – Но от участия в каких бы то ни было акциях пока вежливо отказывайтесь. Как я вам уже говорил, я сам подготовлю для вас те акции, участие в которых пойдет вам на пользу, а не во вред...

* * *

– Дашх... Ты-дышх...

Пуля ударила настолько близко, что Алекса посекло мелкими каменными осколками. Вот ведь черт, почти попали... Это они что, они таки начали бить на поражение? Ур-роды... Совсем мозгов нет! Там же со

стороны Унтершехена или Шпирингена дорога идет. А лесной массив – тьфу! Метров шестьсот всего шириной... Выслать туда людей на машине – и куда ему деваться будет? Или все люди Обервеера здесь? Ну так в полицию позвонить! Или эта сволочь сейчас действует исключительно по собственной инициативе и потому не может рисковать привлекать посторонние силы? Вполне в его духе, кстати. Кому, как не Алексу, знать, что этот гад любит всякие многоходовочки на грани фола...

* * *

С гестаповцем они, вообще-то, виделись регулярно. Несмотря на вроде как демонстративный отказ Обервеера от получения регулярных докладов, он время от времени заходил «в гости». Ну, типа поболтать... Причем всегда внезапно и без всяких предупреждений. И чаще всего поздно вечером. Похоже, берегся, чтобы никто не засек, и не хотел, чтобы Алекс успел как-то подготовиться к встрече... Ох, если бы не опыт общения с тетушкой Мартой, когда ему пришлось на протяжении нескольких месяцев изображать совершенно другого человека, да еще и не из своего времени, то есть с иным опытом жизни, воспитанием и даже словарным запасом, то есть все время оставаясь настороже, чтобы успеть ответить на неожиданный вопрос или понять, как нужно правильно отреагировать на какое-нибудь предложение, он бы точно где-нибудь спалился. Потому что сразу после того, как Обервеер подсадил его на крючок, Алекс начал готовиться не только к переходу, но и к побегу из Люцерна. Ибо было совершенно понятно, что дожидаться момента открытия портала на месте ему не удастся. Но делать это приходилось крайне осторожно. Алекс был совершенно уверен, что Обервеер не просто следит за ним, но и регулярно навещает в квартиру во время его отсутствия. Так что парень не только тщательно планировал собственные передвижения, заходы в магазины, покупки, встречи и звонки, но и тщательно чистил логи компа... Нервы все это выматывало страшно. Еще и потому, что Алекс не исключал, что все его усилия бессмысленны и гестаповец давно уже его расколол и тихонько посмеивается над его глупыми планами соскочить с крючка. Просто в данный момент Обервеер не считает, что все эти телодвижения мешают его планам. И потому решил заняться Алексом вплотную мале́ха попозже. После того как будет полностью подготовлено то, что было им запланировано. Ибо если он планирует свою операцию таким образом, что парень ее не переживет, то какой смысл беспокоиться насчет судорожных

движений гарантированного труп?

Так это было или нет, Алекс пока утверждать не мог. Он уже понял, что гестаповец был очень умной и хитрой сволочью, получавшей удовольствие не только от результата, но и от самого процесса манипулирования людьми. Он не любил давить напрямую, приказывать, заставлять. То есть не *не умел*, а именно не любил. Ему нравилось все проделывать куда более тонко. Так, чтобы люди были искренне уверены, что поступают только и исключительно по своей воле и в соответствии со своими собственными ценностями и намерениями. Типа: «Я свободный человек и поступаю так по своей воле и так, как хочу...» Вот только в конце своих усилий подобные «свободные люди», как правило, получали совершенно другой и чаще всего прямо противоположный результат, нежели тот, на который они рассчитывали. Именно такое развитие событий доставляло ему истинное удовольствие. Тоже мне, блин, Нуланд в брюках...

* * *

– Дышх... Ты-дышх! – что-то дернуло за рукав. Алекс скосил глаза и испуганно всхрипнул. Левый рукав его щегольского драпового пальто, скроенного в стиле как раз начала двадцатых и потому стоившего ему уйму денег, сейчас зиял вырванным клоком...

А как вы думали? На этот раз он подготовился к переходу. Хорошо ли, плохо – там видно будет, но подготовился... Ничего особенно объемного тащить в прошлое он не собирался – только информацию. Но какую? Не схему же автомата Калашникова туда везти? Тем более что здесь ее и не было. По причине отсутствия самого автомата... Нет, кое-что было вполне очевидно. Судя по тому, что он читал в Сети, СССР на начальном этапе отчаянно не хватало практически всего. Например, несмотря на то что СССР был одной из крупнейших нефтедобывающих стран, с топливом у него весь предвоенный и военный период было весьма напряженно. А расширить ресурсную базу по этому параметру до войны так и не получилось. По разным причинам. Скажем, бурение в Поволжье, где вполне обоснованно надеялись найти месторождение нефти, закончилось ничем. Хотя нефть там была. Вот только отыскиали ее уже после войны немецкие геологи [\[61\]](#). Каковой факт, кстати, так же широко использовался для подтверждения никчемности и глупости руководства СССР. Мол, не сумели отыскать то, что лежало прямо под ногами... Поэтому в первую

очередь он занялся поиском месторождений ресурсов. Но кто мог сказать, что этих сведений будет достаточно? Или что они вообще не сыграют в минус? Как? Да очень просто! Представьте себе, что часть тех средств, которые в его реальности были потрачены на строительство какого-нибудь завода, после получения от него информации будут перекинuty на освоение неких новых месторождений. И потому в сорок первом РККА не досчитается сотни Т-34, либо сотни «МиГ-3», или, хотя бы, сотни «Ф-22»? Нет, в целом страна будет сильнее, чем в его первой реальности, но вот вследствие того, что данный конкретный завод будет построен на год или два позже – по этому конкретному параметру будет нехватка. А, как он понял после всего произошедшего, в сорок первом действительно все висело на волоске. И благодаря его самым благим намерениям этот волосок может оказаться чуть тоньше... Да-да, обжегшись на молоке, он решил дуть на воду. И постараться так сконфигурировать информацию, чтобы не допустить даже тени подобного развития событий. Но при этом Алекс испытывал сильные сомнения в том, что он сам, лично, способен с этим справиться. Такое можно доверить только профессионалам. А как, блин, выйти на профессионалов, если ты под колпаком? Да и с деньгами было довольно туго. Ну и, кроме того, были еще и шкурно-личные задачи. Например, следовало позаботиться о том, чтобы при следующем возвращении его деньги оказались бы ему доступны без того, чтобы пришлось с кем-нибудь делиться. Мало того что жалко, так еще если при очередном возвращении у него не окажется под рукой никого вроде Бригитты – так ведь можно и вообще мимо денег пролететь!

Дни шли за днями. Деньги таяли с катастрофической быстротой. Алекса же била нервная дрожь по поводу того, что гестаповец заинтересуется его трафиком в DeNetz. Да, логи он чистил, но кто может помешать Обервееру снимать информацию прямо у провайдера (здесь он именовался *lieferant*). Нет, кое-какие меры, призванные в случае чего обосновать его интерес к Советской России, он предпринял... После того как «сестрица» публично объявила в кружке, что «блудный сын» вернулся в «семью» и готов не покладая рук работать для «счастья и свободы трудящихся вне зависимости от их национальности», Алекс заявил, что желает разобраться в «экономических основах социализма».

Дело в том, что интерес большинства членов кружка в основном крутился вокруг личности самого «гения» и его собственных творений. Даже сочинения классиков и других соратников «вождя и кумира» изучались уже в гораздо меньших объемах. Оппоненты же, типа «убийцы-Сталина» или «предателей» вроде совершенно неизвестных Алексу

личностей с фамилиями Зиновьев, Каменев или Бухарин, вообще густо мазались черной краской. И вообще, согласно господствующим в кружке представлениям, именно отстранение и изгнание из СССР, а затем и убийство Троцкого совершенно однозначно привели как к поражению СССР, так и всего «дела социализма в мире»... Что же касается вопросов, не связанных с «гением», то они вообще проходили по остаточному принципу. Алекс же сразу объявил, что его интересуют несколько другие вещи – экономика, политика, система принятия решений и так далее. Что дало ему основания для того, чтобы вполне обоснованно копаться в довоенной истории СССР...

К его удивлению, эта его интервенция оказалась весьма полезной не только в виде, так сказать, прикрытия его собственной деятельности. Изначально Алекс рассматривал свое участие в троцкистском кружке исключительно как возможность усыпить бдительность Обервеера, ну и как прикрытие своего интереса к той эпохе. Однако, после того как он, опять-таки почти исключительно для прикрытия, сделал в кружке доклад под названием «Восстановление экономики СССР после победы в Гражданской войне и отражения агрессии четырнадцати держав», на него обрушился шквал интереса... Нет, просто так доклад не прошел. Вопросов было накинута масса. Как от ехидных – а где это Алекс насчитал четырнадцать *держав*? Их и до войны-то было штук восемь – Германия, Великобритания, Франция, США, Российская империя, Австро-Венгрия, Италия и, пожалуй, Япония, остальные так – в лучшем случае лимитрофы и попутчики, а уж после войны это число можно было смело урезать как минимум на треть... На этот вопрос, кстати, парень и сам не смог ответить. Еще и сам удивлялся: откуда взялась эта цифра? Отчего-то запала в памяти еще со времен до «попадания» – вот и вылезла. А где, откуда – бог его знает... Так и вполне удивленных и заинтересованных. И вообще, отношение к докладу оказалось не то что благожелательным, а прямо-таки восторженным. Похоже, народ почувствовал свежую струю. И она ему понравилась...

Его доклад обсуждали бурно. И долго. Почти две недели. И косяков руководства СССР накопили много. Среди тех, кто входил в кружок, основную массу составляли студенты, причем многие обучались на финансово-экономических факультетах. Так что у ребят был доступ и к методикам расчетов, и к архивам.

Правда, положение усугублялось тем, что информация по самому СССР была очень скудной. Политика Райха по отношению к поверженной стране уже десятки лет была одной и той же – было, так сказать,

высочайше установлено, что эта страна являлась убогим, неповоротливым и нежизнеспособным недоразумением, которому Тысячелетний Райх оказал услугу, прекратив его недолгое и мучительное существование. И потому изучать с научной точки зрения там особо и нечего. Так что подавляющее большинство доступных материалов были скорее пропагандистскими агитками, чем реальными исследованиями. Вследствие чего совершенно не обязательно, что то, что в этих материалах обозначалось (или даже откровенно выпячивалось) как несомненный косяк и стопроцентная ошибка, действительно было таковыми. А не являлось, например, вынужденным решением, которое пришлось принять вследствие имеющейся внутренней или международной ситуации. То есть «лучшим из худшего». Типа, скажем, по всем экономическим резонам стране требовалось срочно закупить еще тысячу паровозов. Однако вместо них построили пятьсот танков. Но из-за этого «ошибочного» решения не началась новая Польская война...

* * *

– Ты-дышх! – Алекс перевалился через гребень и, тяжело дыша, замер. Теперь, пока его преследователи не доберутся до гребня, стрелять по нему не смогут. Так что минут семь-десять у него есть... Черт! Он, похоже, сильно отклонился в сторону. Но в какую? Куда бежать – вправо или влево? Черт, темно и лес этот... хрен чего разглядишь! Он обычно подходил к развалинам со стороны дороги, так что местность, прилегающую к гребню, практически не знал. Парень зло сплюнул и тяжело побежал вперед. К дороге. Это означало, что, добравшись до нее и сориентировавшись, ему придется повернуть и бежать уже по дороге параллельно гребню, давая возможность преследователям срезать путь и перехватить его. Но это все равно было лучше, чем нестись наобум, рискуя, что, вместо того чтобы приближаться к развалинам с порталом, он будет отдаляться от них.

К счастью, бежать до самой дороги не пришлось. Уже шагов через двести Алекс выскочил на довольно большую поляну, с середины которой ему удалось разглядеть вершину той самой скалы, у подножия которой и располагались развалины. Он было дернулся в ту сторону, но затем резко затормозил от пришедшей в голову мысли.

– Ха! Поиграем, герр Обервеер, – едва слышно выдохнул парень, после чего развернулся и рванул в противоположную сторону, оставляя на снегу отчетливые следы. Добежав до края поляны, он прыгнул вперед,

приземлившись на прогалину, после чего повернул и бросился вдоль кустов, заросли которых огибали поляну вокруг, стараясь бежать именно по покрытым прошлогодней листвой и опавшей хвоей прогалинам и перепрыгивая полосы снега... Отставшие преследователи явно будут торопиться его нагнать – так что, вполне вероятно, им будет не до внимательного разглядывания следов. Тем более что цепочка таковых, протянувшаяся по остаткам снега, явственно укажет, в какую именно сторону двинулся беглец... Вследствие чего есть очень немаленький шанс увести их в ложном направлении. Ненадолго. Несмотря на то что снега в лесу было очень мало, кое-где он еще лежал. Так что, даже если его хитрость удастся, они рано или поздно заметят отсутствие следов и поймут, что он двинулся куда-то в другую сторону. Нет, если бы ему не нужно было ждать у развалин открытия портала, он бы вообще, возможно, сумел уйти в прошлое еще до того, как преследователи снова станут на след, но высчитать, когда этот чертов портал точно открывается, Алекс до сих пор так и не смог. Двадцатого марта, вечером, в темноте – и все! Однако при удаче имелся шанс отыграть минут двадцать. И, может быть, именно они и окажутся решающими...

* * *

Подготовка к переходу в этих более-менее комфортных условиях протянулась до самого Рождества. А потом Алексу пришлось, так сказать, рвать когти.

Все началось с того, что на второй день после Рождества его вновь посетил герр Обервеер и, все так же скользко ухмыляясь, попросил... то есть чего уж там – приказал предложить трем членам их кружка из числа тех самых «отпрысков хороших семей» устроить громкую «акцию» в Берлинском университете. Нет, ничего особо серьезного. Все те же листовки и лозунги на стенах. Но дело все же обещало быть именно что громким. Ибо Берлинский университет считался в Райхе таким оплотом «немецкого духа и воли».

До сего момента члены кружка рисковали устраивать подобное только в тех университетах, в которых учились сами. А это были учебные заведения, расположенные либо в бывшей Швейцарии, либо в прилегающих к ней австрийских рейхсгау, население которых отличалось некоторой фрондой. Так что, как правило, дирекция этих учебных заведений предпочитала разбираться с подобными хулиганствами внутри

своих стен, не привлекая ни полицию, ни ведомство по охране конституции, ни уж тем более гестапо. Но даже полному идиоту было совершенно ясно, что подобная «акция» в самом сердце Райха, в его столице, никак не могла закончиться столь же тихо и, так сказать, по-семейному. Так что у Алекса мгновенно засосало под ложечкой... Похоже, вот оно – именно то, для чего Обервеер тогда не стал его арестовывать.

Тот же между тем заливался соловьем.

– ...что же касается возможных опасений насчет согласия предлагаемых участников, то не сомневайтесь, герр Майер, они не только согласятся, а будут в полном восторге от подобного предложения. Вы весьма изобретательно подошли к выполнению моих рекомендаций и сумели завоевать среди ваших kameraden [\[62\]](#) весьма неплохой авторитет. Эти доклады о, подумать только, *экономике* столь уродливого образования, которым был СССР, – настоящая находка. Да и акция в Берлинском университете... оу, это будет нечто! – Гестаповец закатил глаза и расплылся в очередной улыбке. – Вам это тоже пойдет на пользу, потому что после того, как вы разбросаете листовки и вообще «пошалите» в таком чопорном и уважаемом заведении, как Университет Фридриха Вильгельма [\[63\]](#), вы вполне сможете потягаться авторитетом даже со своей неистовой подругой...

– Я понял, – смиренно отозвался Алекс, уже решивший, что настала пора уходить в бега. Хотя это было ох как не вовремя... Нет, кое-что у него уже имелось. Да и, пожалуй, даже больше, чем он изначально рассчитывал. Так, карта основных месторождений, большая часть которых имела точные координаты, уже была в основном составлена. Впрочем, части месторождений на этой карте не имелось. Например, месторождений урана. Он совершенно не собирался давать в руки такому сумасшедшему тирану, каким был Сталин, столь страшное оружие, каким является атомная бомба. Вот еще! Он же весь мир засыплет радиоактивным пеплом... А Алексу этого было категорически не нужно. Ему требовалось всего лишь вернуть историю в прежнюю колею. То есть пусть все идет своим чередом: сначала победа над фашизмом, потом то самое пресловутое «соревнование двух систем», а затем, в свой черед, – распад СССР. Глобально ничего менять не надо... Но вот хватит ли для этого информации о месторождениях и о допущенных ошибках и упущенных возможностях? Возможно, но не факт... И вот как раз перед самым уходом неожиданно для Алекса появились серьезные подвижки в том, чтобы опять же без глобальных изменений и прорывных технологий серьезно добавить СССР

устойчивости.

Дело в том, что его, так сказать, несколько нестандартный для их кружка подход, к удивлению Алекса, многих увлек. Вследствие чего вокруг парня как-то сама собой сформировалась некоторая группа соратников из числа студентов, готовая и дальше работать в, так сказать, указанном им направлении. И вот один из студентов, похоже, слегка взревновавший Алекса к его возросшему авторитету и влиянию, предложил еще один интересный и нестандартный ход. Парень взялся сделать, как он это назвал, «умственное упражнение», заключающееся в том, что он отыщет какую-нибудь технологию, которая очень бы пригодилась СССР, но при этом которую страна еще бы и смогла освоить без особенных затрат, то есть основываясь на имеющихся у нее на начало двадцатых годов ресурсах и кадрах. И блестяще выполнил это... Причем нашел не только саму технологию, но еще и максимально, так сказать, «прокачал» возможность ее освоения. То есть прошерстил имеющиеся в Сети и архивах каталоги станков и оборудования тех лет, учел сроки их изготовления и условия, соотнес их со строительными технологиями, «посадил» предлагаемый к строительству завод на местности, ну и так далее... Очень умный оказался парень. Ну да, дурак бы выбрал для удовлетворения своих амбиций какой-нибудь другой путь. Более безопасный, нежели идти в революционеры-подпольщики. Это умные все время вляпываются...

Доклад студента прошел на ура. А следом был подготовлен еще один. И подготовившая его студентка оказалась не лишена амбиций и умудрилась не только представить, так сказать, «источники и составные части» предложенной ею технологии, но еще и предложить источники финансирования, то есть банки, у которых СССР имел шанс получить кредиты под освоение данной технологии. Кстати, попутно посетовав, что если бы не было разрыва дипломатических отношений между СССР и Швейцарией в тысяча девятьсот двадцать третьем году, то можно было бы найти и варианты поудачнее. У нескольких швейцарских банков как раз в начале и середине двадцатых имелись заметные проблемы с инвестированием, так что шанс на то, что они обеими руками ухватятся за возможность кредитования СССР, был. И неплохой...

Доклад также прошел на ура... вызвав, кстати, у Бригитты вспышку ревности. Так что Алексу после него пришлось довольно долго доказывать, что у него с этой студенткой нет никаких иных взаимоотношений, кроме деловых. А в настоящий момент в группе готовилось ажно семь подобных докладов, составители которых собирались продемонстрировать не меньший талант и способности, чем первые двое... И сейчас придется все

бросать и бежать! Блин... Но делать нечего, в жизни приходится играть теми картами, которые пришли в раздаче. Да и был шанс получить эти доклады попозже, по электронной почте. Хотя бы часть... Алекс дослушал монолог гестаповца, с трудом удержавшись от горестной мины, которая так и рвалась на лицо, после чего согласно кивнул:

– Сделаю, – и уставился на собеседника с таким радостно-горделиво-дебильным выражением на морде.

– Вот и отлично, – радостно резюмировал герр Обервеер. Он вообще, похоже, оценивал умственные способности Алекса не слишком высоко. Да и не умственные, судя по всему, тоже. Впрочем, у него для этого были немалые основания. А как еще можно оценить человека, который не предпринял никаких усилий для того, чтобы хоть как-то вырваться из той ловушки, в которую попал, а просто тихо сидел и прожирал деньги, оставшиеся от кредита, который ему, кстати, с подобным подходом никогда не светило отдать? Дурак, слюнтяй и рохля, однозначно...

– Ну а чтобы вам не особенно напрягаться, я, как и обещал, разработал детальный план акции. И подготовка материального обеспечения, естественно, тоже за мной. Ну там листовки и, м-м-м... кое-какие шалости. Ну для пущего эффекта! – и он возбужденно рассмеялся. – Так что не волнуйтесь, я все приготавливаю. Ваша задача – только привлечь участников.

– А как мне их привлечь? – уточнил парень. Гестаповец едва заметно скривился.

– Друг мой, ну зачем вы задаете такие элементарные вопросы? Отзовите их в сторону, предложите, обрисуйте перспективы... Молодежь очень падка на пафос типа: «Нельзя стоять в стороне!», «Кто, кроме нас?!», «Мы здесь власть!» и так далее. Вы мне казались куда более изобретательным... – Он окинул Алекса сердитым взглядом. Но затем смягчился и добавил: – И потребуйте от них строгого соблюдения тайны. Нет, не волнуйтесь – за этим не стоит ничего опасного. Иначе, можете мне поверить, я бы даже не стал вам этого предлагать, – и он окинул парня максимально честным взглядом, после чего продолжил крайне доверительным тоном: – Поймите, для подобной акции три-четыре человека – самое адекватное число. Но если ваши... э-э-э... соратники проболтаются, число желающих поучаствовать может возрасти до невообразимости. А нам же не надо, чтобы акция превратилась в фарс, не так ли?

– Да-да, конечно, я все понял, – заверил Алекс, окончательно уверившись, что все, ждать больше нельзя. Пора линять. – Можете не сомневаться – все будет сделано в лучшем виде.

– Герр Майер, я очень на вас надеюсь, – проникновенно произнес герр Обервеер. – Поймите, акция – это, по существу, ваша инвестиция в будущее. Да-да, можете мне поверить! – Он сделал короткую паузу и, чуть наклонившись вперед, заговорил максимально доверительным тоном: – Признаюсь, что там... – гестаповец с глубокомысленным видом показал подбородком вверх, – зреет мысль потихоньку прекратить эти игры. Так что эта акция вполне может оказаться последней. И те, кто примет в ней участие, будут в глазах всех остальных овеяны таким романтическим ореолом. Понимаете меня?

– По-моему, да, герр Обервеер, – кивнул парень.

– И ваша выгода заключается в том, что совместное участие в столь громкой и значимой акции, в которой вы, кроме всего прочего, будете исполнять обязанности руководителя, лидера, вождя, эмоционально очень сильно привяжет тех, кто в ней участвовал, к вам лично. Понимаете? Вас будут связывать не просто принадлежность к некому волнующему и запретному сообществу, но еще и громкое и опасное дело, совершенное плечом к плечу!

Алекс медленно кивнул, попытавшись состроить на лице выражение предвкушения и затаенного восторга. Похоже, удалось... Потому что гестаповец удовлетворенно кивнул и закончил:

– А дружба представителей таких семей очень дорого стоит. Вам могут открыться такие возможности... – и он закатил глаза. Алекс едва заметно скривился. Переигрывает дядя. Или просто в предвкушении... Если так – то это к лучшему. Излишнее возбуждение должно снизить его внимательность.

– Я понимаю, – на этот раз парень попытался изобразить крайнее воодушевление.

– Что ж, надеюсь на вас. Я понимаю, что в данный момент все на каникулах, но постарайтесь организовать в ближайшую пару недель. Лучше всего будет приурочить «акцию» ко Дню взятия власти ^[64]. А ведь нам еще нужно провести подготовку и хотя бы одну тренировку. Ну если мы хотим, чтобы все прошло хорошо...

На следующий день в четыре часа утра Алекс тихо вышел из квартиры и, хоронясь, дворами двинулся пешком в сторону фермерского рынка на окраине города. Пока дошел до рынка, едва не поседел. Все время казалось, что за ним наблюдают и что из ближайшей подворотни выскочит герр Обервеер и этак ласково спросит:

– Куда это ты собрался, сучонок?

Но обошлось... Дойдя до рынка, он около получаса проверялся всеми

доступными ему способами, после чего, не обнаружив слежки (что отнюдь не доказывало, что ее действительно нет), бросил письмо с информацией о герре Обервеере и исповедью о собственном предательстве в почтовый ящик на автобусной остановке рядом с рынком. Адрес на конверте соответствовал «берлоге» Фрица, но внутри лежал еще один запечатанный конверт с надписью «Бригитте». Отправлять подобное письмо ей напрямую Алекс не решился... Он сильно сомневался, что столь отмороженная личность, как его «сестрица», сумеет правильно распорядиться полученной информацией, но и оставить ее в неведении посчитал невозможным для себя... А еще спустя полчаса он трясся в кабине старенького SAURER [65], принадлежащего местному Bauer [66], возвращавшемуся домой после того, как он привез утреннее молоко в лавку agrargenossenschaft [67], в котором он состоял. И только после того, как тот высадил парня на развилке в Вольхузене, Алекс почувствовал, что его слегка отпустило. Как там дальше сложится – бог его знает, но пока он, похоже, удрал...

До Базеля парень добрался на перекладных. То есть автостопом. Ему надо было как-то прожить три следующих месяца и не попасться Обервееру, который, несомненно, очень скоро должен был начать его активно искать. Вряд ли он простит ему если не полное разрушение, то как минимум серьезные затруднения его собственных планов... А обустроиться, не сильно засветившись, он, со своим свеженьким паспортом гражданина второго класса, уже внесенным в столь же свежую электронную базу данных, мог бы только в бывшей Швейцарии. Нет, классические гастхаузы, где постояльцев пока что еще не вносили в компьютерную базу, а старомодно вписывали в амбарную книгу, встречались не только в бывшей Швейцарии. Не слишком высокий уровень развития цифровых технологий сказывался... Но юридически Алекс считался местным жителем только на «Свободно присоединившейся территории Швейцария». И только здесь владельцу гастхауза не требовалось сразу по заселении предоставлять о нем подробную информацию в полицию, как это было установлено в отношении как иностранцев, так и граждан Райха, прибывавших из других административных единиц. Вот такие тут были правила. Райх – это вам не аморфные европейские лимитрофы прошлой реальности. Он довольно жестко контролировал свое население... Вследствие чего можно было надеяться, что даже если герр Обервеер и разошлет на него что-то вроде ориентировки, то за три оставшихся месяца его отыскать не успеют. Нет, если бы Алексу требовалось скрываться дольше – шансов бы не было.

Система есть система... Но переждать три месяца надежда была. Тем более что особенно шляться по улицам он не собирался. Только строго в рамках, необходимых для подготовки к переходу. Базель же он выбрал потому, что, во-первых, этот город был ему более-менее знаком. Как-никак в двадцать первом году прошлого века он прожил в нем несколько месяцев. Конечно, современный город должен был очень сильно отличаться от старого, но самый центр вряд ли так уж поменялся. Так что сориентироваться ему так точно будет несколько легче... А во-вторых, в этом времени он никогда и никому не говорил об этом факте...

* * *

До самых развалин в него больше никто не стрелял. Алекс на подгибающихся ногах добрался до скалы и, дыша как загнанная лошадь, рухнул на камни, придвинув к себе саквояж. В отличие от пальто и костюма, являющихся новоделом, саквояж был вполне аутентичен. Парень обнаружил его на блошином рынке в Париже, куда выбрался на несколько дней, сумев договориться о ночлеге со знакомцем, которого завел в Сети. Потому что заселяться в отели, апартаменты и гастхаусы за пределами «Свободно присоединившейся территории Швейцария» ему было категорически противопоказано... В этой реальности как раз шел тот романтический период развития сетевых отношений, когда те, кто активно пользовался сетью, ощущали себя некой особой кастой, отличающейся от всех остальных. И им казалось, что внутри этой касты нет места подлости и обману. Поэтому, когда человек из этой касты просит тебя о некой услуге, то отказать ему будет верхом предательства. Государство же, как и законы, полиция и все такое прочее, не имеет к этому отдельному миру никакого отношения...

В Париже Алекс в первую очередь озаботился пошивом костюма и пальто. На этот раз он собирался явиться в прошлое не в джинсах и синтетической куртке, а в полностью аутентичном одеянии. Так что пришлось раскошелиться... Как выяснилось, ателье, занимающихся ручным пошивом одежды, в Париже оказалось довольно много. И хотя основными заказываемыми моделями у них были мундиры наполеоновских времен (бывшие французы, а ныне жители Райха, существенная, хотя и куда меньшая, чем на востоке, часть которых также не имела с рождения имперского гражданства, отчаянно ностальгировали по своему великому прошлому), его собственному заказу никто не удивился. Шили и такое.

Пусть и гораздо реже. Ну и, кроме того, Алекс сделал и еще несколько заказов. Один из них в оружейном магазине. Где, вот ведь блин, ему впервые пригодилось его купленное гражданство второго класса, по поводу которого он так расстраивался. Потому что короткоствольное оружие самообороны в Райхе было разрешено к покупке только лишь гражданам второго и первого классов. Более низкие классы права на такое оружие были лишены. Так что и эта неожиданная трата как-то пригодилась. Хотя миллион рейхсмарок за *право* купить оружие... с такими деньгами он, пожалуй, решил бы этот вопрос куда дешевле.

С первой попытки найти то, что нужно, не получилось.

– Молодой человек – коллекционер? – поинтересовался весьма импозантный продавец оружейного магазина, услышав заказ. А может, это был хозяин. Уж больно величественно он себя вел.

– Нет, – мило улыбнулся Алекс, – просто ищу подарок для дедушки. А вот он – коллекционер.

– И на какую сумму вы рассчитываете?

Алекс ответил. Продавец поскущнел. Сумма была не слишком значительной. А куда деваться? Денег оставалось в обрез. Чтобы не насторожить Обервеера раньше времени, ему пришлось очень осторожно пользоваться счетом, так что до побега он успел обналичить всего лишь пятую часть остававшихся на его счету средств. А ему еще надо было дожить до марта, не привлекая внимания...

– Вы понимаете, молодой человек, – деликатно начал он, – если ваш дедушка действительно коллекционер, то интересные ему экземпляры будут стоить намного дороже, а то, что вы сможете купить на эти деньги, будет в крайне изношенном состоянии. Или вам не обязательно нужен работоспособный экземпляр?

– Нет, только работоспособный! – твердо заявил Алекс, а затем, задумавшись, спросил: – М-м-м... а как насчет обмена?

– На что?

– У меня есть охотничье ружье. Очень старое, но вполне работоспособное. Но я совершенно не представляю, какой оно фирмы.

– Вот как? И насколько старое?

– Я думаю, конец позапрошлого века.

Продавец задумался, а затем кивнул.

– Что ж, привозите. Посмотрим.

Ну и еще в этот заезд Алекс посетил парочку ювелиров и несколько лавок, где собирались бонисты с фалеристами. Особенно много из запланированного купить тогда не удалось, но зато он оставил заказ...

– И куда вы так упорно бежали, герр Майер? К этим развалинам? Чем же это, скажите на милость, они для вас так привлекательны?

Алекс вздрогнул и поднял взгляд. Вот черт, задремал... Ну да, такой кросс выдержать!

И все-таки как они смогли на него выйти? Похоже, он засветился в тот раз, когда приезжал за ружьем. Обервеер точно установил наблюдение за усадьбой Хуберов. Не мог не установить. И, судя по всему, наблюдение его засекло, когда он ковырялся на опушке, выкапывая свою курковку. После чего подготовить засаду было делом техники... Впрочем, может, и нет. Возможно, его засекли во время второй поездки в Париж. Или вообще несколько часов назад, когда он вышел из такси в Шпирингене. Даже если гестаповец не знал, что он впервые появился в этом варианте реальности именно в усадьбе Хуберов, учитывая его отношения с Бригиттой, усадьба при любом раскладе была той точкой, в которой вероятность его появления была точно отличной от нуля. Так что они просто перекрыли все возможные пути подхода, и он, как обычно, вляпался. А может (тут его сердце пропустило удар), они взяли и раскололи Бригитту...

– Так зачем вы так стремились к этим развалинам, а? – зло продолжил гестаповец. – Ваша сестра ничего об этом не рассказывала.

– Бригитта! Что вы с ней сделали?! – вскинулся Алекс. Он назвал ее «сестра», значит, все знает... Но Обревеер ему, естественно, не ответил, а лишь покачал головой и с какой-то тоской произнес:

– Ну чего вам не хватало, герр Майер? Если бы вы знали, планы каких людей вы нарушили своим побегом...

Алекс молча поежился и покосился на скалу. Она была темна и безжизненна.

– Ладно, давайте заканчивать. – Обервеер вздохнул и протянул руку. – Давайте сюда ваш саквояж и протяните руки вперед. Штайн наденет вам наручники. Об остальном поговорим в более комфортной обстановке... Ну! – и гестаповец угрожающе качнул пистолетом, который держал в руке.

Алекс тоскливо вздохнул и начал подниматься с камня, опершись рукой о скалу..., а в следующее мгновение просто провалился внутрь камня.

На мгновение парень потерял ориентировку, поскольку снова весьма чувствительно приложился о разбросанные обломки, но спустя еще одну секунду Алекс восторженно взвыл. Он смог, вырвался, успел... а затем

испуганно осекся. Потому что почти сразу же вслед за ним из портала вылетел Обервеер, сопровождаемый собственным криком:

– Стой, schwein!^[68]

Глава 11

– Что ж, камни довольно высокого качества. – Ювелир сдвинул на лоб окуляр с увеличительным стеклом и поднял взгляд на Алекса. – Я готов купить их у вас по восемьдесят пять франков за карат.

Наверное, стоило немного поторговаться, но Алекс уже настолько устал за день, что лишь махнул рукой. Как-никак, это был шестой ювелир, которого он сегодня посетил. И это только сегодня!

– Согласен.

Ювелир довольно улыбнулся и, выдвинув ящик стола, достал из него аккуратный деревянный ящичек, раскрыв который, принялся выкладывать из него разобранные маленькие весы и набор миниатюрных и почти невесомых гирек...

Гестаповец из начала ХХI века влетел в портал как атакующий демон и-и-и... рухнул прямо на Алекса. Тот испуганно заорал и, оттолкнув навалившегося на него Обервеера, вскочил на четвереньки и, будто испуганный заяц, рванул через все развалины прямо в сторону полуобрушившегося угла. Добравшись до него, парень перемахнул остатки каменной стенки и, приземлившись на ноги, не останавливаясь, чесанул дальше, к дороге.

Алекс бежал, напрягая все свои силы и каждую секунду ожидая выстрела или хотя бы грозного окрика... Но ничего так и не прозвучало. Поэтому, добежав наконец до дороги, парень нашел-таки в себе силы притормозить и оглянуться. Сзади никого не было. Совсем никого. Алекс остановился и согнулся, упершись ладонями в колени и тяжело дыша. Черт, что случилось-то? Почему Обервеер не стал за ним гнаться? Ведь это же гестаповец вылетел из портала через секунду после него. Парень узнал его совершенно точно.

Отдышавшись, Алекс еще несколько минут подождал – не появится ли его преследователь, а затем осторожно двинулся обратно к развалинам. Как бы там ни было, двигаться дальше, оставив вопрос с гестаповцем без прояснения, было нельзя. Несмотря на весьма значительную вероятность того, что тот сейчас просто засел в развалинах и внимательно наблюдает за осторожно приближающимся объектом своего интереса.

Засады не было. Гестаповец просто лежал на боку, там, куда Алекс его отбросил, не подавая никаких признаков жизни. Парень некоторое время

подождал, спрятавшись за тот самый полуобрушившийся угол и выглядывая из-за него, но Обервеер просто лежал, не шевелясь и в весьма безжизненной позе. Так что минут через пять Алекс нервно сглотнул и осторожно двинулся в сторону лежащего тела.

Попытки реанимации, предпринятые скорее для того, чтобы убедиться в окончательной смерти, чем для чего-то еще, и последовавший за ними обыск заняли около пятнадцати минут, спустя которые парень разогнулся и уставил озадаченный взгляд на относительно ровную скальную поверхность, в которой и был скрыт портал. Что же он такое? Почему сам Алекс проходит через него без всяких проблем, а прыгнувший сразу же вслед за ним гестаповец откинул коньки? Потому что других причин его смерти парень отыскать не мог. Никаких внешних признаков или там следов внутренних повреждений на теле не было – ни ран, ни ушибов, ни какой-нибудь подозрительной синюшности.

– И что мне теперь с этим делать? – вздохнув, произнес путешественник во времени спустя минут десять, занятых напряженными, но бесплодными размышлениями, и уставился на тело гестаповца раздраженным взглядом. Ибо ответа на мучивший его вопрос он так и не нашел, а вот факт наличия совсем незапланированного трупа являлся проблемой. Причем нешуточной. Ну посудите сами: есть труп, причем одетый в одежду из материалов, которые еще не существуют, вооруженный пистолетом, который также не существует, и даже если передать его на завод той фирмы, клеймо которой он носит, та просто не сможет его повторить на имеющейся у нее в данный момент технологической базе. Но и этого мало. Потому что кроме пистолета у трупа еще полный карман артефактов – от документов и денег до сожженного мобильного теле... тут Алекс вздрогнул и торопливо полез в свой саквояж.

– Вот блин! – взвыл он спустя полминуты. Его собственный clefon [\[69\]](#), который он купил еще в то короткое время, пока был вроде как богатым, также сгорел напрочь. То-то ему показалось, что во время прошлого попадания его смартфон не только разбился, но еще и горел... Алекс нервно порывлся в саквояже. Похоже, ничего особенно не пострадало. Так, слегка подгорела бумажная упаковка кашемировых носков, которые он прикупил в Reek&Clorpenburg в качестве подарка родственникам... Но телефон было жалко. Очень. Для перехода в прошлое он всю собранную информацию распечатал. Ну не с телефона же ее в прошлом читать? А планшетов в массовой продаже в Райхе еще не было. Да и вообще, парень решил, что давать кому-нибудь в руки столь продвинутые технические устройства будет очень глупым поступком. Распечатывать же информацию

с гаджетов будущего в двадцать третьем году двадцатого века было просто не на чем. Ибо самым продвинутым печатным устройством для вывода текстовой информации тут пока являлась механическая пишущая машинка. Так что багаж для путешествия в прошлое у Алекса получился весьма объемным. Но восемьдесят процентов распечатанного, упакованного в пару армейских сумок, которые он собирался сразу после перехода спрятать в лесу неподалеку от шале Хуберов, во время преследования пришлось бросить. Особой беды Алекс в этом не видел, так как самые важные распечатки, а также сведения, с помощью которых он собирался выйти на связь со Сталиным и убедить его встретиться, парень упаковал вместе с документами и подарками родственникам в саквояж и не собирался бросать ни в коем случае. А большую часть остального он сохранил именно в телефоне. Не все – возможности аппарата были где-то на уровне самых первых коммуникаторов BlackBerry и «нокиевских» раскладушек, так что там была в основном текстовая информация, но все же большую часть... Нет, теоретически потерянное вполне можно было восстановить. Конечно, электрическая сеть здесь пока была – смерть аккумуля, но сварганить там для телефона простенький блок питания с сетевым фильтром... Ну неужели он не сможет сделать столь простое устройство на местной технологической базе? Или не найдет того, кто сможет это сделать? А потом просто тупо перепечатать с экрана. Или, шут с ним, переписать от руки. Не все, конечно, объем уж больно большой, но самое существенное... И вот на тебе! Ну и что теперь делать? Нет, кое-что он может вспомнить, даже многое – все доклады он перечитал по много раз и почти выучил наизусть. Да и из другой информации тоже много помнил. Но не все же! И что, если этих остатков распечатанных материалов, а также того, что он может вспомнить, окажется недостаточно для того, чтобы вернуть историю в ее прежнее русло? Бли-и-ин, ну как достало, когда все регулярно идет через задницу... И ведь вроде он все продумывает, готовится – а все равно один хрен!

Ладно, об этом можно будет подумать позже. Сейчас главный вопрос: что делать с трупом? Лопаты-то у него нет. Осталась в одной из брошенных сумок. А просто как-то схоронить, листьями там забросать или ветками – не решение вопроса. Это в, слава богу, удачно покинутом им будущем люди в Швейцарии в лес почти не ходят. А если и ходят, то передвигаются по нему исключительно по обустроенным и оттрассированным дорожкам, устраивая пикники только лишь на отведенных для этого местах и тщательно убирая за собой мусор. Здесь же и сейчас лес – источник жизненно необходимых ресурсов. В настоящем в него регулярно ходят и

ездят буквально толпы народа – и собрать хворост, и нарубить дров, и поохотиться, и насобирать грибов и ягод... И если насчет грибов и ягод до осени можно не переживать, то вот все остальное весьма актуально и сейчас. В марте. Так что труп здесь обнаружат очень быстро.

Алекс тяжело вздохнул... и как раз в этот момент снизу, из долины, донесся протяжный волчий вой. Парень замер. Хм-м... а что – вполне себе вариант! Вроде как волки чуют кровь на расстоянии до полутора километров. Алекс быстро подбежал к гребню и заглянул вниз. Тут явно намного дальше, но если скинуть тело, да при удаче... Только сначала труп стоит раздеть. Вещи спрятать куда легче, а недоумение у полиции от одежды из синтетики после того, как все равно отыщут недоеденные волками останки, нам совсем не нужно.

Спустя час парень осторожно спустился со скалы и, тяжело дыша, рухнул на камень, рядом со стоящим саквояжем и аккуратно сложенным пальто. Карабкаться на скалы в цивильном костюме было не очень-то удобно, но зато теперь можно было надеяться, что большая часть улики надежно сокрыта. Труп уже валялся далеко внизу, скатившись по склону почти до самого подножия, а снятые с него вещи вместе с документами и другим содержимым карманов Алекс заныкал в скальной расщелине, на высоте около четырех метров. Насколько парень помнил, эти развалины не пользовались особенной популярностью среди местных. Здесь лазали только мальчишки. Но до того, как настанет их время, было еще не менее месяца. Вряд ли их сюда потянет, пока не станет достаточно тепло. До деревни-то вон сколько топать... Так что можно было надеяться, что как минимум неделю на все спрятанное никто не наткнется. А до того момента либо Алекс придумает, что с ними делать дальше, либо ему уже станет все равно... Из компрометирующего при нем остался только весьма брутально выглядящий пистолет Обервеера марки Walther с двумя запасными магазинами. Тоже, по идее, иновременной артефакт, но Алекс не собирался давать его кому-нибудь в руки. Да и вообще как-то светить. Слава богу, сам факт наличия оружия сейчас в Европе не являлся преступлением практически нигде. И уж тем более в Швейцарии. Парень вздохнул. Да уж, работка выдалась... Если для сокрытия следов приходится прилагать столько усилий – то ну его на фиг становиться преступником. Впрочем, его это благое пожелание уже никаким боком не касается. Потому как он уже вляпался по полной...

Минут через пять, отдышавшись, он принялся неторопливо одеваться. Да уж, видок у него сейчас – бомжи лучше выглядят... А ведь изначально Алекс собирался предстать перед тетушкой Мартой в виде щегольски

одетого господина, вернувшегося из Америки, где он добился впечатляющего успеха. И помочь ему в этом должны были купленные им во время двух поездок в Париж старые швейцарские и американские банкноты, а также изрядный мешочек с синтетическими изумрудами. Изумруды он выбрал не наобум, а после тщательного изучения вопроса. Синтетические рубины и сапфиры в этом времени уже были известны, а вот о том, что синтетическими могут быть еще и изумруды, пока никто не догадывался... Нет, большая часть этих денег была предназначена для помещения на счет, вернее, на счета, поскольку ограничиваться только одним счетом Алекс на этот раз не собирался, но некоторую часть он планировал потратить на родственников. Ведь он же еще раньше решил, что восстановит справедливость и возместит все то, что когда-то украл из тайника в комнате покойного «дядюшки». Вот и возместит. С лихвой... И вот на тебе! Пальто изгваздано, рукав порван пулей, а костюм из-за долгого бега так пропитался и провонял потом, что близко стоящего человека от ядерного запаха с ног валит. Короче, тот еще щеголь получается... Ну да ладно. Все равно делать нечего – надо идти!

В этот раз дверь ему открыла не тетушка, а Гертруда, жена того самого сына сестры тетушки Марты, который являлся в этом доме старшим мужчиной.

– Кто там? – настороженно спросила кутающаяся в шаль женщина, поднимая вверх свечную лампу.

– Добрый день, Гертруда, это я, Алекс.

– Алекс! – Гертруда испуганно отшатнулась и зажала рот рукой. – Ты?! Но ты же погиб!

– То есть как? – удивился парень. – Когда?

Спустя десять минут криков, воплей, оханий, слез и всего такого прочего его усадили на лавку и поведали вот какую историю.

После того как год назад он не вернулся из своего похода к порталу, тетушка подняла всю деревню на его поиски. Эти поиски затянулись почти на неделю, в конце которой в одиннадцати километрах от Унтершехена, в узкой расщелине был обнаружен окоченевший и почти засыпанный снегом труп охотника с ружьем, одетого в очень похожий костюм. Расщелина была довольно узкой и глубокой, а склоны все еще изрядно обледенелыми, так что вниз, к телу, никто не полез. Но тетушку к этой расщелине с трудом, но доставили. Та заглянула вниз, вздохнула и, перекрестив тело, произнесла:

– Это он, – после чего, приехав домой, поднялась в свою комнату и легла в постель. И больше не встала. Ровно через месяц ее похоронили...

У Алекса защипало в глазах и потянуло сердце. Он тяжело вздохнул, утер глаза рукавом и отвернулся. Гертруда сидела рядом и тоже молчала.

– Уф... ладно, покажешь мне ее могилку. Памятник вы ей еще не поставили?

– Нет, еще и года ведь не прошло. Не осела могила-то, – также утирая слезы, ответила уже новая хозяйка усадьбы. – А ты-то как, откуда?

– Из Америки, – сообщил Алекс. У него уже была заготовлена версия собственных приключений. Не столько стопроцентно надежная, сколько рассчитанная на текущий невысокий уровень коммуникаций. И на то, что, несмотря на всю свою вьедливость, тетушка скорее порадуется вернувшемуся племяннику, чем будет специально выяснять и перепроверять, на каком корабле он приплыл, каким поездом ехал, в каких отелях останавливался... Так что для тетушки ее, по идее, должно было хватить. А вот Гертруде... а Гертруде он решил ее полностью не рассказывать. Потому как если тетушка, исходя из сложившихся между ними взаимоотношений, могла потребовать от него полного отчета, то Гертруду он мог и отфутболить. Мягко, конечно, поскольку портить отношения с Хуберами было совершенно незачем. Но мог. Конечно, женское любопытство – вещь термоядерная, но у него было чем ее отвлечь. Да и подарки, что он заготовил для тетушки, теперь ведь надо было куда-то девать...

Выйдя из ювелирной лавки, Алекс с хрустом потянулся. Трудный день закончился.

Париж был последним из одиннадцати городов, в ювелирных лавках которых он распродал свои запасы синтетических камней. А куда было деваться? Во-первых, камни одной партии были очень похожи друг на друга по структуре, что в случае продажи крупной партии одному покупателю могло вызвать подозрения. Так что распродавать их надо было мелкими порциями, сформированными из небольших объемов камней из разных партий. А во-вторых, продать всю партию разом можно было бы только крупному оптовику. Но выходов на таковых Алекс не имел. Да и не хотел иметь. Потому что это автоматически означало бы такую бешеную «засветку», что ну его на фиг! Крупные торговцы драгоценными камнями являлись едва ли не самой первой силой на Земле, сформировавшей свои собственные спецслужбы, конкурируя за это первенство только, пожалуй, с менялами. Еще ни у одного государства ничего подобного не было – а у этих было... Причем к настоящему моменту они присутствовали у них в полном объеме. То есть не только разведка и контрразведка, но еще и, так сказать, силы специальных операций. И засветиться перед ними – это как

минимум заполучить подарочек в виде очень внимательного «хвоста». Алексу же, с учетом ближайших планов, такой «хвост» не нужен был от слова совсем. И «хвост» был еще самым легким вариантом. Остальные были куда хуже: от захвата и «потрошения» на предмет поделиться информацией о новом месторождении до прямого устранения. Конкуренты, да еще такие – мутные и неизвестно откуда взявшиеся – никому не нужны... Так что лучше вот так – по мелким ювелирным лавкам и мастерским, пару десятков каратов там, пару десятков здесь. Да – долго, муторно, но зато куда безопаснее...

– Один франк, мсье...

Алекс резко развернулся и отпрыгнул назад, одновременно сунув руку за лацкан пальто и хватаясь за рукоятку пистолета. Внезапно возникший перед ним «клошар», как подобных типов называли во Франции, испуганно отшатнулся, но не убежал, а снова умоляюще прохрипел:

– Один франк, прошу вас...

Алекс несколько мгновений сверлил его глазами, а затем, не отпуская рукоятки «браунинга» образца 1903 года, сунул руку в боковой карман и достал однофранковую монету. Дьявол, нервы совсем ни к черту стали. И прибытие подкачало, и то, что запланировано на ближайшее время, тоже выбивало из колеи и заставляло нервничать...

– Благодарю вас, мсье, да благословит вас Господь, – забормотал тот, принимая монету. Но когда «клошар» отошел на пару шагов, до Алекса донеслось уже на русском:

– Проклятый зажавшийся буржуа...

Парень едва сдержался, чтобы не ответить, но сумел-таки промолчать и лишь криво усмехнулся. Вот ведь странно – чего это он с такими взглядами делает в Европе? Это ж у него на родине поют: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем!»... А, впрочем, Европа сегодня – то еще дно. Мировая война и целая цепь революций, вызвавшие распад аж четырех империй, наводнили континент таким количеством взрывоопасного материала, которое и не снилось Европе начала XXI века. И что с того, что, в отличие от будущих времен, этот материал был одного с местными цвета кожи? Менее опасным он от этого не становился...

Когда «клошар» скрылся с глаз, Алекс огляделся и отпустил рукоятку пистолета. Он купил его в Париже, в покинутом будущем... Вернее, не купил, а обменял на свое ружье. Оно оказалось весьма известной немецкой фирмы Anschütz. Причем одной из первых ее моделей. Так что, несмотря на весьма поношенное состояние, владелец оружейного магазина обменял его на заказанный пистолет с большим удовольствием. Тем более что в

обмен Алекс получил вполне себе ординарный «браунинг» 1903 года, в свое время выпущенный тиражом за сто тысяч экземпляров. Нет, в начале XXI века он тоже был значимым раритетом, но их, в отличие от его ружья, до тех времен сохранилось весьма немало. Алексу же непременно нужен был пистолет, выпущенный именно до двадцатых годов. А лучше и вообще до Первой мировой. Потому что тот вариант выхода на Сталина, который он придумал, предусматривал использование пистолета с последующей сдачей полиции. А антикварный (ну для XXI века) пистолет совершенно точно не может быть почти новым, каковым он должен бы выглядеть, если бы был произведен уже после Первой мировой. Такой вот был у него заказ. И такой пистолет ему и подобрали.

Алекс настороженно огляделся, после чего повернулся и двинулся в сторону ближайшего банка. Надо было обменять французские франки на швейцарские, да и вообще лучше избавиться от наличных. Так что он собирался оформить именной вексель...

* * *

Первые полтора месяца после перехода прошли в некоторой суматохе. Алекс проехался по родственникам и раздал подарки, после чего заглянул в контору адвокатского бюро «Мориц Циммерман и партнеры», где разобрался, почему в том будущем, которое он только что покинул, у него на счетах оказалась намного меньшая сумма, чем парень изначально рассчитывал. Как выяснилось, все дело было в его собственном отсутствии. Герр Циммерман добросовестно подготовил все необходимые документы на расширение и продление патентов, но... без подписи самого патентообладателя они были недействительны. А патентообладатель в этот момент исчез, как ежик в тумане. Потому что ушел за портал... Так что деньги на счет Алекса капали только в течение первых пяти лет. После чего непродленный патент стал считаться закончившимся, и все выплаты прекратились... Разобравшись с этим вопросом, он поручил адвокату вновь запустить процесс нового оформления, заверив герра Циммермана, что на этот раз он никуда не исчезнет и вовремя подпишет все необходимое, а затем выдвинулся в Амстердам с первой партией драгоценностей. Следующий заход был в Антверпен, потом пошли Цюрих, Рим, Брюссель, Вена... А в промежутке между поездками Алекс начал подготовку к патентованию новых технологий. Для чего снова снял квартиру с химической лабораторией. В Люцерне. Потому что теперь, когда основные

проблемы с финансами были решены, можно было не торопясь заняться и другими, куда более «вкусными» технологиями. То есть теми, которые, скорее всего, станут востребованы только через несколько лет или даже одно-два десятилетия, но которые потенциально способны были принести ему куда больше денег... А почему в Люцерне? Увы, в Базеле была мадемуазель Фавр. Нынешние Базель, Женева, да и тот же Цюрих, по сравнению с самими собой сто лет тому вперед, представляли собой всего лишь «уютные маленькие деревеньки», где все люди того круга, к которому он будет принадлежать просто по факту своих занятий, грубо говоря, «жопами толкаются». Так что, вернись он снова в Базель, мадемуазель Фавр узнала бы об этом практически молниеносно. После чего, несомненно, она приложила бы все усилия, чтобы устроить ему о-очень веселую жизнь. О-о, он знал это совершенно точно... А на что еще тратить время женщине, так сказать, обиженной в лучших побуждениях, с несколько истеричным характером, если она ведет жизнь обеспеченной рантье? Люцерн же ему очень нравился. Древние деревянные пешеходные мосты, расписанные дома, горные вершины вокруг, буквально летящие над Фирвальдштетским озером... Недаром он и в оставленном им будущем купил себе квартиру именно в Люцерне. К тому же тут у него была кое-какая поддержка. Да-да, «братец» Манфред, чье семейство после получения «подарков из Америки» и заверений Алекса в том, что у него и мыслей нет претендовать на какое-либо наследство, относилось к вновь обретенному родственнику вполне благосклонно. Ну и была еще одна причина, по которой он предпочел поселиться недалеко от, так сказать, усадьбы Хуберов. Дело в том, что ему уже надоело при каждом переходе падать чуть ли не мордой на камни...

В Лозанну, город, являющийся ключевым для его планов, Алекс приехал восьмого мая, во вторник. Официально – для встречи с архитектором. Кусок земли в одном из медвежьих углов кантона Ури, да еще захламленный какими-то непонятными развалинами, ему продали быстро. У людей этого времени пока не было никаких лишних заморочек по поводу «руки прочь от исторического наследия». Чего уж тут говорить, если в настоящее время даже большинство признанных архитектурных шедевров вполне себе спокойно перестраивались. Причем по меркам будущих времен – совершенно варварски. То есть в них, например, совершенно спокойно пробивались или вообще переносились стены, чтобы внутри этих стен проложить трубы отопления, газового освещения или провести электрическую проводку. А в уютных будуарах с фресками кого-нибудь типа Караваджо или Каналетто мастеровые в замызганных

спецовках деловито обустраивали котельные или электрощитовые... Знать, владевшая роскошными дворцами, чьи величественные формы уже столетия ласкали глаз местных жителей и путешественников, ничтоже сумняшеся обустраивала свой быт в соответствии с самыми передовыми возможностями, предоставляемыми бурно развивающимися технологиями, не особенно заморачиваясь сохранением исторической аутентичности. Чего уж тут говорить о каких-то непонятных развалинах... Так что с бумагами все решилось достаточно быстро. Впрочем, Алекс относил это «быстро» в том числе и на счет доброжелательной поддержки Хуберов. Все-таки принадлежность к крупному местному семейному клану значила очень многое не только в России конца XX – начала XXI века, но и в Швейцарии начала XX... Так что теперь он был готов вплотную заняться обустройством, так сказать, межвременного погрузочно-разгрузочного терминала.

Нет, никаких планов скакать туда-обратно, как горный козлик, парень не строил. Если на данном такте у него (ну ради разнообразия) все пройдет более-менее так, как он запланировал, а не как раньше, то более возвращаться в прошлое он не хотел. Зачем? Тетушки Марты больше нет, а более он ни к кому здесь не привязался. Жить же лучше на более технологически развитом временном участке цивилизации – и возможностей больше и, так сказать, для здоровья полезнее. Нет, кое-какой набор медикаментов у него с собой был. Но ведь таблетки – не панацея. Однако кто знает, как все оно повернется...

В день приезда Алекс только заселился в весьма престижный отель «Сесиль», после чего отправился погулять по городу. А на встречу с архитектором поехал уже на следующий день. Для него – жуткая потеря времени. Но здесь и сейчас подобный темп считался как бы даже и неприлично быстрым...

Беседа с архитектором оказалась весьма напряженной. Сеньор Эмилио Бонетти, владелец одного из трех самых модных архитектурных бюро Лозанны, горел неистовым желанием максимально продвинуть в жизнь остроумные сейчас архитектурные стили, буквально навязывая их своему клиенту. У самого же Алекса предложенное отчего-то вызывало стойкую ассоциацию с энгельсскими «хрущобами». Вследствие чего он отчаянно сопротивлялся. Но модный архитектор не сдавался, атакуя клиента раз за разом. Похоже, он видел в этом возможность обессмертить свое имя и быть причисленным к лику «родоначальников» этих стилей в Европе. Потому что Бонетти был весьма амбициозен... Так что разговор довольно быстро стал весьма нервным. Архитектор давил авторитетом и европейской модой,

а Алекс возражал, что жить-то в доме ему. И, уж извините, в глухом лесу, на склоне горы, у дикой скалы ему вот на хрен не сдались все эти «чистые геометрические формы».

Наконец сеньор Эмилио сдался и, картинно сложив ладони домиком, окинул клиента раздраженным взглядом. Какая глупая упертость... Вот вроде как еще совсем молодой человек – но до чего ж старомоден!

– Ну хорошо, если вы не хотите построить ваш домик-лабораторию, используя стилистические решения наиболее передовых и современных архитектурных стилей, которыми являются функционализм и модернизм, я предлагаю вернуться на шаг назад. А именно к «еловому стилю» ^[70].

– Э-э-э... как это? – не понял Алекс. Модный лозаннский архитектор едва заметно сморщился. Ну, встречаются же на свете настолько необразованные люди...

– Так у нас в Швейцарии называют стиль, который французы именуют «арт-нуово», а в Германии – «югендштилъ». – С этими словами сеньор Бонетти с ленивой грацией протянул руку к массивной полке, закрепленной сбоку от стола, и достал очередной альбом с рисунками. Небрежно откинув толстую кожаную обложку, он перекинул несколько листов и развернул альбом к посетителю.

– Вот, нечто подобное... Как вам? Этот стиль сегодня, конечно, немного устарел. На пике моды он был в конце девятнадцатого и самом начале двадцатого века. До Великой войны. Но в нем и сейчас кое-кто работает. Например, довольно известный в некоторых кругах испанский старичок Гауди.

Алекс едва не поперхнулся. Старичо-ок Гауди?! М-дам... как-то очень небрежно этот тип о нем отзывается. Зависть? Скорее всего... Парень нахмурился и придвинул к себе альбом. Перелистнув несколько страниц, он поднял взгляд на сеньора Бонетти и кивнул.

– Да, этот вариант мне кажется более подходящим.

– Ну и отлично, – облегченно выдохнул архитектор. Клиент его несколько утомил. Но куш обещал быть неплохим. Нет, само планируемое к постройке здание было не очень большим, но клиенту приспичило, чтобы стройка закончилась не позднее осени этого года. То есть встретить зиму он собирался уже в новом доме. И готов был за это платить. А подобный подход открывал весьма многообещающие перспективы.

– Но у меня есть несколько условий, на выполнении которых я категорически настаиваю, – продолжил между тем Алекс.

Эмилио удивленно вскинул брови. Вот как? Ему, самому модному архитектору Лозанны, тут собираются ставить условия? Хм-м-м, это уже

наглость... А с другой стороны, заказ был жирный. Так что как минимум стоит послушать, что это за условия.

– Во-первых, я хочу, чтобы пол основного помещения первого этажа располагался на уровне земли.

Сеньор Бонетти усмехнулся.

– Понимаете, молодой человек, высокий цокольный этаж в швейцарских шале сделан вовсе не из прихоти. Дело в том, что зимой в горах насыпается много снега. И если не поднять...

– Я это знаю, – холодно оборвал его Алекс, которому уже надоел этот бессмысленный, с его точки зрения, спор. Он заказчик – и этим все сказано. А всякие там «я – художник, я так вижу» – идут в топку! – Но все равно настаиваю на этом условии. Вход можно сделать и выше. Пусть основное помещение имеет пол на уровне земли, а ко входу и другим помещениям по периметру стен ведет внутренняя лестница. Ну или трап. Да, трап будет лучше... Но это еще не все. Я хочу, чтобы строение не просто примыкало к скале, а чтобы эта скала являлась одной из четырех его стен.

– Скала?

– Да, причем необработанная. Ну-у... м-м-м... этакий кусок дикой природы прямо в доме.

– Но сопряжение стен со скалой – дело довольно сложное, – задумчиво начал архитектор. Идея была безумной, но этим она как раз его и заинтересовала. – У вас будет так дуть из щелей...

– Ничего, я думаю, вы с этим справитесь. В конце концов, придумаете какой-нибудь специальный внутренний стык и декоративно его закроете. И я хочу видеть эскиз как можно быстрее. Вам нужны фотографии?

– Фотографии? Вы привезли фотографии?

– Ну да. Я подумал, что они вам пригодятся, – кивнул парень. – Вот, смотрите – общая панорама, еще одна, но с другого ракурса, а вот здесь – скала, и вот тут она же, но под другим углом. Как скоро вы сможете сделать первые эскизы?

– Хм. – Архитектор задумался. – Дайте мне пару дней.

– Хорошо, я продлю отель до субботы, – кивнул Алекс и облегченно откинулся на спинку. Несмотря на сложное начало, все шло по плану. Если полиция после всего, что должно будет случиться, все-таки проникнется подозрениями и начнет собирать о нем дополнительные сведения, у него есть теперь железное алиби насчет того, что он совершенно не собирался задерживаться и сделал это под давлением обстоятельств... Архитектор же еще некоторое время задумчиво перебирал фотографии. А затем поднял взгляд на сидящего перед ним парня и... неожиданно улыбнулся.

– А знаете, ваша идея с «куском дикой природы» кажется мне очень привлекательной. Но вот что касается пола...

– Нет, пол тоже. Две природные плоскости в почти первозданном виде и без всяких дополнительных украшательств – я так это вижу. Камень и сам по себе неплохое украшение... Пол, конечно, придется немного выровнять, но аккуратно.

– Он будет холодным.

– Ничего. Первый этаж у меня планируется больше... э-э-э... представительским. Лаборатория и спальня будут на втором. А всякие подсобные помещения типа кухни расположим по периметру, где и поднимем пол на уровень входа...

Следующий день Алекс провел, гуляя по городу и изо всех сил изображая беззаботность. Он уже успел небрежно сообщить и портье, и соседям по столику на завтраке, что вынужден задержаться, поскольку архитектор попросил два дня на первые эскизы его будущего загородного дома. Так что, так сказать, операция прикрытия вступила в завершающую фазу... За день парень отмотал почти пятнадцать километров, в основном вдоль Женевского озера. Сжег массу калорий. А вот адреналина – нет. Поэтому, когда вечером Алекс спустился в ресторан, его немного потряхивало. Все должно было решиться именно сегодня...

В ресторане пока было относительно многолюдно. Алекс повертел головой – тех гостей, которые должны были сыграть главную роль в его «бенефисе», пока видно не было. Поэтому он спокойно прошел и сел за предложенный метрдотелем столик.

– Скажите, а у вас всегда так много попрошаек на улице? – подпустив раздражения в голосе, поинтересовался он, когда «владыка ресторана» положил перед ним роскошную кожаную папку с меню. – Да еще таких назойливых... Я вынужден был с полдороги вернуться в номер за пистолетом!

Метрдотель виновато поморщился.

– Это эмигранты, мсье. Работать не хотят, попрошайничают... Обычно их несколько меньше, но сейчас в городе проходит Международная конференция по Ближнему Востоку, на которую приехала «красная» делегация. И все, кто сбежал в Европу от большевиков, слетелись в город, чтобы очередной раз выразить им свою ненависть... Соболезную, что вам пришлось посетить Лозанну в такое неудобное для путешествий время. Поверьте, мы сами в раздражении.

– Вот оно как... – Алекс покачал головой. Метрдотель слегка виновато улыбнулся, а затем, заметив что-то боковым зрением, несколько оживился.

– Вот, кстати, их делегация. Они остановились в нашем отеле, – и он кивнул на троих мужчин, только что появившихся в зале ресторана. Алекс несколько мгновений рассматривал их, а затем встревоженно поинтересовался:

– То есть эти бежавшие от большевиков могут появиться и здесь, в отеле?

– О-о, – метрдотель мелко рассмеялся, – могу вас заверить, что в нашем отеле вам ничего не угрожает. Швейцар не пустит их на порог.

Алекс недоверчиво покачал головой, после чего заявил с самым решительным видом:

– И все-таки я после заказа на всякий случай схожу в номер за пистолетом. Вы меня очень встревожили...

Ходить ему куда не требовалось. «Браунинг» уже лежал во внутреннем кармане пиджака. Да и опасался Алекс покидать ресторан сколько-нибудь надолго. Поскольку так и не смог найти точное время той трагедии, что должна была произойти этим вечером в ресторане отеля «Сесиль». Но логичное обоснование того, каким образом у него в ресторане оказался пистолет, он только что себе обеспечил. Для чего и была разыграна эта сценка с метрдотелем, в процессе которой он удачно «вывел» его на те реплики, которые и помогут ему с этим обоснованием. Что же касается опасности, покинув ресторан, вернуться потом к шапочному разбору, – все было предусмотрено. Ведь никто же не заставляет его действительно идти в номер. Так что выйдет, подождет минут пять, скажем, руки сполоснет в уборной, что неподалеку от входа в ресторан, и вернется...

Убийца появился, когда «советским» уже принесли еду. Алекс напрягся, но молодой мужчина заметно моложе тридцати лет не стал сразу стрелять, а сначала присел к соседнему столику. Он был возбужден, хотя изо всех сил старался скрыть это возбуждение. Впрочем, что уж там говорить об убийце, если самого Алекса трясло еще как... Купив «браунинг», он потом почти месяц ходил в Базеле в частный тир, где занимался с инструктором. Да и после перехода сюда несколько раз практиковался в стрельбе, уходя подальше в лес. Взятые из будущего патроны все равно надо было дострелять – еще не хватало, чтобы в полицию попали гильзы с маркировкой из будущего... Поэтому у него была серьезная надежда, что он сумеет справиться с поставленной перед собой задачей. Потому что если нет – то весь его план выхода на Сталина накрывался медным тазом... Он должен был заявить о себе перед ним сразу же и громко. Ибо, судя по тому, что Алекс смог выудить в Сети, без

раскрытия тайны своего происхождения он мог бы продираться через препоны советской бюрократии неделями, а то и месяцами. А он не хотел ее открывать ни перед кем, даже перед самим Сталиным. Хотя по поводу последнего Алекс был совершенно не уверен, что это у него получится...

Дело в том, что, планируя «информационную интервенцию», которая должна была вернуть историю как можно ближе к прежнему руслу, он серьезно размышлял над тем, кому предоставить эти сведения. Варианты были разные. Например, Троцкий. После того, что Бригитта с горящими от возбуждения глазами поведала ему об этом человеке, парень проникся к нему немалым уважением. Ну а как же – Вождь революции, лично организовавший и возглавивший восстание в столице империи. Создатель Красной армии! Вождь и создатель Четвертого интернационала! Так что теоретически было вполне возможно выйти на контакт и с ним. Однако существовало одно большое «но»... В той уже навсегда исчезнувшей первой реальности Алекса СССР победил в войне именно под руководством Сталина. И после зрелого размышления парень решил, что лучшим выходом будет не множить сущности сверх необходимого, а пойти уже опробованным историей путем... Нет, если быть до конца откровенным – Сталин ему не нравился. Ну после всего того, что он о нем слышал в уже исчезнувшей реальности, и уж тем более после того, чего он начитался в этой, какое-то иное отношение было бы невозможным... Но где искать лучшего? В каких краях? По каким источникам? Выбрать Троцкого означало довериться мнению кучки экзальтированных личностей из числа тех самых изнывающих от скуки «отпрысков хороших семей». Извините, он еще не настолько сошел с ума... Что же касается любых других доступных в той реальности источников информации, так в них все предвоенное руководство СССР было поголовно и тщательно замазано толстым слоем дерьма. Если судить по написанному, среди оного не было ни единого не то что честного и порядочного, но даже просто умного и психически нормального человека. Сплошь дебилы, прелюбодеи, властолюбцы и паталогические убийцы. Так что вариант со Сталиным был по большому счету единственно возможным. Один же раз он смог победить – может, и сейчас как-то получится... А это напрочь отсекало любую возможность сотрудничества с Троцким. Потому что эти двое друг друга жутко не любили. Настолько, что Троцкий, которого Сталин выпер из СССР, гадил ему где только возможно, не обращая внимания на то, что при этом он параллельно гадил, причем сильно, и стране. А Сталин изо всех сил старался его убить. И в конце концов убил. Что опять же характеризовало его как человека, способного добиваться своих целей,

несмотря ни на какие преграды...

Долго сидеть у убийцы терпения не хватило. Сделав заказ, он немного поерзал, а затем встал и решительно направился к столику, за которым сидела советская делегация. Алекс мгновение выждал, затем с крайне демонстративным видом отшвырнул салфетку, привлекая внимание окружающих, поскольку ему требовались свидетели того, что не он первый выхватил оружие, после чего засунул руку за лацкан пиджака и, ухватив рукоятку пистолета, потянул его из кармана... Че-е-ерт! «Браунинг» зацепился за подкладку!!! Алекс мысленно взвыл и, запаниковав, рванул сильнее. Потому что к этому моменту убийца тоже уже выхватил свое оружие... Раздался треск материи, и в следующее мгновение Алекс, с дикими от возбуждения глазами, принялся садить выстрел за выстрелом по убийце, уже вытянувшему руку с пистолетом в сторону затылка Воровского.

– Дах... Дах! Дах! – Первая пуля промазала, влетев в зеркальную витрину бара, заполненную бутылками, и обдав стоящего за стойкой бармена дождем сверкающих осколков... Зато две другие попали. В тело. Убийцу развернуло так, что его пистолет, неожиданно для них обоих, оказался направлен в сторону Алекса.

– Дах!.. А-а-ай! – Убийца выстрелил, но его пуля прошла стороной. Впрочем, судя по взвизгу, в кого-то она все-таки попала. Алекс стиснул зубы и, прицелившись, выстрелил еще раз. В грудь. В ее левую сторону, которая скрывала сердце.

– Дах! – Морис Конради вздрогнул всем телом и-и-и... медленно завалился на спину. И только после этого ресторан потряс слитный многоголосый вопль...

Глава 12

Звонок раздался, когда Алекс только-только разжег огонь под колбой с реагентом. Молодой, но талантливый и уже имеющий за душой один зарегистрированный патент швейцарский химик пару мгновений задумчиво смотрел на разгоревшийся язычок пламени, раздумывая, не погасить ли огонь, но затем, решив, что за те пару-тройку минут, которые понадобятся ему для того, чтобы дойти до двери, узнать, кто там пришел, и вернуться обратно, ничего страшного не случится, не стал ничего менять, а просто развернулся и двинулся к выходу из лаборатории.

– О-о, добрый день, Вацлав Вацлавович! Рад вас видеть.

– Взаимно, герр Александер! – улыбнулся полпред и торгпред Советской России в Италии и Швейцарии. – Уж можете мне поверить, на свете вряд ли найдется человек, который был бы рад тому, что вы просто живете на свете, более чем я.

– Ну-у-у... я, пожалуй, склонен согласиться с этим утверждением, – усмехнулся Алекс. – Вы проходите, а я пока пойду потушу спиртовку... А то я не думаю, что звуковое оформление нашей встречи в виде взорвавшейся колбы с реагентом будет вами оценено положительно.

– Вы, несомненно, правы, герр Александер! – рассмеялся Воровский, вешая пальто на вешалку и освобождая ботинки от щегольских галош. По-немецки он говорил отлично, но с некоторым акцентом, впрочем, не мешавшим, а придававшим его речи этакий легкий шарм...

Перестрелка в ресторане закончилась для Алекса практически в полном соответствии с его планами. После того как вопли испуганных посетителей слегка утихли, а у места происшествия нарисовался вусмерть перепуганный метрдотель, Алекс несколько картинно швырнул на свой столик пистолет и возмущенно заявил:

– Вы убеждали меня, что в вашем отеле можно не волноваться по поводу подобных бандитов, а оказалось, что они свободно разгуливают по ресторану, размахивая оружием! Слава богу, что я успел сходить за своим пистолетом...

Метрдотель, все время испуганно косящийся на труп, съежился и развел трясущимися руками.

– Прошу меня извинить, мсье, но я не мог даже предположить, что... – но Алекс его уже не слушал. Все нужное сделано, все нужное сказано – дальше оставалось только ждать.

Полиция появилась довольно скоро. Алекса опросили одним из первых, сразу после метрдотеля, после чего отпустили в номер, попросив пока никуда не выходить. И вообще в ближайшее время воздержаться от покидания отеля. Дня этак два. Так что Алексу пришлось созвониться с архитектором и, всячески демонстрируя недовольство создавшейся ситуацией, попросить его привезти эскизы в отель...

Самая же главная встреча состоялась следующим вечером.

Сначала в номере зазвонил телефон.

– Герр Хубер?

– Да, это я.

– Добрый вечер, меня зовут Вацлав Воровский, и я именно тот человек, жизнь которого вы вчера спасли.

– Да, и теперь имею из-за этого массу неприятностей, – этак картинно-ворчливо отозвался Алекс, у которого на самом деле аж ноги похолодели от волнения. Черт, он боялся сглазить, но пока, тьфу-тьфу-тьфу, все шло именно так, как он и спланировал.

– Готов принести вам самые искренние извинения за это и прошу вас уделить мне толику вашего времени для личного выражения благодарности.

– Хм... – Алекс сделал нарочитую паузу, делая вид, что задумался. – Ну хорошо, заходите.

В ожидании «гостя» Алекс еще раз пробежался по своим «заготовкам». Поскольку открыться он собирался только лишь Сталину, предстоящий разговор с Воровским следовало выстроить таким образом, чтобы его собеседник посчитал, что именно он является инициатором мыслей о возможном сотрудничестве. Нет, Алекс вовсе не был так уж сильно уверен в своих талантах манипулятора. Но сначала «школа» тетушки Марты, легко и непринужденно вертевшей всеми своими родственниками, а потом и «университет» герра Обервеера, весьма тонко и умело «игравшего» вообще совершенно посторонними и зачастую крайне негативно настроенными к нему людьми, очень продвинули его в этой области. И, хотя, естественно, он с ними сравниться пока никак не мог, но-о-о... сейчас за него играла еще и общая ситуация. Причем довольно значительно. Алекс был совершенно уверен, что за прошедшие сутки Воровский сумел собрать о нем всю основную информацию. И она должна явно прийтись ему по вкусу. А что? Молодой ученый и инженер. Не эксплуататор, но успешен – приехал сюда заказывать проект собственного дома с лабораторией. Смел и решителен – вон, не задумываясь, выхватил пистолет. То есть очень перспективный кадр для завязывания

сотрудничества. К тому же сразу выяснилось, что господин Конради вовсе не одиночка. И за ним стоят весьма серьезные силы, которые, кстати, практически сразу же попытались поднять информационную волну, громогласно заявляя, что убитый был вовсе не убийцей, а мстителем. И что его руку направляло не что иное, как само Провидение, избравшее его инструментом карающего возмездия за все преступления большевиков. Причем существенная часть авторов, кляня большевиков и их преступления, также не особенно стеснялась в словах и в отношении того, кто, так сказать, стал на пути Провидения... Вследствие вышесказанного кроме благодарности его будущий «гость», весьма вероятно, сам будет склонять Алекса к той или иной форме сотрудничества, например, купив патент и предложив выехать в СССР для оказания технической помощи в его освоении, ну и «пока здесь все не уляжется». Поэтому никаких особенно умелых манипуляций в отношении своего скорого собеседника Алексу осуществлять было не нужно. Скорее всего, ему нужно будет только выслушать предложения и парой отказов и демонстративных раздумий сконфигурировать одно из них, наиболее близкое к тому, что ему надо, правильным образом. А потом согласиться.

Воровский прибыл спустя три минуты.

– Весьма рад знакомству, герр Хубер. И очень рад тому, что вы столь серьезно восприняли увиденное на улицах и озаботились возможностями самозащиты.

– Да, хотя полиция вздумала объявить нападавшим именно меня. Мол, в меня-то убитый не стрелял! А вот я в него выстрелил. А уж что пишут в газетах...

– Да глупости! – Воровский всплеснул руками. – Не беспокойтесь об этом. Именно господин Конради первым вытащил пистолет. После чего никто в зале не мог быть уверенным в том, что не станет жертвой нападения. Так что я убежден, что в самом скором времени все обвинения с вас будут полностью сняты. Что же касается газет... в погоне за сенсацией они готовы писать любую чушь! Но при этом совершенно не способны долго сосредотачиваться на одной теме. Так что не пройдет и нескольких дней, как их интерес переключится на что-то другое. И вас оставят в покое... Но я предлагаю отбросить подобные раздражающие темы. – Тут господин большевик широко улыбнулся и протянул парню лакированную деревянную коробку, скорее даже шкатулку, которую принес с собой. – И вот, прошу принять с искренней благодарностью.

– Что это?

– Подарок! Я долго думал, чем можно отблагодарить столь

решительного и так уверенно владеющего оружием человека, как вы, и не нашел ничего лучшего, нежели вот это, – и Воровский изящным движением открыл ящичек. Алекс осторожно заглянул внутрь и удивленно вскинул брови.

– Это... «кольт»? – несколько растеряно спросил он. Сам Алекс оружием увлекался не очень, но среди тех байкеров, с которыми он катался на туры, оружейных фанатов хватало. И отношение к американскому оружию у большинства из таковых было сродни культу. Так что кое-какие образцы из тех, что считались самыми культовыми, он запомнил.

– Да, «кольт» М-1911 – самый мощный пистолет в мире, – гордо произнес полпред и торговый представитель СССР в Италии. – Причем это уже модернизированный вариант. С улучшениями. Его только-только начали производить ^[71]. Владейте!

– Спасибо, – совершенно искренне поблагодарил Алекс. – И тут же спохватился: – Ну что же мы стоим? Проходите, присаживайтесь... Может, бурбон? Или рюмочку кирша...

Воровский оказался бесподобным собеседником. Впрочем, чего еще можно было ожидать от дипломата? С ним было легко и приятно общаться. Но при этом он довольно ловко разворачивал разговор на интересные ему темы, ненавязчиво выуживая информацию и осторожно подталкивая собеседника к нужным ему выводам. Если бы не «школа» тетушки Марты и «университет» Обервеера, Алекс бы точно уже через полчаса выложил ему все, что он хотел узнать. А скорее всего, и вообще все... С таким собеседником, да под выпивку – легко!

Вариант с устраивающим Алекса предложением оформился где-то минут через сорок после начала беседы. Но когда хозяин номера попытался аккуратно добавить в него ключевой для себя пункт, его собеседник, к удивлению Алекса, отреагировал на него с явственным недоумением.

– Друг мой, поясните мне, а почему вы хотите обратиться именно к Сталину?

Парень озадаченно уставился на собеседника.

– А к кому еще? Троцкому?

Вацлав Вацлович улыбнулся.

– Ну у вас и выбор... Хотя, если быть откровенным, то даже обращение к товарищу Троцкому выглядело бы более обоснованным. Потому что, в отличие от товарища Сталина, который, конечно, обладает немалым влиянием в партии, но по занимаемой должности является в первую очередь именно партийным руководителем, то есть его зона ответственности – партийный аппарат, а к государственным делам он имеет

несколько опосредованное отношение, и в первую очередь как народный комиссар по делам национальностей, Лев Давидович – Председатель Реввоенсовета. То есть он реально один из высших руководителей государства... Но и товарищ Троцкий, на мой взгляд, тоже не лучший выбор. Я понимаю, что вы в курсе того, что наш наиболее известный и авторитетный руководитель Владимир Ильич Ульянов-Ленин по состоянию здоровья отошел от дел. Но он официально вовсе не глава государства, а глава исполнительной ветви власти. Главой же государства является Михаил Иванович Калинин. Да и, поскольку нездоровье товарища Ленина продолжается уже давно, многие вопросы, относящиеся к компетенции председателя Совета народных комиссаров РСФСР, уже давно и успешно решаются его заместителями. В первую очередь товарищем Рыковым. Так что если ваши интересы лежат в области хозяйственной деятельности, то их лучше адресовать именно Алексею Ивановичу Рыкову либо Председателю ВСНХ товарищу Богданову. – Тут Воровский улыбнулся. – Если честно, я вообще удивился тому, что вы откуда-то знаете фамилию Сталин. Из «триумвирата»^[72] за границей более известен товарищ Зиновьев. Ну как «вождь Коминтерна»... – Он замолчал. Алекс сидел молча, переваривая услышанное. Бли-ин, как хреново быть необразованным... Вот кто все эти люди? Нет, должности, слава богу, Воровский озвучил... но вот кто они по жизни? Говорящие головы, сидящие на своих местах для представительности или в вознаграждение за прошлые заслуги либо реальные руководители? И если второе, какие у них права, круг обязанностей, влияние, возможности? Как все было просто в теории – пришел к Сталину, который диктатор, всучил ему информацию, и тот, пользуясь своими диктаторскими полномочиями, хоп – и все исправил! А тут выясняется, что и Сталин совсем не диктатор (возможно, только пока, но сколько это «пока» будет тянуться-то?), а обычный партаппаратчик, и все те предложения, которые Алекс планировал ему передать, лежат далеко за пределами его текущего круга обязанностей. Так что, даже передай он их именно ему, заниматься ими будут все равно совершенно другие люди. Если они еще будут ими заниматься... Воровский же, с легкой улыбкой наблюдавший за его напряженными размышлениями, добавил:

– К тому же, если вам так уж претит идти через каналы официальной власти, я могу вывести вас на одного из наиболее влиятельных руководителей страны напрямую. Через личные контакты. Я имею в виду моего земляка и старого друга товарища Дзержинского. Если вы, конечно, не боитесь заполучить клеймо «прихвостня гепеушников»...^[73] – и Вацлав

Вацлович заразительно рассмеялся.

В тот вечер Алекс сумел-таки, пусть и весьма неуклюже, настоять на том, что ему совершенно необходимо встретиться именно со Сталиным. Потому что ничего, кроме как продолжать выполнять свой план (даже если он оказался и не до конца верным), ему не оставалось. Менять план вот так, на ходу, опираясь не столько на новую информацию, сколько на осознанную недостаточность старой, было глупо. Воровский же, похоже, посчитал его упорное желание встретиться именно со Сталиным чем-то вроде блажи, на которой он решил не заикливаться. Сталин так Сталин. Почему бы не потрафить столь приятному и перспективному человеку в такой незначительной мелочи...

* * *

– Я к вам с давно ожидаемым известием, – сообщил Воровский, устраиваясь в кресле.

– Вот как? – вполне ожидаемоотреагировал Алекс и предложил: – Кофе?

– Да, не откажусь, – улыбнулся Вацлав Вацлавович, после чего продолжил: – Советским правительством принято решение купить ваш патент, и в связи с этим я официально уполномочен провести с вами переговоры о сумме выкупа. А также передать вам приглашение посетить нашу страну и официальное предложение на вашу помощь с налаживанием производства топлива по вашему процессу. У нас довольно много угольных месторождений как на юге, в донецких степях, так и на востоке... Ну и Иосиф Виссарионович также с удовольствием согласился с вами встретиться. Так что теперь устранены все препятствия к тому, чтобы вы посетили-таки нашу страну.

– Не торопитесь, – рассмеялся Алекс, – мне нужно еще пару недель на то, чтобы закончить текущие исследования. У меня на подходе еще несколько патентов, например по новому процессу получения синтетического каучука или по каталитическому крекингу. Кстати, они вас как, не интересуют? К тому же вы мне еще ничего не заплатили. Переговоры же о выкупе патента вам придется вести с адвокатским бюро «Морис Циммерман и партнеры». А это, можете мне поверить, такие акулы...

Воровский едва заметно сморщился, но тут же вновь жизнерадостно заулыбался.

– Ну, думаю, вы не будете так уж сильно раздевать ваших друзей. Что же касается ваших новых патентов, то я непременно сообщу о них руководству. И они, несомненно, нас заинтересуют...

До Москвы Алекс добрался только в конце сентября. В первую очередь вследствие того, что изрядно затормозился с новыми патентами. Повторение вполне рутинных в будущем техпроцессов на текущей технологической базе заставляло так изворачиваться, что будь это вживую, титул какого-нибудь «гуттаперчевого мальчика» был бы у него в кармане. Но – продрался. Впрочем, такая задержка пошла на пользу не только его усилиям по патентованию новых технологий. За это время он успел восстановить изрядный кусок того, что утратил с потерей сумок и телефона. Так что в СССР Алекс двинулся нагруженный аж целым десятком папок с восстановленной информацией. И хотя она была восстановлена по памяти, парень надеялся, что не слишком с ней накосячил.

Сама поездка запомнилась только довольно муторным прохождением обеих польских границ – и с Германией, и с СССР, да еще тем, что польско-советская располагалась не в привычном Бресте, а в каких-то Стобцах, расположенных всего в семидесяти километрах от окраины Минска. Эк поляки размахнулись... Нет, о том, что нынешняя граница с Польшей расположена куда дальше на восток, чем ему было привычно, Алекс теоретически знал. Но именно теоретически. А вот увидеть и, так сказать, почувствовать на своей шкуре довелось только сейчас. И полученные ощущения ему крайне не понравились.

В Москве его встретили вполне любезно. Ну, да, еще бы – он действительно подвинулся с ценой на патент. То есть не так – СССР заплатил ему все те же пятнадцать тысяч франков, что и BASF, но... без выплаты роялти и дополнительной оплаты за его личную помощь по налаживанию техпроцесса. Что очень не понравилось герру Циммерману.

– Вот уж не думал, герр Хубер, что вы будете делать такие подарки «красным». Судя по тому, что я о них слышал, это очень нехорошие люди!

Москва оказалась... бедной. Обшарпанные дома, люди, одетые в крайне поношенную одежду, изрядно побитые жизнью трамваи и пролетки извозчиков и почти полное отсутствие автомобилей. Нет, они встречались, но о-очень редко. И в основном в центре.

Алекса поселили в «Метрополе». Большая часть гостиницы была занята всяческими советскими учреждениями, так что официально «Метрополь» сейчас именовался вторым Домом Советов, но кое-какие номера еще использовались для приема постояльцев. Вот в один такой его

и заселили. И это еще бы куда ни шло. Потому что, скажем, «Националь», именуемый первым Домом Советов, был забит совслужащими полностью.

Вечером после заселения Алекс пошел погулять. Манежная площадь без гостиницы «Москва» смотрелась непривычно и чуждо, а почти не горевшие фонари напомнили ему Вену. Очень удивил трамвай, позвякивая и поскрипывая, едущий вдоль кремлевской стены прямо по Красной площади... Когда он возвращался, у самого Манежа к нему прицепились двое каких-то громил. Парень заговорил с ними по-немецки, и они поначалу отстали. Но не совсем, а так... оттянулись слегка назад, попытавшись затеряться среди людей, но не упустить его из виду. Однако народу на улицах по вечернему времени оказалось немного, так что Алекс их засек. И потому решил не заходить поужинать в ресторан первого Дома Советов, то бишь «Националя», как изначально собирался, а побыстрее вернуться в свою гостиницу. Кто его знает, что у них на уме, а если он задержится на ужине, то выйдет, когда будет уже совсем темно...

Сталин принял его через пару дней. С одной стороны, он полностью соответствовал своему описанию, которое Алекс читал в Райхе, то есть был невысок, ряб, сухорук, а с другой... с другой – совершенно ему не соответствовал. Потому что эпитеты «злой, глупый, властолюбивый и кровавый карлик» ему абсолютно не подходили. Алекс нервно облизал губы и, бухнув на пол саквояж, который при входе никто не удосужился обыскать, нервно протянул подходившему к нему Сталину руку.

– Добрый день, герр Хубер, – волне добродушно поздоровался хозяин кабинета, – мне сообщили, что вы очень хотели со мной встретиться. Могу я узнать, чем так привлек внимание молодого, но уже очень талантливого швейцарского химика?

Алекс от волнения сглотнул и, мгновение поколебавшись, решительно произнес:

– Я не швейцарец, Иосиф Виссарионович, а русский...

Сталин мгновенно подобрался, а его «гостя» прошиб пот. Какой «карлик», вашу мать?! Да это волк! Или даже тигр. Того и гляди порвет...

– Вот как... И почему вы решили мне в этом признаться?

Алекс наклонился к своему саквояжу, с которым его вполне спокойно пропустили в кабинет Сталина, даже не досмотрев, и вытащил из него аккуратно сложенную распечатку.

– Вот.

– Что это?

– Это – месторождения полезных ископаемых на территории СССР. Золото, алмазы, никель, хром, марганец, железная руда, бокситы и так

далее...

Сталин несколько мгновений сверлил его напряженным взглядом, а затем негромко переспросил:

– Алмазы? В СССР?

– Да, – кивнул Алекс. – В Якутии. Среднее течение реки Вилюй. Там несколько кимберлитовых трубок, но я нашел координаты только двух из них. И одна – самая большая из разведанных.

– Откуда это у вас?

Алекс ответил не сразу... Нет, у него была версия, как все объяснить без признания, но-о-о... блин, этот человек напротив него совершенно точно не случайно стал самым известным и успешным руководителем СССР. Его воля давила и подавляла. А насчет умения работать с людьми – так и говорить нечего... Так что вряд ли Алексу удалось соврать сколько-нибудь убедительно. А если ложь все равно раскусят – может лучше и не начинать?

– Й-ая... я из будущего.

Сталин широко распахнул глаза. Потом нахмурился. Затем усмехнулся.

– Откуда?

– Из две тысячи двадцать первого года.

– Вот как? – Сталин протянул руку и, взяв лежащую на столе рядом с пепельницей трубку, принялся ее неторопливо набивать. – И как там у вас в будущем? Коммунизм уже построили?

– Нет, коммунизма у нас нет. И СССР тоже. Развалился в девяносто первом. На пятнадцать республик. И часть из них уже повоевали друг с другом.

– Какие же? – снова усмехнулся Сталин.

– Армения с Азербайджаном. И Украина с Россией... то есть сначала Грузия с Россией, а теперь... то есть потом, уже Украина. А еще в России было две чеченских войны. И в Таджикистане резня была еще та... – Алекс замолчал, потерявшись в ироничном взгляде своего собеседника. Черт, ну почему так? С Воровским же он чувствовал себя нормально, а тут... Сталин же ему совершенно не верит! Что же делать?!!

Алекс несколько секунд пялился на Сталина, который, не обращая на него внимания, неторопливо раскуривал трубку, а потом его осенило, и он снова наклонился к саквояжу.

– Вот!

Мгновенно подобравшийся Сталин несколько мгновений напряженно рассматривал пистолет Walther, перешедший Алексу по наследству от безвременно почившего Обервеера, а потом перевел взгляд на собеседника.

– Что это?

– Пистолет. Из будущего. Меня преследовал агент гестапо. Это его оружие. Вы возьмите его в руку – сразу поймете, что это оружие совершенно другого технологического уровня. У него половина конструкции выполнена из пластика – рукоять, рамка, направляющие, магазин... Поэтому он очень легкий. Несмотря на то что емкость магазина у него – пятнадцать патронов.

Сталин еще несколько мгновений рассматривал оружие, а затем протянул руку и взял пистолет. Около минуты он осторожно осматривал его со всех сторон, потом нажал на кнопку выброса магазина и, ловко поймав его, также повертел в руках. Боевик же, эксы делал... Потом отвел затвор и заглянул в патронник, хмыкнул и, отпустив затвор, умело загнал магазин обратно в рукоятку. После чего аккуратно положил пистолет на стол и, уставив в Алекса пронзительный взгляд, бросил:

– Рассказывайте...

Глава 13

– Привет, Коба! Что у тебя за пожар? – весело поинтересовался первый секретарь Ленинградского губернского комитета и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Сергей Киров, заходя в кабинет к своему старому другу и старшему товарищу.

– Заходи, Сергей, – сухо отозвался Сталин, не приняв веселого тона товарища. Киров сразу же посерьезнел.

– Что-то серьезное? «Иудушка» ^[74] что-то придумал?

Сталин тяжело вздохнул и, выудив из стола тоненькую папку, швырнул ее Кирову.

– Читай.

Сергей Миронович подвинул папку к себе и, раскрыв, углубился в чтение...

– И что это за бред? – усмехнулся он, закончив и отодвинув папку. В ней оказался всего один листок, к тому же заполненный едва наполовину, так что чтение заняло меньше минуты времени.

– Я тебе сколько раз говорил – разберись со своими бабами! – зло рявкнул Сталин. Киров побагровел.

– Но-о... Коба, это же полная чепуха! Мы же материалисты! Мало ли, какой-то фанфарон изображает из себя провидца, так что, теперь...

– Это не провидец, а человек из будущего.

– Это он так говорит? – недоверчиво переспросил Киров.

Сталин зло зыркнул на него и снова залез в стол.

– Вот, посмотри.

Киров осторожно взял протянутый ему пистолет. Повертев его в руках, он нажал на какую-то кнопку и едва успел подхватить вылетевший магазин. Оглядел его. Хмыкнул. Потом нажал на предохранитель и оттянул затвор. После чего задумчиво покачал головой.

– Да уж...

– Его осмотрел Федор Васильевич и сказал, что повторить это не возьмется. Даже в единичном экземпляре. Более того, не может даже предположить, кто и как способен его сделать. Да он даже о материалах, из которых изготовлен этот пистолет, никогда в жизни не слышал. Похоже, какая-то разновидность карболита ^[75], но намного более прочная. Здесь же явно массовое фабричное производство...

– Токарев? – хмыкнул первый секретарь Ленинградского губернского комитета и горкома партии. Федор Васильевич Токарев в настоящий момент был в стране одним из самых высших авторитетов в оружейном деле. И как конструктор, и как свой брат-рабочий. – М-дам...

После чего вновь подвинул к себе папку и еще раз внимательно прочитал листок.

– А кого еще из наших убьют?

Сталин нахмурился.

– Он особенно ничего не знает. Говорит, не сильно интересовался. И о тебе вспомнил скорее случайно. Был на экскурсии в Смольном там, в свое время, вот и запомнил. – Сталин замолчал и пожевал губами, потом тяжело вздохнул и снова достал что-то из стола. Это оказалась весьма потрепанная книга на немецком языке. Киров озадаченно посмотрел на нее, после чего перевел взгляд на хозяина кабинета.

– Это сочинение «Иудушки». Автобиография «Моя жизнь», которую впервые издали... издадут в тридцатом. В Берлине. – Он глухо зарычал: – Такое пишет, шени деда...

– В Берлине? – удивился Киров.

– Да. В двадцать восьмом мы выкинем его из Союза, но он не успокоится и начнет нам гадить как может, не обращая внимания на то, что заодно гадит и стране. Зато в мире он станет очень популярным. Особенно в глазах крайне левых. Что сильно расколует коммунистическое движение, – Сталин вздохнул. – Я ее еще не закончил читать. Сам знаешь, с немецким ^[76] у меня не очень хорошо...

Киров молча кивнул. Потом задумчиво нахмурился.

– И где он сейчас?

– Сейчас? – Сталин покосился в окно. – На очередном допросе, скорее всего...

– Допросе? – удивился Киров. – Я думал, он наш. Раз к тебе пришел-то...

Сталин досадливо сморщился.

– Да нет, обычный буржуазный перерожденец. – Он тяжело вздохнул. – У них там, в будущем, Союз развалился, Серж. В девяносто первом. Но это случилось еще до его первого попадания в прошлое. А после него все стало еще хуже...

– К стене! – Алекс молча развернулся и встал лицом к стене, покрытой цементной «шубой». Когда-то «шуба» была покрашена масляной краской, но с того момента прошло уже довольно много времени, и краска почти вся облупилась. Да уж, не таким он представлял свое путешествие на Родину,

не таким...

Разговор со Сталиным вроде как прошел отлично. Тот внимательно слушал все, что Алекс ему рассказывал, и улыбался вполне доброжелательно. А когда парень перешел к скудным остаткам студенческих докладов, которые он успел восстановить, Сталин даже встал из-за стола, подошел вплотную и заинтересованно спросил, кивнув на первую папку:

– И что это за технология?

– Это технология производства швейных игл. Причем заметно более совершенная, чем все, что существуют сейчас. В том числе в Германии и США... то есть САСШ.

– Игл? – Сталин удивленно посмотрел на него. Алекс невозмутимо выложил следующую папку.

– Ну да, – кивнул Алекс. – А вот – технология производства кирзы.

– Кирзы?

– Да, это такой искусственный материал типа кожи, но очень сильно дешевле. Из нее можно делать массовую рабочую и военную обувь. А также и повседневную. К тому же она гораздо легче в обработке. И, кстати, кирзу изготовили и придумали в России. Это сделал химик и инженер Иван Плотников. То есть... сначала ее придумал Поморцев, еще в девятьсот четвертом, но его продукт был с довольно большими недостатками – боялся мороза, высыхал и ломался и так далее, а Плотников сделал вполне годный продукт, который использовался до конца века.

– В России?

– Ну да... – Алекс смутился. – Й-а-а... у меня... ну то есть эта страна сейчас... то есть в будущем называется Российской Федерацией. Ну после распада Советского Союза...

– Значит, Советский Союз действительно распался? – тихо произнес Сталин.

– Да... – пробормотал Алекс, кляня себя за длинный язык. Вот ведь идиот... Сталин некоторое время молча сидел, уставив взгляд в одну точку и стиснув губы так, что они вытянулись в одну нитку, но затем, судя по всему, сумел-таки овладеть собой. Потому что он развернулся к Алексу и, растянув губы в несколько виноватой улыбке, произнес почти спокойным голосом:

– Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне об этом поподробнее. Но не прямо сейчас. Я думаю, будет правильным, если вы сначала закончите с тем, что вы для нас приготовили, а потом поговорим о других вещах. Если у вас останутся силы...

– Да-да, конечно, – торопливо закивал Алекс и принялся объяснять: – Я понимаю ваше удивление. Но дело в том, что эти технологии специально были подобраны исходя вот из каких экономических и технологических соображений. Для начала, они вполне доступны для освоения уже сейчас. То есть для них уже существуют или могут быть произведены все необходимые системы и оборудование. Нет, не обязательно в Советском Союзе... но в принципе существуют или могут быть сделаны. В некоторых папках на последних страницах есть перечень компаний, у которых все это можно заказать, причем с конкретными марками и моделями. А по некоторым проектам, кроме того, имеются и предложения по финансированию. То есть какие банки и по каким причинам могут дать кредиты под закупку продукции конкретных фирм, с которыми они как-то аффилированы. Ну или, скажем, какие банки в данный момент просто ищут возможности для инвестирования и потому, вероятно, могут быть более благосклонны к подобным предложениям. – Вот эти разделы он восстановить почти не сумел. Дай бог десятую часть от того, что было изначально. Но тут уж ничего не попишешь – данная информация была слишком уж конкретной...

– В будущем архивы будут настолько более доступны? – удивленно поинтересовался хозяин кабинета. Алекс широко усмехнулся.

– Да, они все будут общедоступны... В Сети чего только нет. Я вон не только биржевые сводки нашел, но и понедельные таблицы изменения температур по большинству регионов страны.

Сталин удивленно покачал головой, но промолчал. Поэтому парень продолжил:

– Но это еще не все. Дело в том, что изготовленные с помощью этих технологий товары ценны тем, что они смогут изрядно поправить финансовый баланс между, так сказать, городом и деревней... Сейчас промышленность производит довольно мало товаров, востребованных крестьянином, поэтому крестьянам не очень-то и нужны деньги. Нечего на них покупать. И потому они не слишком заинтересованы в продаже выращенного ими продовольствия. А это тормозит всю цепочку – город, то есть промышленность, живет впроголодь, денежный оборот скудный и на внешнем рынке торговать нечем. Если же наладить производство этих товаров, то... – Тут Алекс осекся, поймав насмешливый взгляд своего визави.

– Вы думаете, что мы этого не понимаем? Или что ничего в этом направлении не делаем?

– Да нет, что вы – я совсем так не думаю! Тут дело совершенно в

другом. Понимаете, эти технологии... они еще и подобраны... ну как бы это объяснить... Вот – они как матрешки! Во-первых – внешняя и самая заметная матрешка состоит в том, что произведенные с их использованием товары имеют намного более выгодное соотношение вложенной и полученной стоимости. То есть если делать те же вещи с помощью используемых сейчас технологий, то продукцию, на производство которой был затрачен рубль, можно продать за, скажем, рубль тридцать, а по предлагаемым мной технологиям на рубль уже получится три с половиной, а то и пять рублей...

– То есть если посчитать немножко по-другому, – мягко уточнил Сталин, – сейчас ее хватает одному из десяти, а по вашим технологиям – уже трем?

– Ну или так, – согласился Алекс. Ну да, ну да, извечный советский дефицит. Мама рассказывала... – Приблизительно... Но это еще не все. Есть и вторая матрешка. Эти технологии являются основой, фундаментом для других. То есть они создают заделы, на основе которых потом куда легче будет осваивать другие, более сложные технологии. Например, то же производство иглодок позволяет подготовить персонал и оборудование для освоения производства часов, жиклеров, форсунок, взрывателей для снарядов, наконец... Кирза – создать рынок сбыта и соответственно наращивания производства для корда, который потом очень пригодится при разворачивании массового производства шин. Мототелега поможет...

– Мототелега? – поймал Сталин новое слово.

– Ну-у... да, – смутился Алекс, – мы так обозвали трицикл Гуцци. Он по грузоподъемности приблизительно соответствовал телеге, технологически же был очень прост и примитивен. Так вот, мототелега позволит: а) расширить предложение промышленных товаров, интересующих деревню; б) в процессе производства подготовить персонал, способный впоследствии освоить производство куда более сложных изделий, вплоть до тракторов, автомобилей и самолетов; и в) в процессе пользования им очень много людей получают навыки обращения и обслуживания техники. А это в случае мобилизации резко увеличит мобилизационный потенциал для технических видов вооружения – танков, самолетов, артиллерии, войск связи, флота и так далее. Причем подчеркиваю – без дополнительных затрат со стороны государства. Более того, когда мототелега станет популярной, можно будет не только зарабатывать на их продаже, но и вернуть часть издержек, оказывая платные услуги по обучению обращения с ней. Ведь сначала, как вы понимаете, их нужно будет сделать бесплатными. А то никто покупать не

будет...

– Вы сказали «мы»? – уточнил Сталин, бросив на него быстрый взгляд.

– Ну-у... да, эти материалы готовила группа лиц, – кивнул Алекс, кляня себя за оговорку. Он сделал ее потому, что большую часть тех материалов, что он передавал сейчас, подготовили «кружковцы». Ну в рамках тех самых «умственных упражнений»... Ну и что теперь делать? Сказать, что оговорился? Так не поверит... Решит, что что-то скрываю. А с другой стороны – ну и что? Быть представителем некой организации куда солидней, чем одиночкой... Ладно, попробуем сделать вид, что это была не оговорка. Парень принял несколько более солидную позу и внушительно произнес: – Но я не уполномочен раскрывать ее состав. Цели же этой организации я изложил еще в начале разговора.

Хозяин кабинета окинул гостя задумчивым взглядом, после чего спокойно кивнул:

– Понятно. Продолжайте... – и тут же спросил: – А кто такой этот Гуцци?

– Это итальянский механик и изобретатель. Он со своим партнером Джорджио Пароди вот буквально два года назад создал свою компанию и начал производство мотоциклов. А этот трицикл он построит в тысяча девятьсот двадцать девятом году. Мы выбрали его потому, что, во-первых, это была весьма простая конструкция, то есть особых трудностей в освоении не предвидится, и, во-вторых, еще и удачная. Этот трицикл производился без особо принципиальных изменений аж до семидесятых годов.

– То есть пока трицикла еще нет?

– Да пока, считай, ничего нет из того, что я привез... А вот двигатель для него Гуцци уже производит. Ну не совсем для него, а для гоночного мотоцикла, но основа мотора одна и та же. Дефорсировать и чуть изменить конструкцию в соответствии с чертежами – и все. Двигатель, кстати, производился и до восьмидесятых. С изменениями, конечно, но небольшими. Даже размерность не поменялась. Как была изначально восемьдесят на восемьдесят два миллиметра – так и осталась.

Сталин задумчиво кивнул.

– Хорошо. Что еще?

– Синтетический каучук. Тут у меня технология, которая была разработана в тысяча девятьсот тридцать четвертом году русским химиком Сергеем Лебедевым. Конечно, со всеми последующими улучшениями...

– Это та, которую вы собираетесь запатентовать? – проявил осведомленность собеседник.

– Нет, патентую я другую. Но для нее нужны катализаторы на основе титана. А когда он появится на рынке в промышленных масштабах – непонятно.

– Хорошо, – кивнул Сталин. – Что еще?

– Примусы.

– Примусы? Вы полагаете, что мы не способны без посторонней помощи освоить производство примусов? – несколько зло усмехнулся хозяин кабинета.

– Да нет, конечно, – снова смутился Алекс. – Просто... мы на примере этого изделия хотели показать принципы рациональной организации производства. То есть здесь предлагается не столько некая новая и совсем уж передовая конструкция, нет, здесь новизна в том, что для производства этого продукта используется, так сказать, технологическая линия, которая позволит производить приблизительно в шесть-девять раз больше продукции на одного работающего, чем при той организации производства, которая существует сейчас. При том же самом оборудовании. Ну то есть не абсолютно идентичном... Каких-то станков будет больше, каких-то, наоборот, меньше, а какая-то технологическая оснастка будет совершенно новой и ранее не использующейся, но их основная номенклатура будет практически той же самой. И, кстати, после небольшой модернизации и расширения эта линия впоследствии позволит изготавливать гораздо более сложную продукцию, например карбюраторы, ШРУСы, коробки передач или, там, двигатели для торпед. А примусы... ну-у... просто я прочитал, что они всю дорогу были жутким дефицитом. До самой Второй мировой...

– Второй мировой? – вскинулся Сталин. – Когда? И с кем?

А Алекс досадливо прикусил язык. Вот какого черта опять ляпнул... Хотел же только чуть подвинуть технологическое развитие, чтобы все вернулось на круги своя... Вот уж воистину, как это говорилось в одной дурацкой рекламе, лучше жевать, чем говорить...

– С фашистами, – досадливо пробурчал он.

– С итальянцами? ^[77] – изумился Сталин.

– Почему с итальянцами? – не понял парень. – То есть и с ними тоже, но в основном с немецкими фашистами. Они захватят Польшу, Францию, всю Скандинавию, да и вообще всю Европу, а у нас дойдут до Москвы и до Волги.

– Вот как... – задумчиво произнес Сталин. Его собеседнику было невдомек, что в данный момент Германия считалась самым вероятным кандидатом на то, чтобы стать очередным социалистическим государством – там был самый развитый и многочисленный рабочий класс, идеи

социализма были весьма популярны, а коммунисты сильны и сплочены. Да и вообще, сотрудничество с Германией после Генуэзской конференции развивалось очень хорошо. И тут такая новость... – Хорошо, об этом тоже поговорим позже. Что-то еще?

– Да. Технология производства лезвий для безопасных бритв.

– Тоже «матрешка»? – уточнил хозяин кабинета.

– Ага, – облегченно закивал Алекс. Похоже, ему удалось заинтересовать Сталина. Черт, из потерянных материалов он восстановил менее трети, да и то в крайне урезанном виде. А ведь там были очень важные «кирпичики», например то же производство цемента по полумокрой технологии, с которым в СССР всю дорогу, аж до самого его распада, был жуткий дефицит. Про цемент он сумел вспомнить дай бог десяток-другой фраз. Но тут уж ничего не попишешь. Что есть – то и есть. Другого взять неоткуда.

Так что от Сталина парень вернулся окрыленным. А ночью за ним пришли...

– Заходи. – Алекс отлип от стены и вошел в камеру. Нары уже были откинuty, так что он дождался, пока охранник запрет дверь, после чего осторожно присел. Цепи, которыми нары крепились к стене, жалобно скрипнули. Да уж, древность... наверное, в этой камере еще декабристы сидели. Или они сидели в Петропавловке?

Все его предположения о том, какие именно сведения в первую очередь требуются «молодой Советской республике», пошли полным прахом. Как выяснилось, технологии им вроде как и не были особенно нужны. Во всяком случае, те, которые привез Алекс. Потому что большая часть вопросов, которые парню задавал допрашивавший его огэпэушник – дюжий мужик, одетый в полувоенную форму без знаков различия, – была вовсе не о технологиях, а в первую очередь о людях. Причем по большей части не об иностранцах, а о местных. В основном о партийных соратниках Иосифа Виссарионовича. О Дзержинском, Ленине и дате его смерти, Троцком, Бухарине, Каменеве, Зиновьеве и еще туче других, о которых Алекс не то что не имел никакого представления, но и вообще не слышал. Да он и о тех, о ком слышал, ничего особенно рассказать не смог. Ну не интересовался он никогда внутрипартийными интригами и борьбой группировок внутри партии большевиков в двадцатые-тридцатые годы двадцатого столетия. В Райхе же этот период освещался крайне скудно. Там больше мазали грязью государственных деятелей СССР более позднего периода – предвоенного и военного... Вследствие чего о персоналиях этого времени он чаще всего помнил либо что-то анекдотическое, типа того, как

академик Крылов, прибывший в Бизерту, чтобы убедить французов отдать Советской России последний оставшийся на плаву линкор-дредноут типа «Императрица Мария», своей лекцией перед сопровождавшими его французами о его превосходных боевых качествах, наоборот, отбил у них всякое желание это делать, либо нечто героическое, типа гибели Чапаева и подвига Зорге... Ну и, кроме того, спрашивали и о событиях. Были ли еще в СССР мятежи подобные Кронштадтскому ^[78] или антоновщине?^[79] Нападали ли на СССР белополяки или белофинны? О каких выступлениях революционного европейского пролетариата он слышал? Когда и как началась очередная мировая война? Во всем этом Алекс плавал хуже двоечника на контрольной по физике... Слава богу, в саквояже нашлась автобиография Троцкого, изданная в Берлине в тысяча девятьсот тридцатом году, которую «кружковцы», вероятно, сперли из какого-то закрытого фонда какой-нибудь университетской библиотеки. Она ходила по рукам в кружке, и Алексу выдали ее «для изучения», он ее так до конца и не домучил. Неинтересно ему было... На одном из первых допросов удалось откупиться ею. А вот потом он ничего внятного огэпэушнику сказать не смог. До тех пор, пока тот его не «престимулировал»...

* * *

Алекс сморщился и осторожно потрогал налившийся под глазом синяк. Вот ведь сука... И ведь не скажешь, что зверь какой или там кровавый палач. Не со злобы бил или там от истерики. Именно что стимулировал. Парень понял это совершенно точно. Потому что тот бил, как работал. И сразу же прекратил, как информация пошла. А она пошла, хоть и крайне скудным ручейком. Потому что, когда тебе вот так прилетает, сразу память ой как лучше работать начинает... На этом, кстати, все методики полевого допроса построены. А еще есть в русском языке такая поговорка: «В ногах правды нет». Знаете, откуда она взялась? Из Разбойного приказа. Каты придумали. Считалось, что когда допрашиваемого на дыбу вешают, то пока он еще на ногах стоит – его спрашивать бесполезно. Врать и юлить будет. А вот когда его вздернут хорошенько, да так, чтобы руки из плеч вывернуло и он на этих ручках повис, земли не касаясь, – вот тогда можно уже и вопросы задавать... Слава богу, те времена прошли давно. А то он бы в первые полчаса сдох. Вряд ли больше выдержал...

Алекс осторожно лег на спину. Синяк под глазом был не один – телу

тоже досталось. Он прикрыл глаза. Что ж, стоит констатировать, что задачу вернуть историю в прежнее русло он, пожалуй, выполнил далеко за сто процентов. С планами в отношении себя – облажался, а насчет СССР точно перевыполнил. После той информации, что из него выжали в ОГПУ, СССР должен не только выиграть войну, но и вообще дойти до Ла-Манша. Слава богу, еще об атомном оружии ничего не сказал. Да и то потому – тут Алекс мысленно усмехнулся, – что не спрашивали... Нет, об оружии будущего вопросы были. И довольно много. Но больше про новые пушки-танки-пулеметы-самолеты. Еще о газах спрашивали. Но тут Алекс был не очень копенгаген. Вроде как после Первой мировой отравляющие вещества на полях сражений больше не применялись. Ну или применялись очень ограниченно. Слышал он что-то об Аджимушкайских катакомбах... Но ведь это же не поля сражений, не так ли? Парень вздохнул. С СССР-то понятно, а вот что с ним будет? Забьют в попытке выжать из него «еще капельку» информации или просто расстреляют? Сколько он уже здесь – две недели или больше? Совсем со счета сбился. Последние пару дней допросы шли уже как-то спокойно, по инерции. Новых вопросов по итогам предыдущих допросов появлялось все меньше. Да и реакция на отсутствие ответов была намного менее жесткая. Его даже бить уже на допросах перестали. Так что синяки начали подживать...

В этот момент из коридора послышались какие-то голоса, а затем вновь загремели ключи. Алекс рывком сел, зашипев от прострелившей избитое тело боли. Дверь с грохотом распахнулась. Алекс испуганно сглотнул. Неужели все...

– Добрый день, товарищ Штрауб.

Парень сначала вздрогнул, настолько он отвык от своей родной фамилии, а потом сжался. Не столько от испуга, сколько от внезапно вспыхнувшей надежды. Ведь, для того чтобы его расстрелять, нет необходимости заявляться к нему в камеру самому товарищу Сталину? А если он здесь, то-о-о...

Стоявший перед ним будущий тиран и диктатор тяжело вздохнул.

– Я должен извиниться перед вами. То, что с вами случилось, – результат наших внутрипартийных разногласий. Некоторые товарищи очень заинтересовались тем, что вы так настойчиво искали встречи со мной, и решили... Впрочем, в ваших глазах это никак никого из нас не оправдывает. Должен вам сказать, что сразу после того, как я получил всю необходимую информацию, я сразу же приехал сюда, чтобы принести вам свои извинения и немедленно вас освободить. Идемте...

Алекс со всхлипом вздохнул и, поднявшись на ватных ногах, двинулся

к выходу из камеры. Черт, неужели... А что, вполне может быть. Как он успел узнать из газет и бесед с тем же Воровским, у них тут в партии как раз сейчас шло суровое рубилово за влияние – группировка Зиновьева – Каменева – Сталина вовсю бодалась с группировкой, сплотившейся вокруг Троцкого, и в средствах обе они не особенно стеснялись. Ну да после такого жизненного опыта, каковой большевики приобрели во время Гражданской войны, это было немудрено. Массовые расстрелы, причем как врагов или там заложников, так и своих (что было вполне объяснимо, потому что как иначе привести в боеспособное состояние разложенную ими же самими за время той войны, которая ныне именовалась Империалистической, армию), массовые убийства сдавшихся в плен [\[80\]](#) и все такое прочее очень, знаете ли, раздвигают рамки возможного и допустимого и сильно меняют представление о честном и нечестном. Да и с чего он взял, что его допрашивал именно огэпэушник? У него же не было никаких знаков различия... Так что вариант, изложенный Сталиным, вполне имел право на существование. И что это означает лично для него? Жизнь? Скорее всего – да! Свободу, хм... вряд ли. Ни Сталин, ни, паче чаяния, Троцкий никогда не выпустят из своих рук контроль над тем, кто способен управляться с такой плюшкой, как портал в будущее. Но это же только до того момента, пока он вновь не шагнет в портал...

Глава 14

– Я все понял, герр Хубер. Не волнуйтесь, все будет сделано именно так, как вы хотите. – Морис Циммерман кивнул и покосился на дюжего молодца, нагрузившего своей могучей фигурой один из хлипких венских стульев, стоявших в его приемной, которая была видна из кабинета сквозь стеклянную перегородку.

– Я рад, что вы наконец проявили благоразумие и озаботились собственной безопасностью. Мне бы не хотелось терять столь перспективного клиента.

– Благодарю вас, герр Циммерман, – вежливо улыбнулся Алекс. – Как вы смели заметить, я рано или поздно всегда следую вашим советам.

– Да уж лучше бы пораньше, герр Хубер, – усмехнулся патентный адвокат, – тогда бы у вас на лице не появлялись украшения, подобные тем, что я видел во время нашей прошлой встречи.

«Эх, знали бы вы, откуда они там появились на самом деле, герр Циммерман», – с легкой усмешкой подумал парень...

Из СССР он вернулся буквально через неделю после того, как его выпустили из... хм... застенков. Но не один, а с охраной, предоставленной ему Сталиным. Тот сообщил, что, по информации ОГПУ, в белоэмигрантских кругах есть настроения непременно отомстить «герру Хуберу» за убийство их соратника. Новостью это для Алекса не было, но он прекрасно понял, что охрана будет ему еще и конвоем...

Его отпустили проконтролировать строительство дома и выделить очередной транш архитектору, а также заказать некоторые детали и оборудование для экспериментальной установки по производству синтетического топлива по запатентованному им процессу. Установку собирались строить неподалеку от Москвы, в районе Богородицка, где залегал приличный пласт бурого угля. Ну кто справится с подобным лучше разработчика технологии?.. Впрочем, «охрана» всю дорогу вела себя вполне корректно. Так что, кроме общего не очень приятного ощущения «подконвойного», никаких иных трудностей с ней не было. Более того, когда во время пересадки в Берлине Алекса попытались ограбить, охрана сработала на все сто. Но ощущение «подконвойного» от этого никуда не делось...

Удрать Алекс не пытался – информацию о точном расположении портала из него выбили одной из первых. Как и дату перехода. Так что

попытка скрыться была по большому счету бесполезна. Сделают засаду и перехватят. Или надо было отказываться от возвращения в будущее и принимать решение навсегда оставаться в этом времени, после чего кардинально менять внешность, документы и страну проживания. Да и, пожалуй, профессию тоже. Потому что его нынешние «визави» не настолько глупы, чтобы после его исчезновения не начать внимательно отслеживать все новые патенты в области химии. То есть наиболее вероятный вариант разбогатеть тоже накрывался медным тазом. И вариант действовать через подставное лицо не прокатил бы. Господа большевики обладали как большим опытом в области нелегальной деятельности, совершенно точно способным облегчить им поиски любого скрывающегося от кого бы то ни было, так и весьма разветвленной сетью друзей, соратников и агентов по всему миру, объединенных и подконтрольных структурам Коминтерна, штаб-квартира которого, как известно, находилась в Москве. А если еще учесть, что лидером этого самого Коминтерна является один из «триумvirата» – господин-товарищ Зиновьев, то вообще без шансов. Жить же в этом времени, прозябая и перебиваясь случайными заработками, – брр, нам такого не надо... И как-то противостоять этому можно было только в том случае, если со стороны Алекса будет играть не менее могучая сила, чем СССР вкупе со всем международным коммунистическим движением. Но кто мог сказать, что эта сила окажется для него хотя бы в чем-то лучше, а не хуже? Так что он решил последовать советам психологов, которые они дают потенциальным жертвам изнасилования: если ты не можешь никак повлиять на ситуацию – значит, расслабься и попытайся получить удовольствие. Тем более что все это продлится только до того момента, пока он не шагнет в портал...

Версию о том, что его арест инициирован какими-то противниками Сталина, Алекс по зрелом размышлении отверг. Потому что те вопросы, с которых начался его самый первый после ареста допрос, были точно сформулированы на основе именно тех сведений, которые парень сообщил будущему вождю и диктатору после того, как закончил со своими папками. Более того, они прямо вытекали из них... Но, к собственному удивлению, отреагировал он на подобный вывод достаточно спокойно. Эти люди в настоящий момент вели жесткую борьбу за выживание, причем физическое. Только-только возникшая страна после всех обрушившихся на нее потрясений была еще настолько слаба, что над ней дамокловым мечом висел страх поражения в войне, с кем бы вы подумали – с Польшей и Финляндией! Да-да, самыми серьезными врагами молодого Советского государства в настоящий момент считались именно «белофинны» и

«белополяки», представлявшие собой всего лишь пару отколовшихся провинций бывшей Российской империи. Причем одну войну с Польшей Советская Россия уже однажды проиграла – два года назад, потеряв на западе обширные территории (именно этим, кстати, и объяснялась столь близко расположенная к Минску граница) и согласившись на выплату огромных репараций в виде тридцати миллионов золотых рублей и имущества еще на восемнадцать миллионов оных. Что для разоренной двумя тяжелейшими войнами страны было почти неподъемным бременем... Так что то, что ребята буквально зубами вцеплялись в малейший шанс получить хоть какое-то преимущество, было вполне объяснимо. Что же касается несправедливости лично к нему..., а где он ее видел-то, справедливость? В тех играх, в которые он вляпался по собственному скудоумию, даже понятия подобного не существует. Или ему еще и на Обервеера дуться начать?

Так что, обдумав все это, Алекс несколько успокоился. Если его не убили до сих пор – значит, поверили, что пройти через портал живым может только он один, и хотят использовать. Так что пока парень может считать себя в относительной безопасности. И даже под охраной... Шутка. А впрочем, в свете тех угроз, которые поступали в его сторону, еще когда он был в Швейцарии, а также той информации, что озвучил ему Сталин, наличие рядом нескольких вооруженных людей представлялось вполне разумным.

То, что слова Сталина имели непосредственное отношение к действительности, выяснилось почти сразу же по приезде. Уже через пару дней после его возвращения в Швейцарию в одной бульварной парижской газетке, близкой к белоэмигрантам, вышел материал, озаглавленный: «Убийца вернулся». Эту газетку ему презентовал герр Циммерман, когда Алекс заехал к нему после осмотра строительной площадки и общения с архитектором. Охрана в тот момент с ним не пошла, заняв позицию в уличной кафешке, напротив входа в адвокатское бюро. Старший группы «товарищ Вернер» настаивал на том, чтобы сопровождать его на эту встречу, но парню удалось настоять на своем, поскольку он так и не смог придумать, как залегендировать их присутствие рядом с ним. Адвокат обладал немалым житейским опытом и отличался изрядной проницательностью, а также повышенной инициативностью. То есть что там ему может прийти в голову, если он увидит за спиной Алекса громилу с пистолетом под мышкой, – предсказать было нельзя. Парню же, как и его нынешним... хм... партнерам, никаких лишних проблем, которые могли возникнуть от подобного сочетания, было не нужно.

– Хм, похоже, мое предупреждение уже запоздало, – заявил герр Циммерман, протягивая ему газету.

– О чем вы?

– Об этом, – адвокат указал на его уже пожелтевшие синяки. – Они все-таки до вас добрались.

– Это – да, добрались... – слегка поморщившись, согласился Алекс. Хотя он был уверен, что они с герром Циммерманом сильно расходятся в понятии того, кто именно эти самые «они». Адвокат же в ответ понимающе кивнул и продолжил:

– Хотя, я вижу, ваши враги все-таки прислушались к голосу разума и не стали воплощать свои наиболее радикальные угрозы.

Прежний Алекс совершенно точно удивленно воззрился бы на собеседника, после чего простодушно спросил бы:

– О чем это вы?

– Но теперешний только лишь неопределенно хмыкнул и уткнулся в протянутый газетный листок, решив сначала разобраться, о чем речь, в чем ему, несомненно, должна была как-то помочь презентованная пресса, и только потом продемонстрировать реакцию.

– И все-таки я бы вам посоветовал непременно нанять надежную охрану, герр Хубер, – продолжил Циммерман, неодобрительно покачивая головой. – Эти люди прошли через гражданскую войну, а это война, когда брат убивает брата, сын – отца, а женщин, детей и стариков режут как куриц. Поэтому все моральные нормы у них разрушены полностью. И они способны на любое преступление. Даже на убийство!

Алекс снова неопределенно хмыкнул, цинично заметив про себя, что вот и нарисовалась возможность залегендировать охранников, после чего кивнул.

– Да, герр Циммерман, несомненно, вы правы...

И вот сейчас он появился в конторе уже вместе с охранником. Оставить кое-какие распоряжения перед отъездом. Потому что время, отведенное на пребывание в Швейцарии, истекло, все дела закончены, и ему нужно было возвращаться в Советскую Россию. Его отпустили из страны именно на таких условиях... Впрочем, Алекс был не очень-то и против подобного развития событий. Ну что ему остается здесь – сидеть под охраной и дожидаться достройки дома в компании четырех дюжих охранников, лишь изредка совершая выезды по текущим делам, а после окончания постройки – заниматься тем же уже в этой глуши? Тем более что вокруг его персоны начались какие-то неприятные шевеления. «Товарищ Вернер» сообщил, что заметил слежку, а хозяин квартиры, которую Алекс

снимал в Люцерне, сообщил, что к нему наведалься некий непонятный тип с неприятным взглядом, который очень подробно расспрашивал его о той самой квартире, которую он сдавал Алексу. Вроде как он хочет эту квартиру снять – после того как ее освободит прежний постоялец... Алекс даже расстроился. И с какого хрена он вляпался в эти игры со стрельбой и убийствами? Ведь можно было бы придумать и какие-то менее вызывающие способы выйти на руководство СССР. Или вообще на него не выходить. Письмо, например, отправить, и все. А уж там будь что будет. Так нет же – втемяшилось в голову, адреналина захотелось, все проблемы одним махом решить – вот и влип... Как бы там ни было, в свете всего этого идея вернуться в СССР и пересидеть там оставшееся до перехода время теперь представлялась более осмысленной. К тому же за помощь в строительстве и наладке экспериментальной установки ему обещали довольно щедро заплатить. Причем золотом – новенькими «сеятелями» [\[81\]](#), которые Алекс собирался взять с собой в будущее. На первоначальное обустройство. Ведь если во время предыдущего перехода он надеялся вернуться именно в свое прошлое будущее, где его документы, наличка и кредитки должны были оказаться вполне в тему, то сейчас Алекс был практически уверен, что будущее снова изменится и уже будет мало похоже и на тот вариант, из которого он провалился изначально, и на тот, из которого пришел сейчас... А золото есть золото, и оно для него в том новом будущем будет совершенно точно не лишним. Тем более в таком, весьма «раритетном» виде. Ибо, несмотря на то что «сеятели» начали выпускать только в этом году, уже вовсю шли разговоры о том, что в связи с тем, что эмитирующая эти монеты страна теперь называлась не РСФСР, а СССР, выпуск «сеятелей» в подобном дизайне скоро будет прекращен. Вследствие чего подобная монета совершенно точно в будущем будет считаться большой редкостью... Ну и, кроме того, в СССР у него появилась возможность получить еще и интересный опыт в профессиональной области. Потому что весь его профессиональный опыт пока был ограничен работой в лаборатории нефтеперерабатывающего комбината концерна OMV, ну и, считай, такой же работой в лаборатории баканализа управления перемещенного персонала Райха. Во время же контракта с BASF его обязанности ограничивались почти исключительно функциями консультанта. У немцев было достаточно квалифицированного персонала как на высшем, так и на среднем и низшем уровнях. В отличие от русских, у которых с квалифицированными работниками, наоборот, было все очень плохо. И Алексу приходилось быть, как это говорится в пословице, и швецом, и жнецом, и на дуде игрецом...

Выйдя в приемную, Алекс кивнул уже поднявшемуся со стула при виде его охраннику и двинулся наружу.

«Товарищ Вернер» встретил его вопросительным взглядом. Он вообще был весьма молчаливым типом. Как, впрочем, и остальные охранники Алекса. Похоже, этот «Вернер» подбирал их под стать себе. Все четверо совершенно точно были не русскими, но европеоидами, причем северного типа. То ли немцы, то ли финны, а может, и вообще те самые пресловутые «латышские стрелки» ^[82]. Двое, в том числе и «товарищ Вернер», – прям настоящие арийцы, как на тех плакатах, что так намозолили Алексу глаза за тот год, что он провел в Райхе. Статные, голубоглазые, белокурые... Еще один по стати был почти таким же, но по колеру – кареглазым шатеном. Третий... третий был рыжим. И мелким. Этаким живчик, постоянно гоняющий во рту спичку и лыбящийся окружающим. И тоже молчаливый, хотя ему-то это как раз совершенно не шло...

– Все, можем ехать, – ответил Алекс на немой вопрос старшего из своих охранников. «Товарищ Вернер» кивнул и, легко поднявшись, пристроился на свое обычное место – слева от Алекса и чуть сзади. Еще один из «арийцев» выдвинулся шагов на двадцать вперед. Живчик же с шатеном оттянулись на несколько шагов назад. Именно подобный порядок передвижения и позволил им перехватить и успешно нейтрализовать тех громил на Берлинском вокзале. Так что теперь он стал для них, считай, стандартным...

* * *

Следующие несколько месяцев после возвращения в СССР Алекс провел весьма плодотворно. И, к его удивлению, с удовольствием. Нет, охрану/конвой ему не убрали. Но он уже как-то к ней привык. Зато условия для работы ему создали просто райские... Для проживания ему выделен довольно ухоженный дом на Якиманке. Дом был построен в этаким купеческом стиле, то есть с первым кирпичным и вторым деревянным этажами. На втором этаже Алекс оборудовал лабораторию, причем не столько по необходимости, сколько, так сказать, для души. Кроме того, ему выделили кухарку и домработницу, а также автомобиль с водителем. Ну и полностью взяли на себя все заботы по снабжению. Так что он мог полностью сосредоточиться на работе и исследованиях... С работой тоже все было неплохо. Нет, неразберихи и косяков хватало, но подавляющее большинство их решалось буквально по мановению волшебной палочки.

Стоило только поднять телефонную трубку... Так что экспериментальная установка по производству моторного топлива из бурых углей Подмосковского угольного бассейна заработала уже в декабре. А в конце января вышла на полную мощность.

Кроме того, Алекс по просьбе Сталина пообщался с советскими химиками. Хотя... советскими их пока можно было назвать весьма условно. Потому что они выросли, получили образование и состоялись как профессионалы еще в Российской империи... Но все равно для Алекса они были живой легендой – Сергей Васильевич Лебедев, который чуть позже создаст в стране массовое производство синтетического каучука, Иван Михайлович Губкин, в институте чьего имени он учился, пока еще не уехавший в США Владимир Николаевич Ипатьев, которого Алекс немного ограбил (вместе с американцем Гудри), запатентовав одну из наиболее эффективных технологий каталитического крекинга, разработанную в тысяча девятьсот тридцать четвертом году именно Ипатьевым. Глыбы! А он с ними вот так запросто...

С Лебедевым Алекс, кстати, неслабо прокололся. Уж больно увлекся. Ну еще бы – на стене закрепленной за их группой университетской аудитории висел его большой портрет, а тут вот он сидит живой и внимательно слушает, что Алекс вещает... Так что у «молодого швейцарского химика» получалось, так сказать, как-то «фильтровать базар», не выдавая никаких пока еще неизвестных в этом времени, но вполне себе общеизвестных и даже банальных в будущем вещей, только первое время. Но когда речь зашла о проблемах синтеза искусственного каучука и Лебедев вступил в активную дискуссию – парня понесло...

– Но позвольте, откуда вы это знаете? – удивленно воскликнул Сергей Васильевич после его очередного пассажа, воинственно вскинув бороду. – Я пока не встречал ничего подобного вашему утверждению ни в одной из публикаций. А ведь это целый научный пласт! Да тут десяткам лабораторий на годы работы! А вы, молодой человек, так уверенно заявляете, будто...

Алекс смешался, начал что-то мямлить, юлить, но спустя минуту заметил, что Лебедев его уже не слушает, а над чем-то напряженно задумался. Парень замолчал, заробев, но еще через пару минут Сергей Васильевич внезапно воскликнул:

– Но если это так, то тогда совершенно понятно, почему у нас не идет стереорегулярная полимеризация. Тут же надо... – после чего Алекс счел за лучшее тихонько ретироваться. Но не помогло. Уже через три дня ему позвонил Сталин и настоятельно попросил вновь встретиться с Лебедевым.

Потому что тот буквально затерроризировал его просьбами вновь свести с «этим талантливым молодым человеком». И парень понял, что пропал. Так оно, кстати, и вышло. Вследствие чего, похоже, технологическое развитие СССР в этой реальности пойдет куда более быстрыми темпами. Как минимум в области химии...

Впрочем, несмотря на все, подобные разговоры приносили ему нескрываемое удовольствие. Потому что общение с умными, талантливыми и увлеченными делом людьми – это всегда удовольствие. Уж куда лучше этих унылых бесед черт знает о чем или дурацких интриг, которыми занимается то самое «общество», куда его так активно тащила эта дура мадемуазель Фавр... И вообще, жизнь «сталинского номенклатурщика» ^[83] ему неожиданно весьма понравилась. Да, со свободой здесь было не очень, но этой свободы он неплохо накушался еще в Австрии. Ну той, которую скорее можно назвать «никомуненужностью» и «никомунеинтересностью». А здесь он точно был нужен и интересен. И никаких проблем с бытом. Как и с востребованностью. Даже интрижку удалось завести. С одной машинисткой «из бывших». Хотя она сейчас изо всех сил старательно маскировалась под «пролетариат» – куря как паровоз, ругаясь матом и регулярно по-простонародному сплевывая, но в постели переходила на совсем не пролетарские «О боже, сударь мой!» и «О господи, Сашенька-а-а!». Да уж, похоже, женщины переходят на привычный язык не только когда рожают... Но главное все-таки было не в этом, а в том, как было организовано дело. Таких условий для самореализации Алекс до сего момента не встречал нигде и никогда. Ну еще бы – он занимался именно тем, чему учился, что ему нравилось и что у него получалось. Причем не отвлекаясь почти ни на что постороннее. Даже в Швейцарии ему приходилось отвлекаться – как-то крутиться, ловчить, браться за какие-то левые заказы, для того чтобы поправить финансовое положение, мотаться в Берн, тратя время на оформление патентов, участие в переговорах и торговлю с клиентами. В Австрии же он вообще работал над тем, что определял кто-то другой. А вот здесь, в СССР, он внезапно ощутил, так сказать, полную и незамутненную «радость творчества». Потому что здесь его не отвлекало ни-че-го! Ну как так-то?!

В феврале Алекс начал собираться назад. На этот раз он решил двигаться новым маршрутом – морем из только что переименованного Ленинграда ^[84] до Гамбурга, а затем поездом до Швейцарии. Уж больно ему не понравилось, как быстро в прошлый раз недоброжелатели узнали о его возвращении.

Перед самым отъездом Алекс имел прощальную беседу со Сталиным. Тот принял его довольно тепло, долго интересовался, как ему понравилось в СССР, и расспрашивал о планах. Алекс благоразумно заверил, что не собирается бросать столь увлекательные приключения, как перемещения во времени, и вежливо поинтересовался, нет ли у СССР желания получить из будущего нечто конкретное. Сталин заверил, что в СССР будут рады любому «подарку из будущего» и, несомненно, очень высоко ценят то, что он уже принес. Тем более что многое уже в работе. Например, геологическая партия, отправленная в Якутию, уже доложила об обнаружении первой кимберлитовой трубки. Да и с золотом намечаются очень серьезные и многообещающие сдвиги. Что же касается переданных технологий, то экспериментальная линия по производству кирзы уже работает... Так что – что Алекс и его соратники сами посчитают нужным, тому в СССР и будут рады. Вот если только еще какое-нибудь оружие... Все-таки к будущей войне надо готовиться. И чем раньше начать это делать – тем лучше. Да и сейчас вокруг первой в мире Страны Советов много недоброжелателей. И если в истории тех реальностей, которые Алекс уже имел возможность наблюдать, до самой Второй мировой на СССР никто по-серьезному не нападал, – не факт, что и сейчас все будет точно так же.

До своего свежестроенного домика Алекс добрался уже в первых числах марта. Сеньор Бонетти не подвел, сотворив маленький шедевр. Домик был небольшим, заметно меньше шале Хуберов, но очень уютным и каким-то... пряничным, что ли. Настоящей конфеткой! При этом внутри все оказалось обустроено так, как и запрошено – чистая нетронутая скала в качестве одной из стен, выровненный каменный пол, живописно укрытый мохнатыми шкурами, и пологий трап, поднимающийся к расположенной на высоте около метра над каменным полом двустворчатой входной двери. К которой снаружи, кстати, также вели не ступеньки, а еще один пологий трап. Внутреннее помещение первого этажа получилось достаточно обширным. Нет, ни железнодорожный вагон, ни «КамАЗ» сюда бы не поместился, но вот уже по поводу «Газели» Алекс был не так уверен. Впрочем, для него это уже было не актуально. Возвращаться он больше не собирался. Несмотря на все положительные эмоции, испытанные им в СССР за последние месяцы...

В ночь перед переходом Алекс спал довольно плохо – вставал, ворочался, пару раз проверил упакованные монеты. Уж больно много всего случилось за прошедший год. Причем совсем не так, как Алекс представлял, отправляясь в прошлое. Поэтому его бил мандраж насчет того, что и в будущем все могло пойти как-то наперекосяк. А то и раньше.

Вот в этот последний день. Хотя он вроде как сделал все, чтобы никаких косяков не случилось... Свой счет из Berner Kantonal bank он так и не перевел. Сначала ему казалось, что времени на это еще достаточно, а потом, когда он попал «под колпак», то решил, что та принципиальность банка, что так попортила ему кровь во время первого возвращения из прошлого, в нынешней ситуации будет к лучшему. Ведь если он не вернется через год, господа большевики вполне могут попытаться испортить ему всю малину, просто обнулив ему счет. И останется он там у себя, в будущем, с дыркой от бублика вместо круглой суммы. Так что пусть лучше он там понапрягается, вытаскивая деньги со счета, чем останется ни с чем. Слава богу, вследствие того, что после возвращения из СССР он ни разу не пользовался счетом, ничего, кроме названия банка, в котором он хранил свои деньги и в который должны были поступать выплаты по патентам, они не знали. Нет, не потому что Алекс оказался таким уж стойким и упорным, захотели бы – выбили, к бабушке не ходи! Просто ему повезло, что его личными финансами товарищи большевики заинтересовались уже в самом конце, то есть после того, как он сообщил, что через портал может ходить только он один. И, похоже, после того как было принято решение дать задний ход и попытаться установить с ним нормальные отношения. Так что особо сильно его по этому вопросу не давили. Поэтому если номер счета еще можно было найти, например, захватив и прессанув того же герра Циммермана, через которого и должны были осуществляться все перечисления по патентным выплатам, в том числе, кстати, и по советскому контракту, то вот с паролями и цифровыми кодами адвокат им ничем помочь не мог.

Уже под утро, когда Алексу удалось забыться тревожным сном, его разбудила чья-то рука, прикоснувшаяся к плечу. Парень испуганно вскинулся, но склонившийся над ним рыжий «живчик» накрыл рукой его рот, а другой приложил палец к губам. Алекс замер. Неужели его опасения начинают сбываться? Живчик прошептал:

– Семеро. Появились около часа назад. Долго наблюдали за домом, а сейчас подобралась вплотную и пытаются отжать окно кухни, – а затем добавил: – Наших я уже поднял. Все наготове.

Алекс медленно кивнул и выпустил воздух между стиснутых зубов. Ну вот почему с ним всегда так? Интересно, кто это? Хотя-я... кто еще это может быть, как не дружки убитого Конради. Выследили-таки... Странно, что так долго тянули? Он же в Швейцарии почти месяц. Или просто не захотели действовать в людных местах и дожидались, пока достроится дом и Алекс в него переселится? А может, помог новый маршрут. Впрочем, что

толку гадать...

Атака началась с того, что нападающие, так и не сумев отжать раму кухонного окна, просто разбили его камнем. Услышав звон стекла, «товарищ Вернер», занявший позицию на втором этаже, высунулся из окна и выстрелил из револьвера. Снизу раздался болезненный вопль и ругань на русском. И сразу же после этого в разбитое окно влетело две бутылки с керосином, заткнутые горящими фитилями из тряпок. После чего началась настоящая канонада. Алекс, с пистолетом в руке и с колотящимся сердцем, несколько раз выстрелил куда-то в темноту, в сторону, где ему показалось какое-то движение, но в том, что ему удалось в кого-то попасть, сильно сомневался. Скорее всего, нет. Потому что руки у него тряслись так, что он сейчас даже водкой в стакан промазал бы... Парень выстрелил еще раз и, судя по всему, опять безрезультатно, после чего разозлился на себя. Да что ж такое-то! Он же уже был под огнем. Ну когда за ним гнался Обервеер. И стрелять из пистолета тоже учился. Когда готовился к переходу. В тир ходил... И убивал тоже. Того же Конради. Так что же его так трясет-то? Ведь в книжках пишется, что мандраж только в первом бою... Алекс сглотнул и, упрямо стиснув зубы, высунулся из-за стены, собираясь на этот раз получше прицелиться и реабилитироваться. Ну хотя бы в собственных глазах.

– Вжю! – Алекс испуганно отшатнулся и присел, потому что пуля отколола щепку от стены прямо рядом с его щекой. Да ну на хрен! У него есть охранники – вот пусть и отрабатывают свою зарплату. Отдышавшись, он нервно хохотнул. Вот ведь никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Не было бы у него охранников-конвоиров – пристрелили бы его сейчас, как жирную утку... А с другой стороны, не застрелили он Конради – никто бы и не подумал на него нападать. Вот черт, парень, ты всегда мечтал о полной, насыщенной жизни, но она почему-то представлялась тебе чередой подвигов и побед, а на самом деле все оказалось совсем не так. Только и вляпываешься в дерьмо и выбираешься из него лишь чудом...

Схватка закончилась их победой. Не сказать, что пирровой, но... рыжий «живчик» и второй «ариец» перестрелки не пережили. Рыжик погиб первым, когда бросился тушить разлившийся из разбитых бутылок керосин и засветился на фоне пламени. Но благодаря его усилиям ущерб от пожара оказался небольшим. Обгорел пол, пара стульев, буфет и сгорела одна штора... А «арийца» они потеряли уже в конце, когда нападавшие стали отступать. Впрочем, нападавшим досталось больше. Те потеряли четверых, после чего поспешно отступили, бросив убитых. Выждав часа три, «товарищ Вернер» с последним охранником осторожно выбрались из дома,

чтобы убрать валявшиеся около дома трупы. Кто его знает, кого может принести даже в такую глушь. Особенно если в деревне или у Хуберов расслышали выстрелы. Им сейчас, перед самым переходом, только разборки с полицией не хватало... Хоронить пока никого не стали, сложили на пострадавшей кухне. Не было уверенности, что нападавшие не вернуться. А люди с лопатами, копающие могилки, – почти идеальная мишень. Там же, на кухне, положили и своих убитых. Из-за открытого окна там было довольно холодно, так что трупы не должны были быстро завонять...

День прошел... муторно. Когда стемнело, Алекс переоделся в скроенные по лекалам, куда больше отвечающим моде будущего, вещи и, велев не зажигать огня, устроился поближе к скале, с нетерпением ожидая, когда появится знакомое свечение. Ждать пришлось не слишком долго – часа полтора. Но в тот момент, когда он обрадованно восторженно, из-за его спины послышался негромкий голос «товарища Вернера», который холодно произнес:

– А теперь, господин Штрауб, сделайте, пожалуйста, шаг назад и замрите...

Глава 15

– С вас ровно девятьсот толаров [\[85\]](#).

Толстый потный пассажир недовольно зыркнул на Алекса, поджал губы, видно, собираясь сказать что-то неприятное, но затем молча выудил из внутренностей своего огромного пиджака, на взгляд парня, больше похожего на халат, весьма объемный бумажник и аккуратно расплатился. После чего Алекс еще около двух минут имел возможность наслаждаться, так сказать, «силовым и акробатическим представлением» под названием: «Извлечение огромной толстой жопы из салона автомобиля гольф-класса». Когда пассажир наконец сумел-таки покинуть слишком тесный для его туши автомобиль, напоследок раздраженно приложив дверью о проем, парень протянул руку к закрепленной на панели гарнитуре радиостанции и, нажав тангенту, коротко бросил:

– Тридцать шестой свободен. Я на Барагова, около университета.

– Приняла, тридцать шестой.

А Алекс откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза...

С переходом снова все прошло через, так сказать, задний проход. Ну прям карма какая-то...

Услышав голос, парень резко развернулся. «Товарищ Вернер» стоял у трапа, ведущего к входным дверям, направив на него пистолет и всем своим видом показывая, что, если его требование не будет выполнено, он готов мгновенно нажать на спуск. Алекс зажмурился, потом открыл глаза, сглотнул и сипло спросил:

– Что-о-о... зачем вы это делаете?

«Товарищ Вернер» улыбнулся одними губами и снова повторил:

– Сделайте шаг назад и замрите, – после чего добавил: – И поторопитесь. Как я понял, ваш переход в будущее будет активен не слишком долго.

Это заявление зародило в сердце Алекса слабую толику надежды... ну как минимум на то, что ему удастся-таки попасть за портал. Поэтому он, мгновение поколебавшись, решил не обострять и послушно шагнул назад, после чего замер, напряженно уставившись на главу своих охранников.

– Вернер, что ты делаешь? – встревоженно произнес второй из оставшихся в живых охранников. – Прекрати! Мы же должны его защищать... – но при этом он не сделал даже попытки потянуться к пистолету или еще как-то помешать своему начальнику.

– Замолчи, Янис, – резко отозвался «товарищ Вернер», – и держи руки так, чтобы я видел. Я знаю, что делаю... – после чего снова обратился к Алексу. – А вы, господин Штрауб, ме-е-едленно, без резких движений, не трогая пистолет, снимите с себя пояс с золотом и передайте мне.

Парень снова сглотнул, бросил отчаянный взгляд на второго охранника и растеряно начал:

– Но-о-о...

– СДЕЛАТЬ, Я СКАЗАЛ! – злобно рявкнул «товарищ Вернер». И Алекс, вздрогнув, начал поспешно расстегивать холщовый пояс, в который было загружено почти два килограмма золота.

После того как золото оказалось у него в руках, бывший старший охранник небрежно перекинул весьма тяжелый пояс через левое плечо и, подойдя вплотную к Алексу, упер дуло пистолета ему в лопатку, после чего коротко приказал:

– Теперь идем.

– Вернер, опомнись! – снова подал голос второй, однако при этом опять так и не предприняв ни единой попытки хоть как-то помешать начальнику.

– Заткнись, я сказал, – рыкнул тот. – Стой на месте, и никто не пострадает, – после чего пихнул пистолетом в спину Алексу: – Вперед, господин Штрауб.

Алекс с заледеневшим сердцем осторожно двинулся вперед. По идее, шаг в портал должен избавить его от подобного конвоя, потому что в прошлый раз Обервеер, проскочивший портал сразу вслед за ним, оказался на другой стороне уже мертвым. Но кто его знает, как оно все случилось на самом деле? Может, дело было не в портале, а в самом Обервеере. Ну слабое сердце у человека оказалось, а тут такой стресс... Или, например, портал не пускает никого, кроме Алекса, только в прошлое, а в будущее – хоть толпами ходи... С этими мыслями парень на подгибающихся ногах подошел вплотную к portalу, глубоко вздохнул и-и... шагнул вперед...

* * *

– Тридцать шестой – примите заказ!

Алекс встрепенулся и, протянув руку, нажал на тангенту.

– Слушаю, тридцать шестой?

– Войкова честа, семьдесят один. Пиццерия «Пирамида».

– Принял, две минуты, – отозвался Алекс, одновременно включая

поворотник и врубая передачу...

* * *

Портал не подвел! На другой стороне на Алекса рухнуло уже мертвое тело... вернее, его кусок. Потому что «товарища Вернера» разрезало порталом на две очень неравные части. Одна хм... треть упала на парня, буквально обдав его кровавым дождем, а остальное... остальное, похоже, осталось далеко в прошлом. Ну или внутри скалы... Алекс оттолкнул всю кровавые останки и зло выругался. Ну какого черта этому идиоту было надо-то? Из-за этого уroda опять все пошло через жопу! Хотя... он торопливо и кривясь перекапывал валявшийся кусок трупа и снова выругался. Вот черт – большая часть пояса с золотом также осталась в прошлом. В том жалком обрывке, который оказался на этой стороне портала, хорошо если десяток монет окажется. Алекс выругался в третий раз и бессильно опустился на... пол? Бли-ин... Он же в доме! А где хозяева? Ну которые нынешние? Почти сто лет же прошло... Хорош он будет, если они обнаружат его в таком виде – залитым кровью, рядом с куском трупа и с золотом в руках. Никакого дознания не надо – картина преступления вычисляется на раз! Но в доме было тихо. А когда Алекс немного огляделся, то понял почему.

Дом сгорел. Причем произошло это уже довольно давно. Не девяносто восемь лет назад, конечно, но лет десять с того момента точно прошло. А то и двадцать... Потому что часть обгоревших балок успела сгнить, вследствие чего часть крыши обрушилась внутрь, причем так, что завал напрочь перекрыл входную дверь. Так что никаких хозяев можно не опасаться. Если только какие бомжи случайно решили скоротать ночь в заброшенном доме. Ага, бомжи в Швейцарии в начале XXI века. Смешно... Алекс несколько минут посидел, отходя от всего произошедшего, а затем тяжело поднялся. Блин, надо срочно замыть кровь, а то она схватится, и тогда даже стиральный порошок не поможет. Тем более что у Алекса его и нет. Потому что появляться в залитой кровью одежде на людях – это сразу же вляпаться. А во что переодеться у Алекса не было. Опять-таки благодаря этому уроду «Вернеру». Ведь в саквояже у него было кое-что, собирался же, думал, планировал все – так нет, даже и не вспомнил про него под дулом пистолета... Алекс бросил на валяющиеся останки злобный взгляд и тяжело вздохнул. Ну почему у него всегда все идет так криво? Ведь не дурак же – готовится, распланирует все вроде как наилучшим

образом, и все равно – один хрен... Ладно, замяли. Главный насущный вопрос: где взять воду? На дворе, на минуточку, март, и сейчас уж ночь. То есть снега снаружи, скорее всего, нет, а лужи уже, возможно, замерзли. Задача...

* * *

На этот раз пассажирами оказались две молоденькие девчушки. Они выскочили из дверей пиццерии, о чем-то весело щебеча по-словенски с такой скоростью, что Алекс почти ничего не понял. Впрочем, когда он переспросил адрес, одна из них мило улыбнулась и повторила более четко и отдельно. Зато вторая обдала парня пренебрежительным взглядом и что-то шепнула подруге на ухо. После чего обе весело рассмеялись. Алекс криво усмехнулся и врубил скорость, трогая с места. А что делать – доля эмигранта горька. Тем более в *этом* времени и в *этой* Европе...

* * *

О том, как он корячился, сначала откалывая лед с обрушившихся конструкций крыши, который, похоже, сохранился там, потому что эти обломки оказались внутри дома, то есть в тени, потом растапливая его на каком-то ржавом железном листе, которым побрезговали те, кто основательно разграбил сгоревшие развалины, а затем отстирывая кровь получившейся жижей, можно было написать не то что поэму, но, вероятно, целый роман типа «Войны и мира». Результат оказался хреновым, то есть если считать за цель приведение одежды в более-менее приличное состояние. С другой стороны, несмотря на то что кровь до конца отмыть так и не удалось, на фоне той грязи и ржавчины, которой он загваздал одежду в процессе «стирки», она уже не так сильно бросалась в глаза. Так что, закончив свою полубессмысленную эпопею, Алекс, ежась от холода, натянул на себя еще мокрые тряпки и принялся прорываться наружу. Что оказалось не таким уж и легким делом. К дверям пробиться не удалось – их завалило намертво. Окна первого этажа также оказались недоступны. Так что пришлось карабкаться на второй этаж, что было весьма опасным занятием, потому что балки, на которых держался пол второго этажа, также дышали на ладан и угрожающе скрипели, грозясь обрушиться в любой момент, а потом осторожно вылезать из окна и спускаться по стене. До

самой земли спуститься не удалось. Где-то на высоте полутора метров Алекс оступился и шмякнулся вниз, как куль с навозом. Было больно, но, слава богу, он умудрился не повредить себе ничего серьезного. Если, конечно, не считать за серьезное основательно отбитый копчик.

До усадьбы Хуберов парень добрался часа в три ночи. К его удивлению, она оказалась окружена довольно высоким и глухим забором. Это в Швейцарии-то? Да тут вообще забор отыскать еще та задача. В лучшем случае низкий и прозрачный штакетничек или вообще три жердочки на паре низеньких столбиков... Впрочем, то, что построенный им дом уже долгое время находился в таком полуразрушенном состоянии, также наводило на невеселые мысли. Что же творится-то в этой, созданной во многом его усилиями реальности, что педантичные и аккуратные немцы (швейцарцы же тоже немцы...) не реагируют на столь режущую глаз разруху у себя под боком? Полусгоревший дом – это ж не живописные средневековые развалины, не правда ли?

На стук в калитку никто не отозвался. Алекс попробовал еще раз, потом еще и... обрадованно замер. Потому что после третьего раза невидимая за забором входная дверь заскрипела, а затем... по ушам гулко врезал грохот ружейного выстрела, и чей-то визгливый голос заорал:

– Und hier, geh, verdammt Rumänen, oder ich werde in den Kopf Schießen! [\[86\]](#)

Алекс рванул так, что только пятки засверкали. А что еще было делать? Появляться в таком виде перед тем агрессивным типом, попытавшись что-то объяснить? Ага, как же, станет он его слушать. В три часа ночи и в окровавленной одежде...

* * *

Следующий пассажир, которого он взял, оказался таким же, как и Алекс, эмигрантом. Но с Украины. Вернее, как он представился, «с Тернопольщины», что было вполне объяснимо, поскольку в этой истории Сталин, вероятно, сделав выводы из его рассказов, еще до войны реформировал СССР, сразу после получения всей полноты власти убрав все национальные образования. А после войны, ничтоже сумняшеся, присоединил все остальные страны, создав этакий СуперСССР, затеяв их основательную русификацию. Вот только СССР от распада это не спасло. Как и отсутствие Хрущева на высших партийных постах. Наоборот, едва только Сталин умер, сразу же начались брожения на национальной почве,

оформленные, кстати, как «возвращение к ленинской национальной политике». Вследствие чего национальные республики были довольно быстро восстановлены. Причем в куда большем, чем ранее, числе. Потому что, во-первых, под этой маркой всем автономным тоже были присвоены права союзных, чем была ликвидирована, как это было объявлено, «несправедливость по отношению к разным народам», и, во-вторых, все союзные республики были разделены еще на несколько... Это почему-то позволило Союзу протянуть несколько подольше – распад случился всего около трех лет назад, но зато распадался он куда более кроваво. Типа как Югославия – с гражданской войной, бомбежками, введением «миротворцев» и так далее. Впрочем, границы новых гособразований вновь прошли в основном как раз по административным границам новых союзных республик. В основном потому, что всяких Карабахов, Приднестровий и Южных Осетий с Абхазиями тут тоже оказалось до фига и больше... Та же бывшая Украина разделилась аж на восемь кусков, часть из которых быстренько прибились к соседним государствам, а часть упорно и кроваво воевала как с ними, так и со своими вновь образовавшимися соседями. «Тернопольщина» была как раз из последних. Поэтому эмигрантов оттуда по Европе было – мама не горюй...

* * *

Как-то обустроиться в этом времени Алексу удалось, считай, чудом. Похоже, судьба, так подгадив ему на переходе, потом решила немного смилостивиться. Первой удачей было то, что, удрав от столь негостеприимно встретившей его усадьбы Хуберов, он буквально через пару километров наткнулся на стоявшую на обочине фуру, около которой возился водитель. Когда Алекс подошел поближе, тот испуганно вскинулся и развернулся к Алексу с монтировкой в руках.

– Hey, ich will keine probleme! ^[87] – воскликнул Алекс, вскидывая перед собой руки.

– Bist du nicht Rumänen? ^[88] – настороженно уточнил водитель.

– Nein, ich bin österreicher! Helfen Sie mir, ich habe ein Auto gestohlen ^[89], – на ходу импровизируя, ответил Алекс. А как иначе он мог объяснить водителю отсутствие денег и документов?

– Es passiert... – хмыкнул водитель и немного расслабился: – Wenn sie helfen, das rad zu wechseln – bringen sie in die stadt. Aber ich gehe nicht zur

polizei. Trotzdem nutzlos... [\[90\]](#)

С колесом они провозились полчаса. И все это время Алекс, холодея, думал: что же такое здесь творится, что в Швейцарии считается бесполезным обращаться в полицию? Что же он натворил-то...

* * *

Смена Алекса сегодня закончилась в четыре часа дня. Он заехал на мойку, потом на заправку, после чего отогнал машину сменщику. Время было еще не позднее, да и смена прошла не так чтобы сильно напряжно, хотя и скудно, поэтому он, передав сменщику ключи, сообщил ему, что пока везти его домой не нужно. Он собирается немного прогуляться...

* * *

Водитель добросил его до Люцерна, на вокзале которого ему повезло второй раз. Ну как сказать... в том положении, в котором находился Алекс – однозначно повезло, а так – нагрели его, конечно, по полной... Все началось с того, что, когда он вошел в пустоватое по ночному времени здание вокзала и огляделся, прикидывая, где тут можно устроиться и немного подремать (он еще в своей самой первой реальности частенько этим промышлял, когда путешествовал по Европе самоходом, ну еще до покупки мотоцикла – ночуя на вокзалах или специально беря билеты на ночные поезда), как чей-то голос, раздавшийся прямо за спиной, негромко спросил:

– Брат, ты за товаром? У меня товар – первый сорт!

Алекс резко обернулся, поспешно сунув руку за пазуху и хватаясь за рукоятку пистолета. После дневной перестрелки у него осталось только полмагазина (ну не рассчитывал он на подобные приключения), но и этого при удаче могло хватить отбиться... Так что обратившийся к нему парень отпрыгнул назад и вскинул руки точно так же, как до этого Алекс перед тем водителем фуры на ночной дороге.

– Воу-воу, остынь, я всего лишь хотел предложить тебе отличный товар!

– Товар? Какой это, интересно? Или... – Черт, нынешнее будущее нравилось парню все меньше и меньше – в центре богатой и ухоженной Европы, на вокзале одного из самых уютных и обустроенных швейцарских

городков, пушеры [91] запросто предлагают наркотики первому попавшемуся посетителю? Да что здесь творится-то?! А впрочем, ему-то эта встреча, пожалуй, в тему...

– Эй, иди-ка сюда, – негромко позвал пушера, выглядевшего как цыган... ну или тот самый румын, которых так часто поминали все встретившиеся ему в этом времени.

– Брат, никаких проблем, я здесь просто торгую... или тебе нужен товар?

– Товар – нет, – мотнул головой Алекс, – а вот продать кое-что могу.

– Воу, это не по адресу! – замотал головой пушер. – Я здесь только торгую. А купить – это...

– Золото, – негромко бросил Алекс. Цыган резко подобрался. Парень усмехнулся.

– Немного. Одна монета. Русская. Раритетная, – и продолжил с сожалением: – Это моя страховка была, но сейчас деньги нужны. Срочно.

– Убегаешь, брат, – понимающе усмехнулся цыган... ну, или, румын. А, впрочем, какая разница. – Понимаю... Показывай.

– Из моих рук, – предупредил Алекс. Пушер кивнул...

* * *

До парка Тиволи, расположенного почти в центре города, на восточной окраине Рожника, лесного массива, широким языком врезающегося в Люблян с запада, Алекс добрался через двадцать минут. Ну да, столица Словении – городок небольшой, всего чуть больше двухсот пятидесяти тысяч жителей, так что даже для того, чтобы пересечь его пешком из конца в конец, требуется максимум пара часов.

В это время в парке уже было довольно многолюдно. Ну по люблянским меркам. Так что большинство лавочек было уже занято. Но на той, к которой и направлялся Алекс, пока виднелась только одна сухонькая фигура.

– Добрый вечер, Геннадий Михайлович, – поздоровался он, присаживаясь рядом.

– А, Сашенька... отработал на сегодня?

– Да, полчаса как смену сдал, – кивнул Алекс.

– И как, успешно? – усмехнулся Геннадий Михайлович. Он перебрался в Люблян с бывшей Украины, а конкретно – из Черновцов, в которых творилось приблизительно то же самое, что и на соседней

Тернопольщине... Точнее, его перевезли дети. Они же его в настоящий момент и содержали. Так что на этой лавочке Геннадий Михайлович как не обремененный задачей зарабатывания денег обычно появлялся первым из их компании, занимая место для остальных.

– Не очень, – пожал плечами Алекс, – дай бог десять тысяч толаров чистыми выйдет...

* * *

Монету тому цыгану Алекс продал, естественно, едва за треть реальной стоимости. Но зато когда через пятнадцать минут цыган сдавленно прошептал ему в спину:

– Полиция... – у него уже было на что купить билет на поезд, в этот самый момент подходящий к платформе. И потому он успел заскочить в него, махнув билетом суровому проводнику, вставшему на страже входа в вагон (проводник... это в Швейцарии-то!), буквально за минуту до того, как ближайший полицейский до него добрался. Встречаться с полицией в таком обшарпанном виде, со следами крови на одежде, без документов, со «стволом» и золотыми монетами в кармане... да на него «повесят» все нераскрытые убийства и грабежи за последние лет сто! И не надо мне тут про Швейцарию... в *этой* Швейцарии, похоже, возможно все!

Вот так он и попал в Люблян. Тот проходящий поезд, билет на который он купил, спасаясь от полиции, ехал именно до нее. Зайдя же в вагон, измученный Алекс просто отрубился. И проснулся только от тычка уборщика вагонов на конечной станции. Слава богу, здесь уже существовало нечто типа Шенгенского договора (который, кстати, сейчас во многих странах просто в голос требовали отменить), и Словения успела вступить в него буквально за два месяца до его появления. А то бы хорош он был, попав в руки пограничников в подобном виде и с подобным содержимым карманов... Так что по большому счету все произошло абсолютно случайно. Но, как потом выяснилось, эта случайность оказалась вполне удачной. В здании вокзала оказался обменный пункт, в котором Алекс поменял половину швейцарских франков, вырученных им за «сеятеля», на местную валюту, носившую забавное название «толар», после чего сел в ближайшее такси и попросил отвести его в какой-нибудь дешевенький хостел. Таксист оказался выходцем из бывшего СССР, а конкретно – из Ташкента. И когда Алекс, услышав как тот ругнулся под нос на какого-то лихача, заговорил с ним на русском, обрадовался и вывалил на

парня целую кучу ценнейшей информации. А потом развернулся и повез его уже по другому адресу, заявив, что «тот район, куда я тебя вез, держат румыны, так что дешевизна тебе там обойдется куда дороже...». А вот, мол, там, куда они едут сейчас, «живут наши». Он же дал и первые контакты, благодаря которым Алексу удалось довольно быстро натурализоваться в столице Словении. Поскольку деньги у него были и свое проживание он оплачивал самостоятельно, а также благодаря опять тому же таксисту, уже через неделю после прибытия Алекс нашел подработку в качестве мойщика машин на одной из заправок (пришлось, конечно, раскошелиться, но взяли) – процесс натурализации запустился без особенной пробуксовки. Словения, только год назад вошедшая в некий аналог Евросоюза, вследствие того, что существенная часть словенцев, получив возможность легально работать в более богатых странах, рванула на заработки, в настоящий момент испытывала довольно большой отток рабочих рук. Эмигранты же в довольно бедную на фоне тех же Австрии, Германии или, например, Чехии Словению ехали намного менее охотно. Так что к людям, желающим работать, да еще и добравшимся до этих мест с кое-какими деньгами, официальные структуры относились более-менее лояльно. Хотя население, как обычно, ворчал: «Понаехали тут...»

– Добрый вечер, – поздоровался подошедший к лавочке высокий, но слегка сутулый мужчина в очках и плаще, который был ему явно не по размеру. – Вас еще не уволили?

– Пока нет, Аркадий Александрович, – улыбнулся Алекс. Подошедший скривился и неодобрительно покачал головой.

– Вот зря вы так легкомысленно, зря... Мне сегодня один клиент рассказал, а он, между прочим, работает в городском управлении миграции, так вот, за последний квартал они зарегистрировали почти тысячу сто новых мигрантов. Едут и едут, представьте себе, едут и едут! Вот точно вам говорю – скоро на каждое рабочее место такая очередь выстроится... – Он вздохнул. – То-то мой хозяин сегодня меня шпынял за плохо вымытые кюветы и таблеточный пресс. Точно, уволить собирается... – и Аркадий Александрович сокрушенно покачал головой.

Вообще-то он был кандидатом наук и до распада Союза работал старшим преподавателем кафедры фармацевтики и готовых лекарственных препаратов в Душанбинском медицинском институте. Но развал страны и последовавший вслед за ним взрыв национализма оставили его без куска хлеба и заодно без всего, что успел нажить за свою долгую и до того момента вполне успешную жизнь. Потому что из Душанбе Аркадий Александрович бежал, как рассказывал, в чем был. То есть даже без зубной

щетки. И до сих пор был благодарен богу за то, что сумел убежать. Потому что многие местные «русские», среди которых на самом деле было много украинцев, белорусов и даже латыши с греками встречались, так и не смогли...

Помыкавшись «на Родине предков», то есть в России (поскольку он лично появился на свет уже в Таджикистане), Аркадий Александрович каким-то чудом сумел перебраться в Европу, где, изрядно помыкавшись по странам и городам, ему удалось-таки зацепиться в Словении, устроившись на работу почти по специальности – фармацевтом в мелкую частную аптеку. И все бы ничего, но за время своих мытарств бывший преподаватель приобрел стойкую привычку бояться всего и вся, регулярно находя новые причины для паники. В настоящий момент главным пугалом для бывшего кандидата наук была вероятность потери работы, после чего он непременно должен был лишиться еще и разрешения на временное пребывание в стране и подвергнуться неопределенной и неотвратимой высылке...

Да уж, будущее, в котором Алекс оказался на этот раз, оказалось совсем не сахаром. Нет, оно действительно частично вернулось на прошлые рельсы. Но именно что частично... На этот раз Гитлер снова проиграл. Но война окончилась не девятого мая сорок пятого, а четырнадцатого сентября. И Берлин в этой реальности взяли англичане с американцами. Так что столицей ГДР на этот раз оказался Дрезден как самый крупный город Германии, оказавшейся в советской зоне оккупации. А разделенных народов здесь оказалось аж три. Кроме немцев, по два государства, социалистическое и капиталистическое, после войны получили еще и венгры с чехами. Вернее, с чехами случилось не совсем это. Социалистической стала Словакия, к которой просто отошла почти треть чешских земель с городами Злин, Брно и Оломуц, которые успела занять Красная армия до окончания войны. Всю остальную Чехию успели захватить союзники... Так что в этом варианте истории профит СССР по итогам войны, как и общее влияние после, оказались заметно меньшим, чем в изначальной реальности Алекса. А вот американцев – гораздо большим. Но, к удивлению Алекса, уровень развития технологий и здесь оказался заметно меньшим, чем в тех двух вариантах будущего, которые он уже имел возможность наблюдать. Нет, в области цифровизации здесь дела обстояли куда как лучше, чем в реальности победившего Райха. К настоящему моменту цивилизация доросла до полноценного Интернета, поисковиков, сетевых энциклопедий и всего такого прочего, которое, правда, все равно заметно отставало от уровня первоначальной реальности

Алекса. Зато во всех остальных областях нынешний вариант цивилизации проигрывал обоим предыдущим. Так, например, первый спутник здесь запустили на восемь лет позже, нежели чем даже в первоначальной реальности, – в шестьдесят шестом году, а первый космонавт на орбите появился аж в семидесятом. Соответственно, и на Луну американцы высадились только в восьмидесятом [\[92\]](#). Так что ни о каких серийных электромобилях типа «Теслы» тут до сих пор никто не слышал, поезда разгонялись километров до ста шестидесяти, максимум до двухсот, а проекты тоннеля под Ла-Маншем еще только рассматривались межправительственной комиссией.

Что именно послужило причиной такого замедления прогресса, Алекс так разобраться и не смог. То есть насчет первопричины все было ясно – это его кривые ручки, а также ротик и головенка, которые все и испортили, но его-то одного для такого тормоза явно мало... Разобраться, почему принесенная им информация, которая вроде бы должна, наоборот, подхлестнуть развитие, ведь очень многое, что он запатентовал или хотя бы рассказал в беседах и на допросах, было в изначальной реальности открыто, сделано и изобретено намного позже, в результате привела к торможению развития, он так и не смог. Как ни искал и ни думал... Возможно, дело было в том, что здесь после войны у США не оказалось такого сильного соперника, как СССР первой реальности или Райх второй, так что уровень конкуренции для американцев оказался заметно ниже. Вот они и не надрывались особенно, предпочитая пускать бабло на потребление, а не на развитие. Но ведь и во второй реальности, ну той, которая с победившим Райхом, также было заметное отставание. Ну кроме космической программы. Там однозначно был сильный рывок. Ну да, Райх начал заниматься большими ракетами самым первым, еще во время мировой войны, и благодаря своей победе так и не прекращал...

Но главным пострадавшим здесь оказалось не столько технологическое, сколько... м-м-м... ну, наверное, его следует назвать «социальное» развитие. Потому что разрушение Союза и всего здесь существенно более куцевого социалистического блока привело к куда худшим для Европы последствиям, чем в первой реальности Алекса. Вместо свободы и процветания, на которые так надеялись люди, рвавшие из «социалистического рабства», Европу захлестнула волна преступности и обнищания, сильно затронувшая не только граждан вновь образовавшихся стран, но и в значительной мере аборигенов государств, до всех этих социальных катаклизмов вполне считавшихся «свободными и демократическими». Впрочем, вполне возможно, в первой реальности

Алекса все было так же. Просто он, выросший уже после тех самых пресловутых «девяностых», ничего об этом не знал...

Да уж, похоже, та реальность, которая образовалась без какого бы то ни было участия Алекса, то есть, так сказать, естественным путем, являлась наиболее сбалансированной и эффективной...

– Добрый вечер всем! – Перед лавочкой остановился весьма импозантно одетый мужчина. Это был третий член «общества пенсионеров», к которому Алекс так неожиданно прибилсь, несмотря на то что составлявшие его три старика были минимум лет на тридцать старше его. Возможно, потому, что после всего, что с ним случилось за последние четыре года, ему было неинтересно предаваться тем развлечениям, которым предавались в свободное от работы время большинство его сверстников. Во всяком случае, те, которые встречались в том кругу, в котором он нынче общался, то есть смотреть по телеку футбол или бокс и надуваться пивом или дешевой «сливовкой» ему было мало... К тому же Алексу, несмотря ни на что, очень хотелось разобраться, что же он делает не так в своем полукустарном «прогрессорстве». И «пенсионеры» на данный момент были лучшим из имеющихся вариантом «консультантов», способных ему в этом помочь. Увы, доступа к более квалифицированному персоналу у него в данный момент не было. Сам едва концы с концами сводил... «Пенсионерам» же оказалось в охотку почесать перед «молодым» языками, поделиться собственным опытом, знаниями, ну и поучить его жизни. Как же без этого-то? Так все и сошлось...

– Добрый... Вот и Дмитрий... Привет... Что-то ты поздно, неужели уволили? – вразнобой загомонили остальные. Дмитрий Петрович тоже был кандидатом наук, но экономических. И в Словению перебрался из Львова, где формально к русским пока еще относились спокойно (как и в первые годы после распада СССР в изначальной реальности Алекса), но при этом выдавливать их со всех теплых и значимых мест начали сразу же. Характерец же у Дмитрия Петровича оказался еще тот. Так что ему довольно скоро на ушко пообещали «подрезать его москальский язык», если он не прекратит мутить воду. После чего он и стал искать, куда податься. На родине почему-то не нашел. Возможно, потому, что после того, как он обращался в какой-нибудь институт или учреждение, оттуда следовал звонок на его текущее место работы, где его, ничтоже сумняшеся, характеризовали как скандалиста и склочника, не стесняясь использовать для этого все богатство «имперской мовы»... Как бы там ни было, в настоящий момент он работал переводчиком в национальной библиотеке, а кроме того, демонстративно «подрабатывал» чистильщиком обуви,

регулярно пугая клиентов тем, что ботинки им чистит Doktor der Philosophie in Wirtschaftswissenschaften [\[93\]](#).

– Сашенька, а у меня для тебя отличные новости! – обратился к нему Дмитрий Петрович.

– То есть? – не понял Алекс. Дмитрий Петрович широко улыбнулся и заговорщицки подмигнул.

– Пойдем отойдем...

– Помнишь, ты мне рассказывал, что ищешь возможность получить доступ к одному счету в Швейцарии, – негромко начал он, когда они отошли недалеко в сторону. Алекс напрягся. Неужели появился вариант? С его нынешними возможностями «таксиста-гастарбайтера» получить доступ к счету нельзя было и мечтать...

– Так вот, могу тебя обрадовать. У меня наклеывается одна интересная возможность...

Глава 16

– И-и... все? – растерянно произнес Алекс. Сидевший перед ним дебелий мужик с, похоже, намертво приклеившимся к лицу брезгливым выражением криво усмехнулся.

– А зачем тебе больше, молодой? Ну вот скажи мне – зачем?

Алекс насутился.

– Ну мы же договаривались – напополам. Дмитрий Петрович охарактеризовал мне вас как честного человека...

– А вот за базаром следи! – рявкнул на Алекса хозяин кабинета. – Я – честный человек. Другой бы давно уже прикопал тебя где-нибудь втихаря. А у меня ты вон – стоишь живой и здоровый. И я тебе еще лимон отслонявил. Ни за что, считай! Подумаешь, номера, пароли коды... Ты попробуй на людей выйти, заинтересовать их, вложиться, подготовить все по уму, чтобы даже комар носа... Думаешь, легко было? То-то! И сейчас твой наезд терплю. Хотя тебя за него наказать надо бы...

Алекс скрипнул зубами. Да уж, похоже, ничего больше ему не обломится...

Этого олигарха, оказавшегося одним из бывших учеников Дмитрия Петровича, сосватал парню именно он, охарактеризовав его как «исключительно честного и порядочного мальчика». Но, похоже, обновленные экономические реалии и новый статус уже наложили на хозяина свой неизгладимый отпечаток. Так что, несмотря на все превосходные эпитеты, которыми его охарактеризовал бывший кандидат экономических наук, а также крайнее радушие, продемонстрированное самим «олигархом», когда тот услышал, о каком счете и каких приблизительных суммах идет речь, нутро у него оказалось таким же гнилым, как и у большинства людей его круга...

– Ну и что стоишь? – поинтересовался дебелий. – Дуй давай отсюда, пока не передумал.

Выйдя на улицу, Алекс огляделся и уныло двинулся в сторону Bärengaben ^[94], но, добредя до первого же уличного кафе, раскинувшего свои столики по тротуарам столицы Швейцарии, передумал куда-то идти и присел за столик, решив подвести итоги всей своей авантюре. Ну что ж – можно констатировать, что очередная его попытка разбогатеть «самым верным образом» снова накрылась медным тазом. Сколько там точно было у него на счету, Алекс узнать так и не смог, уж больно этот «честный

олигарх» юлил... но даже по самым скромным подсчетам – не менее ста миллионов. Из этих денег ему достался всего один процент. Что даже по абсолютной сумме меньше, чем во время прошлой попытки. Ну когда пришлось делиться с Бригиттой... С другой стороны, он благодаря всей этой истории заполучил себе полноценный вид на жительство, то есть, можно сказать, полностью легализовался. Тут «олигарх» подсуетился – поднял людей, проплатил. Ну и, как-никак, миллион на счету есть. Так что надо решать, что будем делать. Вариантов здесь два – заткнуться и жить на этот миллион, ну на сколько его хватит, или рискнуть и еще раз попробовать сгонять в прошлое и сделать так, чтобы подобных косяков больше не возникало. Первый вариант... а что, миллион – это хороший старт. На эти деньги можно уехать в Америку, выучиться в каком-нибудь престижном вузе, да в том же Гарварде, Стэнфорде или даже МІТе, после чего карьера, считай, в кармане. Кредит на дом, кредит на машину, найти какую бабу покрасивее из эмигранток, американок – на хрен, у них все красивые бабы уже давно в Голливуде, а те, которые по улице ходят – жирные уродки... ну так говорят... Что там дальше? Через три года первое повышение, еще через пять – второе, дети, дом побольше, опять в кредит, новая машина, может, даже яхта... бр-р-р, жуть! Замутить какой-нибудь свой бизнес? Макс усмехнулся. Ага-ага. Он же не гений типа Сергея Бриана или Майкла Цукерберга, чтобы создать нечто уникальное, и знания технологий из «сто лет тому вперед» у него тоже в этом времени не имеется. А от восьмидесяти до девяноста восьми процентов обычных бизнесов в Европе (в зависимости от страны) разоряются в первый же год ^[95]. Алекс, еще когда жил себе поживал в Австрии, читал подобную статистику. Здесь же все рыночные ниши забиты так, что палец не всунешь. Нет... можно, конечно, попытаться открыть какую национальную кафешку или там пельменную, но все подобное держится практически только на национальной диаспоре, в которой у него нет особенной поддержки. Не «пенсионеров» же за такую считать. Так что его скорее сожгут, чем дадут раскрутиться... Что еще? Можно забить на все и просто пожить на всю катушку – путешествовать, арендовать яхты, снимать президентские номера в отелях, летать бизнес-джетами. На миллион... На сколько его тогда хватит? На год? Не-а... месяца на три. Зато пожил... А потом что? Опять в такси? Алекс вздохнул. Тоже не вариант... Еще можно купить недорогую квартирку в уютном месте, на образование потратить немного, но чтобы это было всегда востребовано, или замутить какой-то маленький бизнес типа мини-пекарни или уличного лотка с овощами и тихонько жить, покрывая из миллиона текущие убытки и немного откладывая с нечастых

прибылей. Тогда миллиона хватит надолго... О-очень привлекательный вариант для человека, у которого есть доступ к порталу в прошлое! Тогда что? Тогда распечатываем миллион и начинаем готовиться к новому путешествию. И на этот раз стоит крепко подумать, чтобы та реальность, в которую он вернется, оказалась хотя бы немного лучше нынешней, а в идеале – и его изначальной. Но для этого надо будет принести что-нибудь в клювике Иосифу Виссарионовичу. Причем лучше всего столько, чтобы он проникся к Алексу максимальным доверием... Но скандал по поводу крайне неблагоприятного поступка «товарища Вернера» все же закатить стоит. Для того чтобы больше не пытались столь откровенно сесть на шею. Хотя особенной обиды на произошедшее у Алекса не было. Потому что, обдумав все произошедшее с «товарищем Вернером», он пришел к выводу, что сам дурак. Ну совершенно понятно же (если, конечно, подумать, а не изображать из себя телка, которого ведут на веревочке), что Сталин не мог себе позволить принять его слова о том, что только он один может проходить через портал, на веру. И просто обязан был проверить, насколько это утверждение соответствует истине. Вот и проверил. И второй охранник был так пассивен именно поэтому. Хотя и старался изо всех сил поддерживать иллюзию того, что «товарищ Вернер» действует исключительно по своей инициативе...

Но первое, что он собирался сделать, так это разъяснить ситуацию с Хуберами, которая до сего момента оставалась в подвешенном состоянии. Ну не было у Алекса ни денег, ни времени на подобные путешествия. А в Швейцарию он попал только три дня назад, когда, так сказать, процесс извлечения денег из банка вышел на финишную прямую. Соцсети же, через которые в покинутом им варианте реальности можно было прояснить очень многое, здесь еще были только в самом начале своего развития. Так что, приняв решение, Алекс в тот же вечер заселился в люкс Hotel Schweizerhof Bern (ну а что, не вечно же экономить), а следующим утром арендовал машину и отправился в Унтершехен.

Дорога заняла почти три часа. В первую очередь потому, что Алекс пару раз проезжал нужные развороты. Атласом он поначалу не озаботился, а навигаторов здесь еще, считай, и не было. Так, первые образцы с дико глючными картами... В усадьбе Хуберов его встретили не очень гостеприимно. Но хотя бы на этот раз без стрельбы. Да и Хуберам эта усадьба, как выяснилось, уже не принадлежала. Нынешний хозяин купил ее почти шесть лет назад, причем уже в то время она была довольно заброшенной. По поводу наличия у бывших хозяев кого-то из ровесников Алекса по имени Дитрих или Бригитта он ничего внятного сказать не смог.

Но дал номер телефона, звонок по которому окончательно поставил крест на тайных ожиданиях Алекса. Ни Бригитты, ни Дитриха ни в нынешнем, ни даже в предыдущем поколении семейства Хуберов не оказалось. Впрочем, может, так даже было и лучше. Потому что... ну вот что он мог сказать Бригитте, окажись она в наличии и в этой реальности? Привет, мы с тобой... А что они с ней – любили друг друга? Ну да, было дело. Разосрались? Тоже было. Из-за меня тебя арестовало гестапо? Ну-ну... И что она ему ответила бы на подобные заявления? Вот то-то...

Вернувшись в Берн, Алекс решил устроить себе небольшой отпуск, задержавшись в столице Швейцарии на три дня. Гулял, сидел в уличных кафе, прокатился на кораблике по Аре. Впрочем, только развлечениями дело не ограничилось. Он прикупил довольно мощный (ну по текущим меркам) лаптоп с англо-немецкой раскладкой клавиатуры, справедливо рассудив, что в Любляне, скорее всего, будут исключительно с не очень нужной ему англо-словенской, а также изрядно обновил гардероб. Нет, в Любляне, конечно, одежду и обувь можно было купить заметно дешевле, но-о... во-первых, та, что дешевле, совершенно точно будет куда хуже качеством, а вот сравнимая по качеству, скорее всего, наоборот, будет заметно дороже. Потому что покупателей, могущих позволить себе подобный товар, в Любляне совершенно точно в разы меньше, чем в Берне. Вот продавцы и накручивают цену, забирая желаемую маржу не оборотом, а наценками. А кроме того, он отлично помнил скандальную историю насчет того, что, несмотря на абсолютно идентичную упаковку, одни и те же продукты в Германии и Австрии оказались намного качественнее, чем в тех же Польше, Чехии, Словакии и Венгрии ^[96]. Несмотря на то что все эти страны вроде как состоят в одном и том же Евросоюзе, в котором для всех его членов действуют как бы абсолютно идентичные правила... Да и ассортимент магазинов в Любляне очень сильно проигрывал Берну. По тем же уже упомянутым причинам. И за эти три дня он вчерне прикинул план действий и первоначальные шаги по его воплощению.

Первое, чем Алекс озаботился по возвращении в Люблян, – это создание себе приемлемых условий для работы. Нет, ни о чем подобном его прошлой квартире в Люцерне и речи не шло, но условия проживания он решил себе заметно улучшить. Еще одним требованием к новому жилью было наличие в нем наиболее быстрого на данный момент подключения к Интернету. Так что еще при подъезде к столице он позвонил агенту, озвучил пожелания, и тот ожидал его уже на вокзале.

Приемлемый вариант отыскался без особых проблем. Оформление договора, оплата аванса, получение ключей и заселение заняли не больше

пары часов. После чего Алекс быстро рассовал вещи по шкафам, подключил ноут, немного погонял его, проверяя «пинг» и настраивая «файерволл», и выдвинулся в парк Тиволи, на встречу со своей «группой поддержки», которой в его планах отводилась очень значимая роль.

– О-о, Сашенька, да вы прямо франт, – с доброй улыбкой встретил его Геннадий Михайлович. – Вас можно поздравить?

– В общем – да, – улыбнулся Алекс. – У меня появился повод устроить «обмыв». Вот хочу пригласить вас всех на небольшие посиделки.

Геннадий Михайлович покачал головой.

– Эх, молодежь, все бы вам тратить... Ну зачем вам такие старые хрены, как мы? Поберегите лучше деньги и потратьте их на что-нибудь более полезное.

– Ну уж нет, – рассмеялся Алекс. – К тому же у меня для всех вас будет очень интересное предложение...

Встреча с остальными членами «общества пенсионеров» прошла несколько более бурно. Аркадий Александрович и Дмитрий Петрович шумно поздравили «нашего молодого коллегу по несчастью» с успехом «его проекта». Алекс решил не посвящать никого из них в реальную ситуацию. Потому что все равно ведь ничего изменить было нельзя. Так что все прошло хорошо – и точка! Хотя экономист, похоже, что-то заподозрил.

– Александр, точно все прошло нормально? – несколько нервно поинтересовался он, когда вся компания двинулась в небольшой кабачок по соседству.

– Да, все без проблем – не волнуйтесь, Дмитрий Петрович, – широко улыбнулся Алекс. Бывший кандидат экономических наук еще несколько мгновений напряженно вглядывался в его лицо, после чего крякнул, усмехнулся и хлопнул его по плечу. Парень же мысленно вытер пот и удовлетворенно констатировал, что его способности к лицедейству, похоже, вышли на новый уровень. И это была отличная новость. Для успешной игры с таким монстром, как Сталин, ему точно потребуются все его силы и способности...

Вечер прошел чудесно. К предложению же, которое Алекс озвучил обществу, все трое отнеслись по-разному. Например, первое, что сделал Аркадий Александрович, это категорически отказался.

– Ну что вы, молодой человек, тут я вам никак не помощник. Забыл уже все с такой жизнью, да и... нет, не возьмусь!

Но Алекса это не смутило. Именно такой первоначальной реакции он от фармацевта и ожидал.

– Аркадий Александрович, – терпеливо начал парень, – если вы что-то забыли, так это не беда. Можно восстановить. В Интернете любые справочники и курсы лекций найти можно. Ну почти... Да и вообще информации уйма. Так что разберетесь. Да и к тому же, вы поймите, мне и обратиться больше не к кому, кроме как к вам. Ну где мне здесь медика или фармацевта, способного разобраться с довоенной советской медициной, найти, а? Неужто вы мне не поможете?

А Дмитрий Петрович, наоборот, согласился с энтузиазмом.

– Знаете, а ведь первая пятилетка у меня дипломной работой была, – мечтательно произнес он. – А насколько достоверный материал нужен вам для этой вашей игрушки?

– Полностью, – убежденно произнес Алекс. – Считайте, что вы готовите материалы для ВСНХ и самого Сталина, – после чего пояснил: – Этот проект делает о-чень серьезная фирма. Американцы. И денег у них вполне достаточно. Так что никакие инвесторы со стороны им по большому счету были не нужны. И меня с моими деньгами туда взяли лишь потому, что я должен закрыть все направление по СССР. По Англии, Германии, США, Японии и другим странам уже работают другие люди. Целые команды! Только с СССР были проблемы. Вот потому я туда и смог влезть. Но если я накосячу... – Да, именно так он решил обосновать свой интерес к довоенному СССР и его перспективам. Игру, мол, делаем. Новую. Еще невиданную. Ну вот просто не знал еще мир подобного... Поэтому – тш-ш-ш, секретность и тайна. А то конкуренты не дремлют... В играх «пенсионеры» разбирались не очень, но о том, что в этой индустрии крутятся уже десятки миллиардов долларов, слышали. Так что идея вполне сработала.

– Нет, Александр, – тут же снова взволновался фармацевт, – прошу меня извинить, но на таких условиях я просто не смогу...

– Аркадий Александрович, – оборвал его взволнованный спич Алекс, – не волнуйтесь вы так. Если вам понадобится помощь – мы привлечем людей, если нужны будут консультации – закажем. И оплатим. Но *начать* работу я прошу именно вас. Вам я доверяю.

– Но это же такая ответственность... – растерянно пробормотал бывший кандидат фармацевтических наук. – Я же не смогу точно...

– И не надо, – усмехнулся Алекс. – Даже наоборот. Поймите, эта «игрушка» – альтернативная история. Ну кому будет интересно играть, если все заранее известно? Не-ет, тут все будет в руках самого игрока – принятие решений, определение стратегии развития. И если в реальности, скажем, пенициллин в СССР начали массово производить уже после

войны, то вы смело можете включать его в пул ваших материалов. Но не только технологию именно его производства, но еще и весь сопутствующий пул. То есть тот куст технологий, которые необходимо освоить для того, чтобы на выходе у СССР появилось массовое производство пенициллина. Типа там всякое разделение, дистилляции, фильтрацию требуемого уровня и так далее. Это все в разрабатываемой игре будет учтено в максимальной мере. То есть, скажем, если игрок выделит заработанные им в игре деньги и «очки развития» на открытие всех этих разделений и дистилляций уже году к тридцать пятому, то пенициллин он сможет получить уже в тридцать седьмом или тридцать восьмом году.

– Эх у вас все просто в этой игре... – усмехнулся Геннадий Михайлович.

– Ну-у, это же игра, так что некоторая доля условности в ней, несомненно, будет присутствовать, – кивнул Алекс. – Но с «просто» – вы не правы. Потому что возможности зарабатывать игровые деньги у игроков будут весьма ограничены. И их, кстати, тоже придется развивать. Так что хочешь быстрее начать больше зарабатывать – тратить деньги на сельское хозяйство и легкую промышленность, а на медицину уже по остаточному принципу. Но в этом случае пенициллин у тебя появится даже позже, чем в реальности. Или вливай деньги еще и в медицину, но тогда не жди в сорок первом «тридцатьчетверок». Как-то так...

– Но зачем вам в этом случае реально разработанные технологии? – удивился Дмитрий Петрович. Алекс развел руками.

– Увы, это требование главного инвестора. Он просто помешан на достоверности. Если ему не будет предоставлена реально работающая технология, он откажется ее учитывать. – Алекс усмехнулся и, наклонившись поближе к собеседникам, заговорщицки прошептал: – Говорят, что он профинансировал строительство с нуля целой конвейерной линии по производству знаменитых английских моторов «Мерлин». И только когда ему предоставили первый собранный на этой линии мотор, он согласился включить в игру куст технологий по его освоению.

– О боже, но это же такая ответственность, – вновь взволновался Аркадий Александрович...

Так что вечер прошел вполне плодотворно.

Следующие несколько дней Алекс побегал, обустривая своих «консультантов», которым пришлось закупать ноутбуки, помогать с подключением к Интернету, а фармацевту даже помочь поменять жилье. Ну и устранять уже допущенные косяки типа того, что ноут-то он себе с англо-немецкой раскладкой купил, но вот как с него заходить в русскоязычный

сектор Интернета – не подумал. Здешние поисковики таких фишек, как набор русских слов латиницей, еще не понимали. Проблема решилась покупкой пачки пластырей, разрезанием их на квадратики и наклейкой оных на клавиши. После чего осталось их только надписать...

Как бы там ни было, процесс начал потихоньку разворачиваться и набирать силу. Сам Алекс в первую очередь сосредоточился на изучении того, как СССР сумел освоить уже переданные им сведения. К его удивлению, с этим у Союза оказалось не очень. Те же лезвия для безопасных бритв в СССР начали делать уже после войны. А ведь каким изящным решением это казалось. Ой, что-то они со студентами там не того намудрили... Даже с разработкой новых месторождений все было не особенно хорошо. По поводу алмазов страна вдрызг разругалась с «Де Бирс», заявив, что собирается торговать алмазами самостоятельно. После чего мировой лидер по торговле этими драгоценными камнями не только уронил цены на них, оставив СССР почти без доходов, но еще и очень сильно подгадил по многим другим фронтам, употребив свое влияние на то, чтобы у СССР сильно просели возможности по закупкам оборудования. Это, в свою очередь, заметно замедлило развитие технологий промышленной добычи золота. Причем окончательный разрыв произошел именно летом двадцать пятого. Так что Алекс вполне мог успеть предотвратить событие, которое так затормозило развитие страны. Если, конечно, товарищ Сталин со товарищи не упрется рогом и не откажется из идейных соображений даже обсуждать уступки разным империалистам... Кроме того, Алекс, вспомнив то, что более всего интересовало того огэпэушника (или кем он там в реальности являлся), заказал нескольким архивам и институтам России серию материалов по наиболее значимым персонам в руководстве довоенного СССР. То есть кто, где, когда и в каких группировках состоял, кого и когда поддерживал, чем отметился, когда умер, какие тайны с ним связаны... ну и все такое прочее. Эти учреждения в настоящий момент владели крайне жалкое существование, так что особо дорого это ему не обошлось. Тем более что Алекс был совершенно не против заплатить за материалы вчерную и валютой. На таких условиях за материалы на каждого из персоналий запросили от пятисот до тысячи долларов. Впрочем, персоналий тех оказалось около двух сотен штук. Так что одна эта инфа нанесла сильный удар по его бюджету... Кроме того, он начал собирать информацию по морским кладам. ЭПРОН^[97]-то уже создан. Вот и пусть вместо бесплодных поисков «Черного принца»^[98] займется реальным делом. Как там повернется дело с «Де Бирс» – еще непонятно, а

здесь имелся реальный шанс изрядно поднять валютные возможности СССР. Особенно если продавать поднятые ценности не на вес по цене металла, а через аукционы и коллекционерам...

Дело шло своим чередом, временами расцвечиваемым приступами паники Аркадия Александровича. Но Алекс успешно гасил их, то предлагая тому оформить запрос в соответствующий архив, обещав оплатить его сотрудникам работу по подготовке нужных материалов, то советуя отыскать и озадачить вызвавшим затык вопросом какого-нибудь коллегу из числа научных работников, оставшихся в России и сейчас по большей части перебивающихся с хлеба на воду. Каждый раз строго предупреждая, что не должно быть никаких даже малейших упоминаний об игре. Тс-с-с – секрет, тайна! Вы просто делаете научную работу по заказу одного из западных фондов и готовы поделиться гонораром... Впрочем, пару раз нечто подобное потребовалось и Дмитрию Петровичу. А вот Геннадий Михайлович, которому как бывшему офицеру была поставлена задача по вооружению, Алекса удивил...

Тот разговор начался в момент, когда бывший военный очередной раз принес ему подготовленные материалы. Просматривая их, Алекс задумчиво хмыкнул. В предоставленных Геннадием Михайловичем предложениях напрочь отсутствовал один из главных попаданческих фетишей – автомат Калашникова. Ну вот никакого упоминания...

– А зачем он нужен? – улыбнулся Геннадий Михайлович в ответ на прямой вопрос. – Германия вполне себе успешно захватила большую часть Европы и солидный кусок европейской части СССР, будучи вооруженной карабином Маузера, представляющим собой модернизацию образца разработки ажно конца XIX века. А всякие стрелковые wunderwaffe ^[99], пошедшие в войска в конце войны, им, наоборот, ничем особенно не помогли. Вторая мировая война – это война организации, новых тактических приемов, родившихся в первую очередь из новых возможностей разведки, связи, снабжения, совершенно другого уровня мобильности, возможностей новых видов войск и родов вооруженных сил типа танков и авиации. К тому же промышленность СССР ничего подобного автомату Калашникова вообще будет не способна изготовить года до тридцать восьмого. Увы, для этого у нее до того времени не будет ни нужных сталей, ни технологий обработки, ни массового производства необходимых станков. А до сорок пятого она будет способна изготавливать его только в единичных экземплярах и по крайне дорогой цене. Потому что на следующий технологический уровень, при котором это стало возможно делать дешево и массово, промышленность вышла только после войны, и с

немалой помощью немецких конструкторов и технологов.

– То есть вы хотите сказать... – настороженно начал Алекс, припомнив все эти истории с Калашниковым и Шмайссером, но Геннадий Михайлович негромко рассмеялся.

– Нет, что вы, молодой человек, я ни в малейшей степени не подвергаю сомнению то, что свой автомат Михаил Тимофеевич разработал сам. Это, например, подтверждают жалобы других участников конкурса на то, что он между двумя этапами испытаний очень сильно переработал конструкцию своего образца, пойдя даже на прямое нарушение условий конкурса – уменьшив длину ствола ниже требуемой. То есть Калашников продолжал напряженно работать над конструкцией даже тогда, когда все остальные конкурсанты уже перестали это делать, сосредоточившись лишь на устранении выявляемых недостатков. Но вот с технологиями, особенно массового производства, немцы нам действительно сильно помогли. Ну да, если бы от них не было совсем никакого толка, их бы в СССР никто и не привозил... Так что здесь, по стрелковке, я подобрал именно то, что СССР может производить уже с конца двадцатых – карабин Мосина образца сорок четвертого года, «ППС», производство которого наладили в блокадном и регулярно обстреливаемом и забрасываемом бомбами Ленинграде, и так далее. Пистолет менять не стоит. «ТТ» для того времени – это вообще шедевр.

Да уж... похоже, попавший в прошлое «вальтер» Обервеера как-то попал в руки Токарева и произвел на Федора Васильевича неизгладимое впечатление. Потому что тот «ТТ», который помнил Алекс (в первую очередь по компьютерным игрушкам), и то, что именовалось этой аббревиатурой в этой реальности, отличались друг от друга, как «Мерседес» и телега. Нет, полностью «вальтер» Токарев, естественно, повторить не смог. Для этого не было ни материалов, ни технологий. Но и такой задачи, вероятно, никто и не ставил. А вот взять все лучшее от образца, в котором воплотился уже более чем столетний опыт разработки, серийного производства и боевого использования автоматических пистолетов... такая задача, видимо, поставлена была. Как минимум конструктором-оружейником Токаревым перед самим собой... Так что двухрядный магазин на пятнадцать патронов, удобнейшая рукоятка, двухсторонний предохранитель и брутальный рублено-хищный внешний вид явно имели истоки в «артефакте» из будущего. Впрочем, скорее всего, он побывал и в шаловливых ручонках кого-то из ГАУ [\[100\]](#). Иначе было не объяснить, отчего в условиях конкурса возникло требование емкости магазина в пятнадцать патронов...

– Хм, – Алекс перелистнул еще пару страничек, вчитался и удивленно произнес, – но ведь тут пишется, что «ПК» принят на вооружение аж в шестьдесят первом году. Разве его смогут сделать до войны?

– Смогут, – убежденно произнес бывший военный. – С матом, с нервами и не такой, а килограмма на два тяжелее, но смогут.

– Но зачем? Вы же мне тут только что рассказывали, про автомат Калаш...

– Потому что единый пулемет – это именно что совершенно другая тактика пехоты, – несколько бесцеремонно перебил его Геннадий Михайлович. – Да, «ДП» для двадцать седьмого года – почти шедевр. Но после появления MG 34 он мгновенно устарел. Как, впрочем, и большинство других пулеметов мира... «ДП» – это оружие поддержки пехотного отделения. И не больше. Нечто типа «РПК», но намного тяжелее, с излишне мощным патроном, неудобными габаритами, громоздким магазином и, следовательно, малым носимым боезапасом. К тому же регулярно клинящий при более-менее длинных очередях. Вследствие чего он ничем, нежели оружие поддержки, быть и не может. А вот единый пулемет, первым представителем которого был именно MG, – это уже основное оружие отделения. То есть совсем иная тактика. «ПК» же – один из лучших представителей единых пулеметов. К тому же он довольно прост в изготовлении и не требует принятия на вооружение нового патрона, как линейка оружия Калашникова, потому что изначально разрабатывался под наш винтовочный патрон, который и стоял тогда на вооружении. Так что, немножко помучившись, освоить его производство уже году к тридцать пятому вполне возможно. Да и как основа для танковых и авиационных пулеметов он, можете мне поверить, подходит гораздо лучше. А всю технологию, необходимую для налаживания его производства, я уже подобрал.

– Хм, – снова задумчиво хмыкнул Алекс. – Понятно... Спасибо за разъяснение.

– А кстати, этому вашему любящему достоверность главному инвестору натурные образцы не нужны? – глядя чуть в сторону, безразличным тоном поинтересовался Геннадий Михайлович.

– Натур... – Алекс осекся, а потом чуть охрипшим голосом осторожно продолжил: – Я уточню. Не исключено... А что – есть возможность достать?

– Не исключено, – в унисон ему ответил бывший военный. – Вы там поинтересуйтесь. Тогда и поговорим...

Очередная встреча с Геннадием Михайловичем состоялась через две

недели. Потому что на следующий день после этого разговора Алекс вынужден был уехать.

Дело в том, что, разрабатывая тему подводных сокровищ, он установил, что основной проблемой для подобных кладоискателей было установить точные координаты затопленных кораблей. Основываясь на крайне скудных и неточных сведениях, дошедших из глубины веков, люди месяцами, а то и годами просеивали дно в милях и милях от того места, где реально лежали искомые сокровища. И потому успех часто приходил лишь после пятой или даже десятой попытки. Да и то во многих случаях он становился результатом абсолютно случайности... Вот парень и решил проехаться по паре-тройке мест, в которых реально обнаружались крупные подводные клады, и зафиксировать их точные координаты. Причем не по всяким там GPS, а относительно приметных береговых объектов. Пересечение азимутов на какие-нибудь там мыс, маяк, живописные развалины и т. п. было вполне повторимо и в двадцатых годах, поскольку не требовало непременно наличия системы глобального позиционирования. Поездка была задумана и спланирована давно. И оплачена – билеты, проживание, катера с сопровождающими. Он даже сумел выпить одного из бывших членов команды Мела Фишера, отыскавшего знаменитый галеон «Нуэстра Сеньора де Ато́ча», соблазнив того весьма немаленьким гонораром. И потому задержаться он никак не мог. Но все время поездки у него просто свербело насчет того, что предложил ему Геннадий Михайлович... Так что сразу по возвращении, едва приняв душ, он вызвонил того на встречу.

– Значит, нужны? – усмехнулся бывший военный, бросив первый же взгляд на Алекса.

– Да, нужны, – сосредоточенно кивнул тот. Ну еще бы, кроме бумаг привезти Сталину действующие образцы – да что может быть лучше? – Причем все, что вы сможете достать. Но... есть одна трудность. Дело в том, что он не хочет связываться с официальным оформлением. Сами понимаете, покупка боевого оружия – такое дело... Мало ли к чему его потом попытаются притянуть? Он – фигура заметная, и врагов у него хватает... То есть нужны такие образцы, которые я смогу добросить на машине до Швейцарии. Оттуда уже их заберут на самолете.

– Вот как... – Геннадий Михайлович задумался, – значит, объем должен быть не слишком большой. И боеприпасы ему тоже не нужны.

– Нет, – мотнул головой Алекс, но тут же поспешно добавил: – Если только немного. В качестве образца.

– Понятно, понятно... – задумчиво протянул бывший военный.

Впрочем... Алекс задумался – а военный ли? И «дети» ли его сюда привезли и содержат? Ой, что-то не верится... У парня засосало под ложечкой. Неужто он в очередной раз во что-то вляпался?

Глава 17

– Ваше кофе, господин Хубер...

– Спасибо, Рихард, – благодарно улыбнулся Алекс. Молодой мужчина, принеший ему чашку кофе, улыбнулся в ответ. Улыбка у его молодого секретаря была хорошая – широкая и какая-то солнечная...

* * *

Несмотря на все его опасения, как подготовка, так и сам переход через портал у Алекса едва ли не в первый раз прошли, как говорится, без сучка и задоринки.

С «натурными образцами» все разрешилось хорошо. Оружие оказалось албанским. А вернее, польским и китайским... Ну то есть склады, с которых и поступило это самое оружие, были албанскими. Албания в настоящий момент затеяла частичное перевооружение, переходя на оружие под натовский патрон и отправляя на свои склады длительного хранения образцы шестидесятых-восьмидесятых годов, для чего требовалось срочно освободить их от более старых образцов. А у Геннадия Михайловича в приятелях оказался один серб, дети которого мutilи нелегальный оружейный бизнес. По крайней мере, так он рассказывал... Впрочем, серб действительно был. Высокий, сухощавый старик с совершенно седой головой.

– Вук, – коротко представился он и крепко стиснул Алексу руку... Оружие он привез на вполне себе обычном грузовичке, сложив ящики с ним в кузове и завалив их сверху аккуратными брикетами с соломой.

– Крбин польский, – пояснил он, по-сербски теряя гласные, когда достал из первого ящика какую-то винтовку. – Срк девятого года. Хроший! Нмера стрты. И на остльном оржии тж...

Алекс согласно кивнул, не слишком понимая, чем хорошо, что карабин именно польский. И вообще, зачем ему польский карабин? Вроде как Геннадий Михайлович говорил о советском... Но стоящий рядом бывший военный успокаивающе кивнул и пояснил:

– Это – тот же самый «МО-44», о котором я вам рассказывал. Только польского производства. И послевоенный. Действительно хороший экземпляр [\[101\]](#).

– «ППС» тже плський, – продолжил между тем Вук, доставая следующие... образцы. – Два. Одн с дрянным пркладом, дргой – со склдным. Возмешь оба?

Алекс недовольно нахмурился. И зачем ему два? Он недовольно покосился на Геннадия Михайловича, однако тот согласно прикрыл веки. И Алекс, вздохнув, согласился:

– Оба.

– Хршо. Теперь племет. Ктайски... «Тип всмдесят». С зпсным ствлем и стнком. Плный кмплект.

– Китайский? – удивился Алекс, снова бросая взгляд на своего «консультанта». Тот улыбнулся.

– Не волнуйтесь. Это полный аналог нашего «ПК». Просто в Албанию советское оружие поставлялось очень давно и в весьма небольших количествах...

– Ну не знаю... – покачал головой Алекс. – Хотелось бы именно советское. Для достоверности. К тому же, – он с сомнением покосился на весьма громоздкие зеленые ящики, из которых серб и достал все это оружие, – не совсем понимаю, как я смогу все это довести. Если просто загрузить в багажник – так это до первого же полицейского...

– Мжем пмочь, – рубал серб. – Пдгтовим мшину.

– Э-э-э...

– Уже длали, – пояснил Вук. – Брем стрый «Фльсвгн» и все пкуем. Не нйдут. Тлько если рзбрать...

– И чтобы доставать, тоже разбирать надо будет? – усмехнулся Алекс.

– Нт, – мотнул головой серб. – Хтро сделам. Тлько обивку отдрать и откритить пру внтов.

Алекс задумался.

– И сколько?

– Дсять тысч сврху.

Парень прикинул остатки финансов, а потом решительно кивнул.

– Согласен. Но все оформление на вас.

Серб согласно наклонил голову, а затем спросил:

– Ще что ндо? Мсто бдет.

Алекс снова посмотрел на Геннадия Михайловича. Тот ненадолго задумался, а потом спросил:

– А скажите, Сашенька, с какого года у вас в игре начинается развитие?

– Э-э-э... с революции, то есть с семнадцатого, – с легкой запинкой выдал Алекс. И тут же поспешно добавил: – Но, так сказать, узловой год –

двадцать пятый. До него у игроков просто не будет достаточно ресурсов, для того чтобы предпринять что-то серьезное.

– Вот как... – бывший военный улыбнулся, после чего повернулся к сербу и спросил: – Миномет достать сможешь?

Тот задумался, а потом медленно кивнул.

– Ктайски... Тип псят три.

– Аналог нашего «БМ-37», – понимающе кивнул Геннадий Михайлович, после чего повернулся к Алексу и пояснил: – Лучший вариант. Несмотря на то что это оружие изобрели наши [\[102\]](#), первые действительно современные образцы миномета, системы Стокса – Брандта, попали в СССР только после конфликта на КВЖД, то есть в тысяча девятьсот двадцать девятом году. Так что если *игрок за СССР* решит освоить эту технологию раньше, то он точно получит преимущество.

Алекс кивнул, ощущая, как у него по спине потекли струйки холодного пота. Уж как-то больно выразительно Геннадий Михайлович выделил голосом слова «игрок за СССР»...

* * *

– Да, как там «вещи»? Уже доставили? – спросил он у секретаря, вернувшегося через десять минут, чтобы забрать пустую чашку.

– Да, все нормально. Игорь полчаса назад вернулся из Люцерны. Сообщение, что самолет благополучно долетел до Москвы, пришло еще вчера. Передали большую благодарность за все доставленное. Деньги обещают перечислить немедленно.

Алекс довольно ухмыльнулся. Да уж, посылочка неожиданно получилась весьма увесистой...

«Специально подготовленной машиной» оказался древний «Фольксваген Транспортер» ТЗ выпуска ажно тысяча девятьсот восемьдесят лохматого года. Так, по крайней мере, было написано в документах. Впрочем, несмотря на возраст, завелась машина буквально с пол-оборота стартера. Да и вообще всю дорогу выдержала на редкость нормально.

У обгоревших развалин своего дома Алекс появился за пару суток до дня перехода. В этот раз он шел не налегке – одних распечаток было четыре большие коробки, весом килограмм по тридцать – тридцать пять. Разошлись, старички... да и он от них не сильно отстал. Одних папок с биографиями персоналий получилось даже не две, а три с половиной

сотни. Потому что кроме того списка, который ему составили первоначально, потом появились и другие. Например, предатели и перебежчики. Впрочем, ученых, уехавших по моральным соображениям, типа тех же Леонтьева или Ипатьева, никогда после отъезда не вредивших СССР, Алекс оттуда вычеркнул... Или, наоборот, наиболее известные изобретатели, ученые и инженеры. Причем не только советские. В США же на подходе Великая депрессия. Так отчего бы не попытаться зацепить там каких-нибудь талантливых специалистов из числа тех, кто потеряет работу... Кроме того, он набрал много материалов и по химическому производству, и по той же золотодобыче, которые, кстати, во многом пересекались. Например, такие методы добычи и очистки золота, как цианирование, требовали технологий по получению самого цианида. К примеру, пиролизом этиламина. С чертежами аппаратов, технологической картой процесса и полным циклом получения амина...

* * *

С прошлого года тут вроде как ничего не изменилось. Ведущая от дороги в сторону остатков дома дорожка, покрытая пучками прошлогодней травы, была уже свободна от снега, но грязь и лед с нее никуда не делись. Так что Алекс, выйдя из машины и пройдясь по ней полсотни метров, понял, что на своих асфальтовых шинах до дома он не доберется. А таскать ящики с оружием и коробки с подготовленной им и «пенсионерами» и распечатанной информацией от дороги к дому... он же не Шварценеггер. Да и тому точно пришлось бы немало попотеть. А все энтузиазм виноват... Когда Алекс, поняв, сколько ему придется тащить на своем горбу, попытался немного притормозить хотя бы Аркадия Александровича, этак с намеком пошутив, что как бы его хозяин не рассердился на то, что его работник, засидевшись до полночи за компьютером, потом весь день на работе клюет носом, тот только свирепо отмахнулся:

– Да пошел он – плевать и растереть! Вот посмотрите, Сашенька, я тут подобрал материалы по аппарату Илизарова. Гениальное же изобретение! И очень простое. Вы там у себя в игре обязательно должны учесть, что, если его внедрить, безвозвратные и санитарные потери в войне, а также расходы государства на содержание инвалидов после нее должны очень заметно сократиться...

Так что попытка уменьшить объемы собираемых материалов окончилась пшиком. А ведь дело было не только в физических объемах.

Алексу же еще надо было вычитать все их материалы, чтобы устранить всякие упоминания, способные навести на мысль о иновременном происхождении информации. А то прочитает кто-нибудь нечто вроде: «Первая операция по данной методике была проведена в тысяча девятьсот пятьдесят втором году профессором Шуваловым...» – и все, пиши пропало! Нет, конечно, он предполагал, что после передачи материалов по назначению их тоже будет кто-то шерстить на этот предмет. Потому что едва только информация о портале в будущее просочится – СССР его в своем единоличном владении никак не удержать. Не с его нынешними возможностями... Да даже если бы он находился на территории СССР – и то не получилось бы, а уж в Швейцарии-то... Но лучше и самому лишний раз проверить. Алекс был заинтересован в сохранении тайны куда больше, чем СССР...

Чтобы добраться до развалин, пришлось разворачиваться и ехать в Альтдорф, где искать по магазинам цепи или пластиковые скобы на колеса, серьезно улучшающие проходимость. И вот в том же хозяйственном, в котором и продавались всякие нужные в этих местах вещи, Алекс внезапно разглядел еще парочку вещей, которые должны были ему помочь переправить груз из машины к portalу. Ну не продумал он этот вопрос заранее. Замотался со всеми этими вычитками, распечатками и волнением насчет оружия... А также и преодолеть сам портал. После чего ему пришло в голову: а почему бы не прихватить в прошлое еще и, скажем, семян? Нынешние-то сорта должны быть куда урожайнее прошлых... Так что к руинам дома его «бусик» подъехал, буквально цепляя колесами арки.

Все покупки пришлись в тему. Благодаря купленным в альтдорфском магазине небольшой электрической лебедке, компактной бензопиле и легким алюминиевым трапам, увеличившим надежность пола второго этажа, с переброской груза к portalу Алекс управился куда быстрее, чем изначально рассчитывал. После чего упаковал его в довольно вместительную складную четырехколесную тележку. Ну а как вы думали – вручную перекидать коробки с распечатками и несколько кофров и ящиков с оружием и десятком мин... да портал десять раз успеет закрыться! А тут надавил на ручки – и раз, уже в прошлом... После чего установил прямо внутри развалин легкую каркасную палатку с каталитическим нагревателем внутри. Куковать у портала ему предстояло более суток. Подкрепившись саморазогревающимся армейским пайком, несколько упаковок которого он прихватил, чтобы не заморачиваться с готовкой, парень некоторое время повалялся, поругивая про себя недоразвитость местного Интернета, а потом... короче, ему внезапно пришло в голову, что закупленный им в

Альтдорфе электроинструмент вполне пригодится и в прошлом. Как минимум в качестве образца для производства тех же электродвигателей. Надо только отодрать все таблички с датами и стереть надписи, способные натолкнуть на мысли об иновременном происхождении инструмента. Так что пришлось вновь прыгать в «Фолькс» и лететь в Альтдорф за моющими средствами и растворителями. А когда он закончил с инструментом, до него дошло, что и в самом «бусике» также имеется немало того, что очень бы пригодилось в прошлом, – свечи, экранированные провода, бензостойкие армированные шланги, амортизаторы, карбюратор, «запаска», да те же «дворники» еще не запатентованной конструкции... Он и оппозитный двигатель снял бы, но у того на блоке цилиндров были намертво отлиты год и месяц изготовления. Впрочем... это же можно напрочь удалить с помощью болгарки и шлифовальной машинки!

Слава богу, навалившаяся усталость и наступивший вечер пригасили трудовой порыв. А то от «Транспортера» точно остались бы рожки да ножки, а тележку в портал пришлось бы закатывать с помощью рычага и лебедки...

Портал открылся, как всегда, неожиданно. Алекс до сих пор никак не мог просчитать, по какому алгоритму он открывается. Скорее всего, это было связано с днем весеннего равноденствия, приходящимся именно на двадцатое марта. Ну чаще всего... Но сама точка равноденствия, как правило, плавает, смещаясь от вечера к глубокой ночи, затем к утру, потом ко дню и опять выпадая на вечер. Здесь же портал почему-то всегда открывался исключительно вечером или ранней ночью. То есть время открытия портала смещалось только часа на полтора-два, не более. И? Как это привязать к равноденствию?

Но, как бы то ни было, портал открылся. Алекс поспешно навалился на ручки тележки и попер в портал, с усилием толкая ее перед собой...

* * *

– Господин Хубер, почта...

– М-м-м, Игорь привез?

– Да, он разгружал продукты в ледник, так что почту принес только сейчас.

Алекс сгреб с принесенного секретарем подноса несколько конвертов и принялся неторопливо вскрывать их, быстро пробегая глазами содержание. Оп-па! Парень довольно ухмыльнулся. А вот и американцы

прорезались! В этот «заезд» он решил не патентовать больше никаких технологий, а откупиться ими от Сталина. У него и так в будущем было (ну *было бы*, если бы не ограбили...) уже достаточно денег. Даже слишком... Это только в слащавых романах на главного героя или чаще героиню могут «ниоткуда» свалиться крупные капиталы. В реальной жизни такого не бывает. Кто бы что себе ни думал – деньги всегда под присмотром. Все. И «ниоткуда» они появиться не могут. Так что любой внезапно разбогатевший мгновенно попадает в фокус интереса многих влиятельных людей и весьма непростых структур. И если капитал у новоиспеченных «нуворишей» не слишком большой, то и «интересанты» тоже не слишком серьезные. Так – мошенники и прилипалы... Просто люди, на которых внезапно свалилось «богатство», часто подвержены греху неудержимых трат. Ну как же – ты так мечтал иметь то и то, и еще вот это, а вот об этом ты даже и мечтать не смел... а тут у тебя появляется возможность воплотить в жизнь свои самые смелые мечтания! Ну как тут удержаться?! Так почему бы тем, кто уже умеет управляться с деньгами куда лучше вот таких «новоиспеченных», не протянуть им руку помощи в этом нелегком деле... заодно отщипнув и себе неслабый кусочек. И исключений здесь практически не бывает. Просто поинтересуйтесь, как долго оставались богатыми люди, скажем, выигравшие крупные суммы в лотерею. О-очень много интересного узнаете... А вот если денег слишком много – тогда совсем беда. Здесь интерес к тебе будет уже совершенно другого уровня. И кружить вокруг тебя станут такие акулы, что даже памяти от тебя, скорее всего, не останется, не то что тела... Так что эпопею с патентами Алекс решил завершить, сосредоточившись на том, чтобы обеспечить себе в будущем надежный доступ к счетам. Дарить свои деньги какому-нибудь очередному жадному уроду с большими связями он больше не собирался. Он вообще не собирался их перед кем-нибудь засвечивать. Все надо было сделать так, чтобы он сумел справиться сам. Сами же деньги, как уже имеющиеся на счету, так и все дальнейшие поступления, Алекс решил раскидать по разным счетам и разным банкам таким образом, чтобы на каждом из них в будущем оказалось не более нескольких миллионов. Максимум – нескольких десятков. Хотя это уже было многовато... Но и от новых клиентов на старые патенты отказываться все же было глупо. Да и Америку посмотреть хотелось. А что – страна Свободы, Сияющий-Град-на-Холме, Светоч демократии! Интересно же...

– Рихард, я собираюсь съездить в Америку. Займитесь билетами, пожалуйста.

– В Америку? – уточнил секретарь, как-то незаметно взявший на себя

всю нелегкую ношу секретаря и управляющего – от закупки продуктов, найма персонала, переписки и до организации поездок. – Хорошо, господин Хубер. Как быстро вы собираетесь отправиться?

– Как можно быстрее. Там заинтересовались моими патентами и приглашают на переговоры, – тут Алекс сделал мстительную паузу, после чего смиростивился и наконец добавил: – Ну а после возвращения съездим и в СССР.

Да, в этот раз он в СССР пока так и не съездил. Несмотря на то что здесь, в доме, находился буквально под конвоем сотрудников силовых структур этой страны. То есть формально под охраной, но «товарищ Вернер» еще в его прошлое посещение этого времени наглядно показал всем, как быстро охрана может превратиться в конвой. И вот этого Алекс никому прощать не собирался. Да, дергать тигра за усы было опасно – у руководителей СССР может кончиться терпение, и тогда какой-нибудь СЛОН может оказаться самым удачным выходом из тех, которые ему останутся. Но, с другой стороны, если он не сможет поставить себя, отстоять свое право на принятие собственных решений, то тогда придется забыть обо всех своих планах и надеждах. Даже тех денег, что лежат на счетах сейчас, у него может не остаться. Не говоря уж о некоем обеспечении доступа к ним в далеком будущем. Он должен заставить Сталина уважать его свободу. Вот так Алекс сформулировал для себя задачу... И работать над ее воплощением в жизнь он начал прямо в момент перехода. Хотя опять все практически сразу пошло не совсем так, как он планировал...

* * *

Едва только тележка затормозила, намотав на переднее колесо одну из покрывающих каменный пол пушистых шкур, Алекс отпустил ручки и, насупившись, уставился на ошалело уставившегося на него молодого парня.

– Ты кто?

– Й-а-а... – растеряно протянул тот, потом кашлянул и, собравшись, растянул губы в весьма обаятельной улыбке. – Мое имя – Рихард Зорге. Я – сотрудник Коминтерна и в настоящий момент присматриваю за вашим домом, господин Штрауб.

– Хубер, – мрачно поправил его Алекс и-и... завис. Зорге? Тот самый? Откуда?

– Хорошо, герр Хубер, – тут же согласился встретивший его молодой человек с такими известными именем и фамилией. И – да, как выяснилось чуть позже, это оказался именно он. Рихард Зорге. Знаменитый советский разведчик. Один из тех, кто перед самой войной сообщал Сталину о скором нападении Германии на СССР, а уже в сентябре сорок первого – о принятом на секретном совещании у японского императора решении не нападать на Советский Союз ни в сорок первом, ни в начале сорок второго года. Что позволило перебросить под Москву из Сибири свежие дивизии и не только отстоять столицу, но и впервые за все время идущей уже два с лишним года мировой войны заставить немцев отступить. Бог ты мой... Алекс помнил все это еще с восьмого класса, когда готовил доклад о подвиге Зорге к «уроку мужества», посвященному очередной годовщине Победы... Но откуда... а-а-а, ну точно! Он упоминал о Зорге во время тех допросов, когда его крутили на персоналии этого времени, которые он помнил. И, похоже, товарищ Сталин решил, что после фиаско с проходом через портал «товарища Вернера» нужно подвести к «пришельцу из будущего» такого человека, к которому он будет испытывать уважение. То есть сразу не пошлет быстро и далеко...

– И зачем вы мне здесь? – хмуро поинтересовался Алекс. То, что его будут встречать, сомнений у него не вызывало. Так что сразу по прибытии парень собирался закатить шикарный скандал. Ибо не хрен... Но этот неожиданный ход Сталина с Зорге выбил его из колеи. Ну не мог он орать и материться на легенду. Даже если она пока и не... Так что можно констатировать, что у будущего тирана и диктатора на первом шаге все получилось так, как он и рассчитывал. Ну да, серые посредственности ТАК в истории не остаются...

– Мы-ы... мы получили информацию о произошедшем, – явно выбитый из колеи картиной перехода Зорге довольно быстро собрался и продолжил уже заметно более уверенно: – И я уполномочен от имени советского правительства принести вам самые глубокие извинения. А также обсудить вопрос о компенсации. Наша страна крайне заинтересована в скорейшем разрешении случившегося недоразумения и переходе к конструктивному сотрудничеству.

О как! Блин, прям высокие договаривающиеся стороны какие-то... причем точно не ниже Австрии или там Италии!

– Что же касается меня – то мне было поручено обеспечить охрану и содержание дома на время вашего отсутствия, – тут Зорге широко улыбнулся и повел рукой в сторону лестницы на второй этаж. – Вода для ванны уже согрета, а в вашей спальне вас ждет отглаженный костюм и

свежая сорочка. Ужин почти готов и будет подан, как только вы пожелаете.

Алекс нервно хмыкнул, слегка выбитый из колеи подобным сервисом, и покосился на тележку.

– Ваши вещи я предлагаю сложить в кладовую рядом с библиотекой, – тут же отреагировал Зорге. – И не беспокойтесь. Без вашего разрешения к ним никто и пальцем не прикоснется. Я за этим прослежу.

«Он что – мысли читает? – удивился Алекс. – Тогда неудивительно, что он стал таким легендарным разведчиком... Да нет, вряд ли – скорее просто логика... но хорош, хорош!»

Ванна и ужин оказались великолепными. А когда Алекс упал в постель, застеленную свежими накрахмаленными простынями... да уж, никакой «оллинклюзив» не сравнится с подобным индивидуальным обслуживанием. Что ж, похоже, ему постарались ясно дать понять, что, так сказать, признают свою вину и готовы ее загладить. Но сдаваться так быстро парень не собирался...

Роль «Кощея над золотом» Алекс отыгрывал почти три недели. И за все это время Зорге ни звуком, ни жестом, ни даже движением бровей никак не намекнул ему о том, что, может, стоит закончить страдать ерундой. Ведь всю ту гору ящиков, коробок и кофров Алекс приволок в прошлое вовсе не для того, чтобы она валялась в дальней кладовке. Нет – все было четко, корректно и максимально выдержано... Так что спустя двадцать дней парень решил-таки смириться и разрешил переправку всего, что он притащил из будущего, туда, куда все это изначально и предназначалось. То есть в СССР... Но сам туда ехать категорически отказался. Мол, дела, исследования и все такое прочее. Исследованиями он и впрямь потихоньку занимался. Но больше для себя. Ну и неторопливо обживался в доме, который ему очень нравился. Что было немудрено. Ведь создавался-то дом именно под Алекса, причем в соответствии с теми требованиями удобства и комфорта, которые сложились к началу XXI века. Ну в том объеме, который можно было повторить на текущей технологической базе. А кроме того, Алекс вплотную занялся вопросами обеспечения себе в будущем более-менее беспрепятственного доступа к своим счетам. Что, кстати, потребовало изрядно покататься по Европе.

Самым легким вариантом оказалась Андорра. В ней единственной в будущем сохранились так называемые безымянные или номерные счета. В Швейцарии их, насколько Алекс помнил, под давлением США полностью ликвидировали. А вот в Андорре – нет. То есть американцы там тоже, конечно, нагадили, потому что вследствие их давления новых счетов андоррские банки более не открывали. Но вот старые остались. И, кстати,

они и сами по себе являлись очень неплохим товаром. Находились люди, готовые выложить очень солидные суммы за обладание старым номерным счетом, даже если на нем хранились жалкие копейки. Это Алекс выяснил еще в покинутом будущем... Вот он теперь и прокатился до Андорры, где открыл несколько подобных счетов в трех разных банках. Но кроме Андорры вполне перспективными выглядели и некоторые другие страны. Ведь как-никак он сумел-таки выцепить часть своих денег и с обычного, неномерного счета. Да, с помощью «сестрицы» или этого уродя-олигарха, но сумел же! И это при том, что в тот момент, когда он их выцарапывал, Алекс фактически был никем – без денег, без документов, то есть, считай, нищий нелегал. А если он легализуется (опыт-то уже какой-никакой имеется) и с помощью парочки тех же номерных счетов станет уже не нищим, так, может, и без посторонней помощи удастся обойтись? Так что Алекс решил не ограничиваться Андоррой и посетить с подобными целями еще и Люксембург, Лихтенштейн и Швецию. И подумывал и о всяких там США, Канаде и Австралии. Но до сего момента в этом направлении пока ничего не предпринял. Что ж, возможно, в предстоящей поездке получится совместить, так сказать, полезное с приятным. Ведь что может быть разумнее, чем направлять патентные выплаты от американских компаний на счет, открытый в американском же банке... «Похоже, этот этап погружения в прошлое окажется куда более спокойным и приятным, чем все предыдущие», – с улыбкой подумал Алекс. Он даже не подозревал, насколько ошибается...

Глава 18

– Ну что, не надумали? – Сидящий перед ним грузный тип в довольно дорогом костюме высокомерно ухмыльнулся и, картинно затянувшись сигарой, пыхнул в сторону Алекса облачком ароматного дыма.

– Нэт, – выдавил из себя парень, с трудом ворочая разбитыми губами. Вот ведь черт – правду говорят, что никогда не узнаешь, где найдешь, где потеряешь. Если бы не тот весьма, естественно, неприятный опыт с допросом огэпэушником, то он бы точно давно уже поплыл и подписал все, что от него требовали. А пока, смотри-ка, вполне себе держится. Впрочем, и бьют-то его пока не так уж и сильно. Нет, больно, конечно, не вопрос, но... Алекс едва заметно сморщился и прикоснулся языком к зашатавшемуся зубу и ранке, сделанной им же на внутренней стороне губы. Эк его приложили... Но – терпимо. После огэпэушного опыта – вполне терпимо...

* * *

До Нью-Йорка Алекс добрался на легендарной «Мавритании», уже более пятнадцати лет удерживающей самый престижный в мире переходящий приз среди пассажирских лайнеров – «Голубую ленту Атлантики». Старушка всего год как вышла из очередного ремонта, так что через океан шла весьма ходко. А вот интерьеры, похоже, не поменяли. Так что Алексу удалось насладиться тем самым «духом викторианской Англии», которым и был пропитан этот корабль, сошедший с верфей в тысяча девятьсот седьмом году. Королева Виктория к тому моменту, конечно, уже лет шесть как покоилась в могиле, но дух ее, судя по всему, был тогда вполне еще жив.

Неожиданности начались прямо у трапа.

– Мистер Хубер?

Алекс притормозил и недоуменно уставился на какого-то типа в мятом плаще и шляпе, остановившего его, едва только он сошел на пирс. За спиной типа маячили двое мрачных полицейских.

– Да, это я. А в чем, собственно, дело?

Тип ухмыльнулся и махнул перед носом Алекса каким-то удостоверением.

– Специальный агент Донахью. Вам придется пройти со мной.

Алекс едва заметно скосил глаза на троих охранников, поспешно пробирающихся к нему сквозь толпу пассажиров. Вот черт, надо было не жадничать и ехать всем вместе...

– Но зачем? Разве я что-то нарушил?

– Все узнаете в свое время, – пробурчал тип, после чего слегка повысил голос: – Или мне надо попросить вон тех бравых парней, – он ткнул пальцем за спину, где переминались с ноги на ногу полицейские, – помочь вам с передвижением?

– Нет, зачем же, я готов... – поспешно отозвался Алекс, бросив еще один косой взгляд в сторону охранников. Они никак не успевали. Парни ехали во втором классе, и их просто не пускали на трап, пока вниз не спустятся все пассажиры первого. Так что придется подчиниться и надеяться на то, что его охранники разберутся с тем, куда его увезут. Впрочем, как бы там ни было – начинать бизнес в США с конфликта с американскими правоохранительными органами не выглядело удачной идеей...

Помещение, куда его привезли, выглядело как контора небогатого коммивояжера. Ну как он ее себе представлял по фильмам и книгам... Зайдя внутрь, тип кивнул паре довольно дюжих парней в точно таких же, как у него, костюмах и шляпах, стянул с плеч плащ, повесил его на вешалку и сказал полицейским:

– Спасибо, парни, дальше мы сами, – после чего молча указал Алексу на стул, стоящий в самом центре комнаты, и, подхватив другой стул, стоявший у стены, развернул его спинкой в сторону парня и уселся на него лицом к Алексу, сложив руки на спинке.

– Ну что, мистер Хубер, позвольте мне предъявить вам обвинение в уклонении от уплаты налогов на сумму, которая позволит мне, чертов ты немец, упечь тебя за решетку лет на двадцать минимум!

– Налю... – ошеломленно выдохнул Алекс, после чего возмущенно заявил: – Но я платил все налоги!

– Там, – тип ткнул пальцем куда-то себе за спину, – может быть. Но, как нам стало известно, ты – американский гражданин, потому что родился здесь и никогда не отказывался от гражданства. Так что ты сильно задолжал своей родине, приятель... [\[103\]](#)

Следующие несколько часов превратились для Алекса в настоящий кошмар. С него требовали немедленно рассказать о всех его доходах, полученных им после отъезда из Америки, сообщить номера счетов, иначе угрожали «закатать в такую тюрьму, где ниггеры будут сутками трахать

тебя в задницу». Сначала этот тип орал на него один, а потом к прессингу подключились и двое его подручных. Парень успел сотню раз пожалеть, что ему когда-то пришло в голову назваться выходцем из США, и буквально голову сломал, пытаясь понять, откуда об этом узнало ФБР [\[104\]](#). Впрочем, на самом деле установить это не составило бы особого труда. За время пребывания в прошлом он упоминал об этом не один раз – и во время своего первого попадания, в усадьбе Хуберов, во время жизни в Базеле и даже во время своей работы на BASF, да и во время второго попадания тоже отметил. Даже и бравировал этим, мол, он вам не хухры-мухры, а американец... Более того, в полицейском протоколе его допроса после убийства Конради местом его рождения указаны именно США. Но ведь для того, чтобы выяснить это, надо было как-то этим озаботиться, не так ли? Напрячься, приложить определенные усилия. Ведь здесь нет ни Интернета, ни электронной почты. Да и обычная-то почта весьма нетороплива и не очень надежна – и почтовые пакетботы регулярно тонут, и почтовые самолеты падают, и почтовые вагоны регулярно сходят с рельсов... Кому и зачем это понадобилось?

Все стало ясно, когда за окном уже стало темнеть. Совершенно измученный допросом Алекс впал в некоторую прострацию и потому не заметил, что троица его мучителей куда-то испарилась, а их место неожиданно занял какой-то весьма дородный урод с сигарой в зубах. Нет, не классический «мистер Твистер», этот был хоть и полным, но при этом выглядел таким... скорее разжиревшим мордоворотом, чем капиталюгой, однако чем-то похож...

– Я вижу, мистер Хубер, – радостно улыбаясь, начал он, – вы попали в весьма неприятную ситуацию.

Алекс встрепенулся и недоуменно уставился на столь внезапно появившегося перед ним собеседника.

– Вы кто?

– Я? О, я – ваша надежда выбраться из той ситуации, в которую вы попали, с наименьшими потерями.

– Вот как? – Алекс саркастически усмехнулся. – И что же мне это будет стоить?

– Совсем немного, – ухмыльнулся в ответ дородный и, закопавшись в портфель, достал оттуда пачку бумаг. – Одну вашу подпись. Вот здесь.

Алекс несколько мгновений испытующе разглядывал это тело с сигарой, после чего протянул руку и, взяв бумаги, углубился в них.

– Вы клоун? – раздраженно спросил он, закончив с чтением. – Вы что, действительно считаете, что я передам вам свой патент на таких условиях?

Да он стоит раз в пятьсот больше, чем вы мне тут предлагаете. И это еще я беру по самой нижней планке.

– А зачем вам деньги в тюрьме? – удивился грузный. – Там вы будете на полном государственном обеспечении. Скудноватом, правда, но тут уж ничего не поделаешь. Я же берусь навсегда избавить вас от подобной перспективы. Подумайте...

– Не пойдет, – упрямо мотнул головой Алекс. Не то чтобы ему действительно так уж нужны были эти деньги, но, черт возьми, эти уроды просто растоптали в нем веру в добро и справедливость... в то, что где-то за океаном действительно есть Свободная Страна Свободных Людей. Во всяком случае, для тех, у которых есть деньги. И кто хочет продолжать делать деньги. Ну вот – он приехал, и что? Вот это и есть свобода?

– Ох, мистер Хубер, – дородный затянулся сигарой, после чего пыхнул дымком в потолок, – вы даже не представляете, какую ошибку сейчас совершаете... Ну ладно, поговорим чуть позже. – Он встал, подошел к двери и, распахнув ее, несколько картинно произнес: – Ребята, он ваш. Только не повредите ему руки. А то чем он будет подписывать контракт?

После этого Алекса и начали бить...

– Вот не понимаю я, зачем вы упрямитесь, мистер Хубер, – задумчиво произнес грузный. – Ведь знаете же, что все равно подпишете. Так чего зря упираться?

– Я не буду ничего подписывать без своего адвоката, – снова упрямо повторил Алекс. Дородный вздохнул и покачал головой.

– Ну почему немцы такие идиоты?

– Я – швейцарец.

– Да один хрен! – надсадно заорал тот. – Ты что, идиот, не понимаешь, что у тебя нет выбора? Либо ты подпишешь и спокойно уберешься с территории США, либо тебя просто закопают. Мои наниматели – деловые люди и совершенно не намерены терять деньги... – Он осекся, потому что за спиной Алекса что-то гулко грохнуло. А сразу вслед за этим послышалось несколько выстрелов, последний из которых вдребезги разнес стеклянную стенку, отделявшую помещение конторы от крошечной прихожей.

– Что за черт? – взревел грузный, вскакивая со стула и выхватывая небольшой револьвер.

– Та-дах! – Сначала у тела с сигарой на лбу появилось маленькое красное пятнышко. Потом у него изо рта вывалилась сигара. Затем из ослабевших рук упал и револьвер, громко брякнув о стул. И уже после этого рухнуло массивное тело, с грохотом опрокинув стул и отбросив его в

сторону. А затем Алекс услышал голос Зорге:
– Как вы, герр Хубер?..

* * *

США Алекс покинул тоже на корабле. На раздолбанном и дышащим на ладан угольщике, с портом приписки Нассау, следовавшем курсом на Гавану. И в должности кочегара. Потому что его объявили в федеральный розыск. За «убийство специального агента Донахью и других сотрудников Бюро расследований». Но, кроме федералов, его искали еще и те самые люди, которые пытались, используя продажного специального агента, «отжать» у него его патенты. Кто они такие – выяснить полностью не удалось. Единственное, что получилось узнать, – это то, что они имеют какое-то отношение к химическому холдингу, группировавшемуся вокруг некоего National Chemical Bank, который вроде как имел отношение к... ну, кто бы только мог подумать, банковской группе Морганта!^[105] Очень известная фамилия. Алекс много чего читал о ней в будущем. Вернее, во всех «будущих». Причем как в варианте «истории чудесного успеха кристально честных людей, своим трудом и удачей вознесенных на самую вершину мира», так и в варианте «тайные владыки мира, раскинувшие свои щупальца по странам и континентам и пьющие кровь народов». И после всего произошедшего он был склонен более доверять именно этим вторым вариантам. Ну вот какие же уроды! Нет, о том, что в войне за прибыли транснациональные корпорации используют все способы – от кровавых государственных переворотов, устроенных с помощью наемников, и внешне мирных «цветных» революций (ага, самый треш-то начинается обычно через несколько месяцев после таких «мирных» событий, так что это уже как бы несчитово) до банальных убийств и похищений, он был прекрасно осведомлен. Не идиот же прекраснодушный... Но он всегда считал, что Америка для этих людей – нечто вроде заповедника. Там, по миру – охотиться как хочешь, а внутри границ США – ни-ни, исключительно закон и порядок... И что здесь принято не мочить конкурентов, а договариваться с ними и покупать их. Именно поэтому США и заимели в мире статус «страны равных возможностей» и «светоча демократии». Или это только для своих? Да нет, не может быть... А как же истории успеха тысяч эмигрантов? Ведь не могут же они быть ложью? Или это верно для той, будущей Америки – цивилизованной, толерантной... и сумевшей подгрести под себя весь остальной мир. Заставить его плясать под свою

дудку и расплачиваться друг с другом исключительно долларами. Да хрен его знает...

До Гаваны, до которой угольщик шел почти неделю, Алекс сумел сполна «насладиться» обратной стороной того самого духа викторианской Англии. Потому что угольщик был построен именно в Англии, в тысяча восемьсот семьдесят девятом году. То есть как раз в самый разгар «викторианства». Ну что сказать... это был если не ад, то что-то близкое. В кочегарке было настоящее пекло, а топка оказалась ненасытным чудовищем. За всю десятичасовую смену остановиться и передохнуть хотя бы три-четыре минуты удавалось раз пять-шесть. Все остальное время требовалось неумолимо махать лопатой. Иначе температура в топке и соответственно давление в котле начинали падать, и на старшего кочегара из грязной и погнутой переговальной трубы начинали извергаться потоки ругани. Кормили тоже хреново – не брюквой с червями, конечно, потому что с такой кормежкой кочегаров через пару-тройку дней держать скорость судна капитану уже не помогли бы никакие маты, но от солонины заметно пованивало, а крупа была откровенно прогорклой. За шесть с половиной дней этой адской работы Алекс сбросил почти десять килограмм, хотя и раньше отнюдь не считал себя толстым, и изрядно накачал мышцу. Всю. От бицепсов до пресса и широких мышц спины... И на хрена, спрашивается, тратить деньги на абонементы в дорогие фитнес-залы? Вот – есть же отличный вариант... А еще он почти дозрел до вступления в коммунистическую партию. Все равно в какую, лишь бы в коммунистическую. Стрелять надо уродов, которые так эксплуатируют людей, всех к стенке – немедленно!

В Гаване его встречал Зорге и-и... «Королева Сиама», небольшой и не новый, но весьма крепкий пароход, только что закупленный в США для, как Алекс понял по некоторым оговоркам, ЭПРОНа. Причем, как выяснилось, данная покупка была обставлена большой секретностью. Так, например, формально корабль оставался приписан к Сиамскому флоту и нес на флагштоке торговый флаг этого королевства, а существенную часть команды составляли иностранцы. По-видимому, коминтерновцы... Судну еще предстояло переоборудование, которое планировалось осуществить в Германии, куда он изначально и направлялся. Но теперь его пункт назначения был изменен. Сначала он должен был доставить Алекса в Одессу...

Сталин встретил Алекса весьма тепло. И с юмором.

– А вы, оказывается, очень опасный человек, господин Штрауб. Ну если верить американским газетам... Или вы предпочитаете, чтобы я

именовал вас герром Хубером?

– Лучше Штраубом, – уныло отозвался Алекс. – Хубер – это там, в Европе. Да и вообще, кто его знает, может, Хуберу теперь вообще лучше исчезнуть...

– А вот это – удачная идея, – тут же посерьезнел хозяин кабинета. – Но не сразу, а чуть позже. Когда вы разберетесь с вашими патентами и нейтрализуете ваших главных врагов.

– Да как тут с ними разберешься... – махнул рукой парень. – Отожмут же – к бабушке не ходи! Мне теперь в Соединенные Штаты ходу нет, так что даже если они начнут производство по запатентованной мной технологии, то я даже в суд на них подать не смогу...

– А вот тут вы не правы! – усмехнулся Сталин. – Что нам говорит по этому поводу марксизм? А марксизм говорит, что, во-первых, главным смыслом и целью существования капиталистического способа производства является прибыль, и, во-вторых, что неотъемлемой чертой капиталистического способа производства является конкуренция.

Алекс недоуменно воззрился на собеседника.

– И что? Как это может мне помочь?

– А то, что у тех, кто хочет поживиться за ваш счет, совершенно точно есть конкуренты, которые, опять же совершенно точно, очень не против урвать свою долю прибыли от использования запатентованных вами технологий, – хитро прищурившись, пояснил Сталин.

– Ох, не х... – охнул Алекс. – Ха! Если продать, мой патент конкурентам этих уродов, то пусть они там сами друг с другом и бодаются...

– Не советовал бы, – покачал головой хозяин кабинета, – не советовал бы действовать так прямолинейно. В этом случае вы по-прежнему остаетесь серьезным врагом одной из группировок капиталистических хищников. Лучше просто дать понять той группировке, что вы имеете возможность очень сильно им навредить... а потом договориться.

– Хм... – Алекс несколько мгновений подумал, а потом окинул Сталина восхищенным взглядом. Монстр! Ну ведь согласитесь – монстр же!

– Но... откуда я узнаю, кто их конкуренты?

– А вот в этом, господин Штрауб, мы вам поможем. Мы же должны заботиться о своих друзьях! – и Сталин усмехнулся в усы...

Следующие три месяца, пока готовились переговоры с американцами, Алекс провел в СССР. Вновь были встречи с химиками, во время одной из которых, кстати, Лебедев удивил Алекса своей проницательностью. Улучив

момент, он поинтересовался – не имеет ли «господин Штрауб» отношения к тому необычному образцу шины, который попал в его лабораторию два месяца тому назад.

– С чего вы взяли? – максимально натурально удивился Алекс, сразу поняв, что речь идет о «запаске», снятой им с «Фольксвагена Транспортера».

– Ну-у-у... уж больно необычная, но удивительная конструкция. Использовать металлические нити в качестве корда – это, знаете ли... А вы для меня – главный поставщик необычного. И, кстати, должен вам сказать, что после нашего разговора я подготовил и провел серию исследований, по итогам которой готовлю статью для журнала Сорбоннского университета. И в ней непременно укажу вас в качестве соавтора.

– А вот этого не надо, – вскинулся Алекс. – У меня сейчас... м-м-м... сложный период.

– Вот как? – встревожился Лебедев.

– Да. Если честно – моей жизни угрожает опасность.

– Не может быть! – вскинулся химик-легенда. – Как же так? Это совершенно невозможно! Я немедленно обращаюсь к товарищу...

– Спасибо, мне уже оказывают всю возможную помощь, – поспешно прервал его Алекс. – И опасность мне угрожает отнюдь не в СССР. Но главная моя защита сейчас – тишина, максимальная тишина вокруг меня. Поэтому я вас прошу – никаких упоминаний!

Лебедев нахмурился и покачал головой.

– Что ж, в таком случае я просто отложу публикацию. До тех пор, пока ситуация вокруг вас не разрешится. Потому что публиковать материалы только под моим именем я считаю бесчестным.

Алекс едва заметно нахмурился. Ну вот что сейчас за люди-то – все время его мордой в дерьмо макают... Бесчестным! Можно подумать, что он сам фактически не украл все те идеи, которые озвучивал Сергею Васильевичу. Ну-у... то есть не совсем украл – выучил в универе... но ведь они же точно не его. А Лебедев считает, что его...

– Ситуация вокруг меня может не разрешиться еще очень долго – годы, а то десятилетия, – несколько виновато начал он. – Так что я не думаю, что вам стоит ждать столько времени. Наука не идет вперед, и вас может опередить кто-то еще.

В ответ на эту сентенцию Лебедев некоторое время помолчал. А затем участливо спросил:

– Все так серьезно?

Алекс в ответ лишь тяжело вздохнул...

Переговоры с американцами состоялись в Берне, в адвокатской конторе Мориса Циммермана, куда Алекс прибыл с еще более солидной охраной, чем раньше. Представитель американцев поначалу был настроен очень воинственно и угрожал преследованием «мистера Хубера» по всему миру с использованием всех возможностей, имеющихся в распоряжении американского государства. На что Алекс лишь молча выложил перед ним распечатанный текст договора с «DuPont». На самом деле никаких переговоров с этим химическим гигантом он не вел, а текст был подготовлен одним из американских юристов, специализирующихся на корпоративном праве, по заказу «Амторга», в качестве тестового. Типа, компания ищет адвокатскую фирму для сопровождения своих сделок, среди которых планируется и продажа советских патентов американским компаниям, и хочет на данном примере оценить степень профессионализма... Кстати, этот ход Алекс предложил лично, вспомнив практику одной хитрой фирмы, в которой подрабатывал во время учебы в «Губке». Так вот, там тоже любили расписать кандидату небывалые карьерные перспективы и пообещать просто охрененную зарплату, но все это, естественно, исключительно после успешного прохождения испытательного срока, составлявшего три месяца, во время которого кандидату платили сущие копейки. А после окончания этих трех месяцев кандидатам, как бы они все это время ни рвали жопу, с милой улыбкой указывали на дверь. Таким образом хозяин фирмочки очень неплохо сэкономил на персонале...

Прочитав первый лист, американец побагровел, потом побелел, а затем проблеял, что он должен немедленно проконсультироваться с руководством, и попросил перенести разговор.

Вновь он появился только через три дня, причем на этот раз – сияя улыбкой и общаясь с Алексом со всей возможной любезностью. Новые условия, которые его хозяева поручили ему предложить «уважаемому мистеру Хуберу», отличались от первоначальных буквально как небо и земля. И хотя они все равно были весьма скромными, но – в, так сказать, «пакет предложений», кроме платы за покупку патента и последующих патентных выплат, входило еще и прекращение преследования Алекса по обвинению в убийстве специального агента. Он гарантировал, что снять это обвинение будет достаточно просто, поскольку полицейские, доставившие Алекса в контору этого уродца Донахью, подтвердят под присягой, что при обыске во время задержания никакого оружия у Алекса обнаружено не было. Агент же со своими людьми были расстреляны не из своего оружия. То есть и вариант с отбиранием оружия у агента или его

людей тоже не пройдет. Так что обвинения в убийстве с Алекса снимут. А вот все остальные останутся. Тут американец, явно сожалея, развел руками.

– Увы, мистер Хубер, с этим недавно назначенным директором Бюро мистером Гувером работать очень сложно. Он чертовски упрям. Его предшественник, мистер Бернс, был куда более вменяемым человеком...
[\[106\]](#)

И Алекс понял, что смерти герру Хуберу, увы, не избежать...

Последние месяцы перед переходом Алекс снова провел в СССР, занимаясь налаживанием технологии регенерации нитрирующих смесей, которая являлась очень важным фактором удешевления производства как красок и эмалей, так и порохов со взрывчаткой. Это была его компенсация за помощь и еще один маленький вклад в будущее страны. А также он часто беседовал со Сталиным, пытаясь как-то повлиять на то, чтобы в истории никогда не состоялось того, что потом во всех энциклопедиях назовут «сталинскими репрессиями». Сколько прекрасных людей погибло в застенках, сколько судеб было сломлено. Нет, Алекс был уверен, что просто обязан сделать все, чтобы в *этой* истории ничего такого не случилось...

Вечером двадцатого марта он стоял в зале первого этажа своего дома, перед скалой, скрывавшей в себе портал, и ждал начала перехода. На нем был надет точно такой же пояс, который в прошлый раз снял с него «товарищ Вернер», а во внутреннем кармане пиджака лежал большой конверт со списком просьб и пожеланий от руководства СССР, одной из которых было найти там, в будущем, чертежи и технологии для постройки самых сильных в мире линкоров и линейных крейсеров. Об этом его, кстати, просил лично Сталин, который, конечно, прекрасно отдавал себе отчет в том, что пока СССР не потянет постройку подобных кораблей. Сейчас даже к ремонту пяти старых линкоров пока неизвестно как подступиться. Да-да, пяти, потому что, похоже, обмолвка Алекса о том анекдотичном случае с академиком Крыловым сыграла-таки свою роль. И сейчас бывший «Император Александр III» ожидал дальнейшего решения своей судьбы уже не в Бизерте, а у стенки Севастопольского морского завода... Но вот в будущем, после окончания первой пятилетки, которую благодаря «нашему большому другу» теперь совершенно точно удастся выполнить намного ближе к куда более реалистичным планам и, значит, с куда лучшими результатами... Увы, его осторожные замечания насчет того, что он вроде как не слышал о том, чтобы в будущем существовали линкоры и крейсера, были восприняты как неведение чисто гражданского человека. Так что Алекс пообещал посмотреть...

Скала едва заметно засветилась. Алекс глубоко вдохнул.

– Удачи... – раздался из-за спины негромкий голос Зорге, примостившегося на странной треугольной и жутко неудобной канистре, несколько штук которых были сложены в углу залы. Да-да, герр Хубер должен был погибнуть в своем доме во время пожара. Для этого даже уже был приготовлен свежий труп, одетый в его одежду... И, кстати, подобный вариант своей гибели предложил именно Алекс, припомнив, как попал в руины своего дома после пожара во время прошлого перехода в будущее. Но на этот раз сгоревший дом не должен был надолго оставаться в полуразрушенном состоянии. Где-то через полгода, когда закончатся все расследования и улягутся волнения, остатки дома должен был купить один «богатый аргентинский скотопромышленник», который собирался время от времени наведываться в Европу и потому подыскивал для себя несколько квартир и особняков в разных странах, где он мог бы как приобщиться к радостям цивилизации, так и отдохнуть на лоне природы. Часть из них, в том числе и этот домик, он потом сдаст в аренду. Естественно, после того как полностью его восстановит. Так что к следующему появлению Алекса дом должен снова оказаться в его полном распоряжении. Хотя жить тут уже, конечно, будет кто угодно, но только не покойный герр Хуберт...

– К черту! – несколько невпопад ответил Алекс и решительно шагнул вперед... в следующее мгновение со всей дури вписавшись в какой-то очень твердый предмет. Со стоном рухнув на пол, Алекс с трудом повернул голову и уставился... на массивный камин, занимавший почти половину той стены, в которой и размещался портал.

– Окт... хуки! – выдавил он из себя разбитыми губами и, уже уплывая в небытие, расслышал чей-то визгливый голос...

– Արամ, Արամ, ավելի շուտ, վերցրու հրացանեւ արիալստեղ!
Մեզմտելգողը!^[107]

Примечания

1

Кабак, пивная (*нем.*).

«Дерьмо», привычное немецкое ругательство (*нем.*).

3

Начальник лаборатории (нем.).

Дуэнья, компаньонка, т. е. мадам, следящая за нравственностью и приличным поведением подопечных (*нем.*).

Истинный немец (*нем. жарг.*).

6

Доброе утро (*нем.*).

Легендарный международный мотоклуб «Ангелы ада». Имеет филиалы (чепты) в почти сорока странах мира.

Кафетерий (нем.).

Мама (нем.).

Крупнейший европейский гейпарад. Проводится ежегодно в разных странах и городах.

Добрый день (*нем.*).

Прадедушка (нем.).

Крепкий напиток из черешни, традиционный для Швейцарии, Германии и Франции.

Правнук (*нем.*).

Дедушка (нем.).

Маленький бизнес (нем.).

Унтерофицер (*нем.*).

Искусственный спутник (нем.).

Тетя (*нем.*).

Швейцарская «копейка», в настоящее время часто именуется еще и «рапеном».

До середины двадцатого века пластинки изготавливались из хрупкого и горючего шеллака.

Кратко – начало строительства 2009 год, стоимость 1 кВт энергии – 2000 долларов (изначально в проекте декларировалось 1200), запуск первого реактора планировался в 2013 году. Итог – последняя официально озвученная цифра стоимости (2011) – 3900 долларов за киловатт, последняя (неофициальная) информация – 8500 долларов. Сроки – на март 2018 ни один блок не запущен. Кого заинтересовала данная победа «передовых технологий, демократии и свободного рынка», прошу на: https://pikabu.ru/story/konkurenty_rosatoma_westinghouse_stroitelstvo_ayes_pc

Марка – название валюты Германии с момента создания Германской империи и до момента перехода на евро в 2002 году. В разные времена могла именоваться немного по-другому, например рентная марка, рейхсмарка, немецкая марка и т. п.

САСШ – Североамериканские соединенные штаты. Так в те времена именовали США в Европе и России.

Практически все крупнейшие немецкие города – Дрезден, Гамбург, Кельн, Мюнхен и многие другие были разрушены американскими бомбардировками на 75–98 %. Причем разрушениям в первую очередь подверглись именно исторические центры и жилые кварталы немецких городов, а не промышленные предприятия или воинские части. В настоящем времени большая часть исторических зданий так и не восстановлена, а те, что восстановлены, сами немцы называют «качественное архитектурное вранье».

Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) – действовавший в 1923–1933 годах крупный лагерь, через который прошли, в частности, академик Дмитрий Лихачев, философ и ученый Павел Флоренский и многие другие известные люди. Но главный герой знает о нем именно из-за пребывания в лагере академика Лихачева, поскольку об этом факте его биографии много писалось в прессе.

Национальное швейцарское блюдо из обжаренного тертого картофеля.

Венское «Садовое кольцо», по обустроенности и озеленению, впрочем, больше похожее на Бульварное.

Центральный железнодорожный вокзал Мюнхена.

Стрелковая улица, ведущая от вокзала к площади Карлсплатц, поблизости от которой в начале XIX века располагалось стрельбище, из отслуживших свой срок щитов ограждения которого, кстати, было построено здание самого первого Мюнхенского вокзала.

Бывшие морские офицеры Генрих Тиллессен и Генрих Шульц, состоявшие в правой организации «Консул», фрайкоре Оберланд и Ордене германцев, 26 августа 1921 года расстреляли министра финансов Веймарской республики Маттиаса Эрцбергера. Это была вторая попытка его убийства. Совершивший первую попытку бывший фенрих Ольтвиг фон Гиршфельд получил всего лишь 18 месяцев тюрьмы. Считается, что именно столь мягкое наказание и послужило причиной скорой второй попытки.

Иногда hell – «светлое», немецкое название светлого пива.

Кислая или квашеная капуста (*нем.*) – традиционный немецкий гарнир.

Пивная крышка (нем.) – картонный кружок, изначально предназначавшийся для того, чтобы в пиво не попала листва, насекомые и иные посторонние предметы, так как в те времена многие пивные представляли собой стоявшие на улице под деревьями столы и лавки. Сейчас чаще всего используется как подставка.

Полицейский (нем.).

Пограничники (нем.).

Именно на этом и строилось обоснование «Drang nach Osten», см. А. Hitler «Mein Kampf» часть II, гл. 14.

В общем, такое действительно имело место быть. Но при этом за две первые пятилетки страна на самом деле произвела впечатляющий рывок. Так, то же производство чугуна за период с 1928 по 1937 год пусть и не дотянуло до плановых показателей, но все равно выросло почти в 4,5 раза, стали – в 4, электроэнергии – более чем в 7 раз, а металлорежущих станков и тех же автомобилей – в 25 и 250 раз. Нет, росли и другие страны, и Германия за эти годы ой как поднялась, но СССР совершенно точно в это время был лидером роста...

См. рассказ Рея Бредбери «И грянул гром».

Служба безопасности рейхсфюрера СС (SD от SicherheitsDienst) – часть националсоциалистического государственного аппарата в Третьем рейхе. Основана в 1931 году как спецслужба НСДАП и связанных с ней отрядов СС. С 1939 года подчинялась Главному управлению имперской безопасности (РСХА). Использовалась для борьбы с политическими противниками и запугивания населения. Внешние подразделения занимались шпионажем и тайными операциями.

Быстрая частица попадает в ядро (*польск.*).

Административное управление (нем.). Административное деление «Свободно присоединившейся территории Швейцария» не совпадает с действующим в текущей реальности.

Во время Великой депрессии 5 апреля 1933 года президентом США Франклином Делано Рузвельтом был издан Указ № 6102 о фактической конфискации у населения и организаций золота, находящегося в слитках и монетах. Все находящиеся на территории США физические и юридические лица (в том числе иностранные граждане и компании, хранящие золото на территории США) были обязаны до 1 мая 1933 года обменять золото на бумажные деньги по фиксированной цене. Как это сочетается со свободным рынком и индивидуальной свободой – никто пока объяснить так и не смог...

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (англ. House UnAmerican Activities Committee) – комиссия палаты представителей конгресса США, действовавшая в 1934–1975 годах. Создана в 1934 году для борьбы с «подрывной и антиамериканской пропагандой».

«Вашерон Константин» (нем.) – марка швейцарских часов, считающаяся одной из самых дорогих и престижных (а некоторыми и самой-самой) марок.

Фидо, или Фидонет (от англ. FidoNet) – международная любительская компьютерная сеть, построенная по технологии «из точки в точку». Была популярна в 1990-х годах, после чего, в связи с массовым распространением Интернеттехнологий, началось сокращение числа узлов сети.

А вот не буду объяснять что это такое, если не знаете – сами спросите у Яндекса!

Изначально тоталитаризм был синонимом именно и только фашизма. Впервые его применил Джованни Амендола, либералантифашист, отец видного итальянского коммуниста Джорджо Амендолы, в 1923 году. В отношении СССР он был впервые использован Троцким в его работе «Преданная революция». А в широкий оборот термин стал входить после слов президента США Трумэна: «Нет никакой разницы между тоталитарными государствами. Мне все равно, как вы их называете: нацистскими, коммунистическими или фашистскими», произнесенных им в 1947 году. Я думаю, если бы Джованни Амендола услышал, как извратили его термин, – он бы перевернулся в гробу...

Надо помнить, что наш Главный герой – человек весьма либеральных взглядов и зазомбирован всем комплексом «управляющих симулякров» либретарианства.

Проспект Гитлера (*нем.*).

Зеркало (нем.).

Известный немецкий скульптор, активно сотрудничавший с нацистами. В частности, его работами «Партия» и «Вермахт» было украшено новое здание рейхсканцелярии.

Победа Гитлера (нем.).

Отсылка к natives (*нем.*) – туземцы.

Энциклопéдия Брокха́уз (Брокгауз) – крупнейшая немецкоязычная энциклопедия, издающаяся с конца XVIII – начала XIX века.

Именно этим, кстати, и объясняется столь большое для «классической» энциклопедии число статей. Например, в последнем 30-томном издании Большой советской энциклопедии было всего около 65 тыс. статей.

«Немецкое золотовосток» (*нем.*) – одна из горнодобывающих компаний Рейха, которая в данной реальности занимается освоением природных богатств захваченных территорий.

Изначально партийные, а затем и административные единицы в Третьем рейхе.

Geheime Staatspolizei (*нем.*), «тайная государственная полиция» – политическая полиция Третьего рейха. Организационно входило в состав МВД Германии и, кроме того, с 1939 г. – в Главное управление имперской безопасности (РСХА), контролируемое нацистской партией и СС.

Sklave (нем.) – раб. В XVIII–XIX веках в западноевропейской публицистике появилась теория, что это слово возникло вследствие того, что Европа в какой-то момент была буквально завалена славянскими рабами и потому их самоназвание «славен», «славянин» стало нарицательным. Но сейчас уже установлено, что это слово пришло из греческого и происходит от глагола σκυλεύειν (skyleuein), означающего «добывать военные трофеи, грабить». Дело в том, что на рубеже античности и Средневековья те, кого называли словами, в древности обозначавшими рабов, превратились фактически в крепостных крестьян. И понадобилось новое слово для обозначения собственно невольников, которые массово поступали на рынки в результате бесконечных войн и столкновений. Однако в условиях этой реальности, в Райхе, несомненно, взяли на вооружение первый вариант трактовки. Так что для Обервеера «награждение» Алекса подобным «оперативным псевдонимом» – это такое изощренное унижение. То есть не только раб, но еще и унтерменш...

Реальная история. Хотя нефть, конечно, отыскивали наши, советские геологи. Искать ее там начали сразу после революции, но, добурившись к 1923 году до глубины в 252 метра, остановились. Нефть же залегала ниже 1 км. Так что первое месторождение было открыто лишь в 1943 г.

Товарищей (нем.).

Ныне Берлинский университет имени Гумбольта. Переименован в 1949 году.

Государственный праздник Третьего рейха. Отмечался 30 января.

Автор знает, что фирма «SAURER» прекратила свое существование в 1986 году, но предполагает, что в условиях, когда Швейцария была поглощена Райхом, в ней куда сильнее держались бы за местные марки.

Крестьянин, фермер (*нем.*).

Сельхозкооператив (нем.).

Свинья – одно из привычных немецких ругательств.

Аллюзия на смартфон. Clever по-немецки – умный, смысленный.

Style sapin (*фр.*) – так в Швейцарии называли стиль «модерн».

Культовый американский «кольт» 45-калибра – это не револьвер, как многие считают, а автоматический пистолет М-1911, начало производства которого приходится именно на 1911 год. В 1921 году был разработан его модернизированный вариант М-1911-А1, который производится до сих пор.

В это время «Тройка Зиновьев – Каменев – Сталин» являлась главным соперником Троцкого в борьбе за влияние на партию. Кстати, именно по инициативе одного из членов этой «тройки» – Г. Е. Зиновьева Сталин и занял в апреле 1922 года пост Генерального секретаря РКП(б). Причем официально предложил его кандидатуру второй член «тройки» – Л. Б. Каменев.

В 1922–1923 году Дзержинский был председателем ГПУ, хотя круг его обязанностей не ограничивался исключительно руководством спецслужбами. Он занимался довольно широким кругом вопросов – от восстановления транспорта и металлургии до борьбы с беспризорностью и развития массового спорта.

В 1912 году В. И. Ленин написал статью, хлестко названную «О краске стыда у Иудушки Троцкого». И хотя после этого Ленин и Троцкий довольно быстро восстановили отношения, а во время революции и Гражданской войны вообще работали рука об руку, так что Ленин даже назвал Троцкого «лучшим большевиком», недоброжелатели Троцкого частенько использовали это определение.

Русский вариант бакелита – одной из первых широко используемых пластмасс.

Сталин знал немецкий язык, но не в полном объеме. В 1926 году в анкете первой переписи населения он указал в разделе «Грамотность»: «На каких языках читает и пишет – на русском, грузинском, или только читает – немецком и английском». Кроме того, в 1912 году он несколько недель прожил в Вене. Но вряд ли у него после этого была достаточная практика, чтобы поддерживать владение немецким языком на достойном уровне.

Фашизм – это итальянское «изобретение» и итальянское слово. От «фасций» – туго стянутых пучков розг, входивших в снаряжение римских ликторов. Муссолини вообще обожал аналогии с Древним Римом... В Германии же были национал-социалисты. И партия у них называлась «Национал-социалистическая рабочая партия Германии». Фашистами же их, похоже, в СССР окрестили для того, чтобы не трепать все священные для страны слова – «рабочая» и «социалистическая».

Кронштадтское восстание (мятеж) – восстание гарнизонов Кронштадтских фортов, моряков Балтийского флота и жителей города против большевиков. Состоялось в марте 1921 года.

Тамбовское восстание (антоновский мятеж) – вооруженное выступление жителей Тамбовской и части Саратовской и Воронежской губерний, разразившееся летом 1920 года и затянувшееся до лета 1921 года. Фактическим руководителем его был эсер А. С. Антонов. Антоновский мятеж известен еще тем, что для его подавления командующий войсками Тухачевский применил химическое оружие. Впрочем, оценки эффективности его применения по большей части крайне невысоки.

Увы, медицинский факт. Наиболее известен факт убийства нескольких десятков тысяч человек в Крыму после занятия его Красной армией в 1920 году. Среди убитых были сдавшиеся в плен после гарантирования амнистии (причем лично Калининым, Лениным, Троцким и главкомом Красной армии Каменевым, за подписями которых вышло обращение к врангелевцам, опубликованное 12.09.1920 в газете «Правда») солдаты и офицеры армии Врангеля, раненые и медицинские работники, местные жители. Наиболее достоверной цифрой сейчас считается 52 тыс. убитых, хотя есть оценки и в 120 и даже в 150 тыс. человек. Но это самый известный факт. Были и другие. И хотя к террору прибегали обе стороны конфликта, цифры убитых довольно сильно разнятся. Например, в том же Крыму во время «белого террора», по установленным данным, погибло всего около 1,5 тыс. человек. И даже если кого-то не учли и цифра несколько больше, это все равно в 20–30 раз меньше, чем было уничтожено после захвата Крыма «красными»...

Золотая монета Государственного банка СССР, выпущенная в 1923 году. Дизайн монеты разрабатывался еще до заключения Договора об образовании СССР, подписанного 29 декабря 1922 года, поэтому на аверсе был выдавлен герб РСФСР. По весу и пробе была полностью идентична николаевскому империалу 1899 года.

Части, сформированные в 1915 году во время Первой мировой войны из жителей Лифляндской, Курляндской и Витебской губерний. Во время революции и Гражданской войны латышские полки поддержали большевиков и стали одними из первых воинских частей РККА. Являлись самым крупным национальным военным формированием на службе в Красной армии.

Советскую номенклатуру создал именно Сталин. И именно выделение, обособление и сосредоточение основных государственных полномочий в руках партийной номенклатуры и сделало должность всего лишь «секретаря партии» первым лицом государства. Именно после Сталина самым главным в схватке за власть стало закрепить за собой не имеющий никакого отношения ни к одной из конституционно закрепленных государственных должностей «титул» Генерального секретаря ЦК КПСС. Все остальное к нему уже прилагалось...

Санкт-Петербург в Петроград был переименован в августе 1914 года, а Ленинградом стал сразу после смерти Ленина в январе 1924 года.

Толар – валюта независимой Словении в период с 1991 по 2007 год. Названа по аналогии с «талером», австрийской имперской монетой. Кстати, от него же получил свое название и доллар.

А ну пошли прочь, проклятые румыны, или я вам башку отстрелю!
(нем.)

Эй, я не хочу проблем! (нем.)

Ты не румын? (нем.)

Нет, я австриец! Помогите мне, у меня угнали машину (*нем.*).

Бывает... – Если сможешь поменять колесо – довезу тебя до города.
Но в полицию не пойду. Все равно бесполезно... (нем.)

Пушер – мелкий торговец наркотиками, напрямую работающий с «клиентами».

Автор считает, что космический рывок был обусловлен в первую очередь двумя факторами – жизненной необходимостью СССР получить в свое распоряжение надежные средства доставки ядерного оружия на территорию США и крупным пулом ракетных технологий, захваченных СССР у Германии. Не было бы хотя бы чего-то одного – все шло бы куда медленнее. Потому что те же американцы, захватившие в Германии в этой области в разы, а то и на порядок больше русских, вкупе с самим фон Брауном, до резкого рывка СССР не мычали и не телились... Здесь же СССР, вследствие совсем по-другому закончившейся войны, с захватом технологий пролетел.

Доктор философии в области экономики (*нем.*). Доктор философии – ученая степень на Западе, примерно соответствующая советской/российской степени «кандидат наук».

Беренграбен (нем. Bärengraben, «Медвежий ров» или «Медвежья яма») – расположенная в самом центре Берна достопримечательность швейцарской столицы, представляющая собой круглую яму и ров с водой с примыкающим к нему небольшим парком, в котором живут медведи, являющиеся символом Берна.

Реальные цифры. Даже в США, по исследованиям, опубликованным авторитетнейшим Bloomberg, 80 % вновь открытых бизнесов разоряются в течение первых 18 месяцев. Хотя цифры выше 90 % характерны скорее для кризисных стран.

Эта история довольно свежая – гремела почти весь 2017 год. Исследования, предпринятые журналистами и контролирующими органами «молодых» членов ЕС, показали, что растворимый кофе Jacobs Krönung на прилавках в Чехии содержит на 30 % меньше кофеина, чем такой же, но продаваемый в Германии. «Немецкий» маргарин Rapa на 10 % жирнее, чем «чешский». Банка консервированного тунца и там, и там выглядит одинаково, однако к западу от границы она наполнена цельными кусками рыбы, а к востоку – размолотой массой, по сути, отходами производства. При этом в Германии банка стоит один евро, а в Чехии внешне точно такая же – около полутора евро. Вафли Manner в Венгрии не такие хрустящие, а крем Nutella менее мягок и не так легко намазывается, как в Австрии. Кока-кола в Словакии и Венгрии в качестве подсластителя содержит кукурузный сироп – изоглюкозу, которая намного дешевле, чем обычный сахар, добавляемый в этот напиток в Германии и Австрии.

ЭПРОН (Экспедиция подводных работ особого назначения) – государственная организация в СССР, занимавшаяся подъемом судов и подводных лодок. Создана приказом ОГПУ № 528 17 декабря 1923 года.

HMS Prince – британский парусно-винтовой транспорт, затонувший в ноябре 1854 года у Балаклавы. По легенде, он вез казну английской армии, осаждавшей Севастополь, объем которой составлял 200 000 фунтов стерлингов золотом. ЭПРОН был создан именно под проект подъема этого корабля. Но за пять лет поисков (1923–1928), в которых на последнем этапе поучаствовала даже японская фирма, было найдено только семь золотых соверенов.

Букв. «чудо-оружие» (*нем.*) – термин, введенный в оборот германским министерством пропаганды как совокупное название ряда масштабных исследовательских проектов, направленных на создание новых видов вооружений.

Главное артиллерийское управление – ныне Главное ракетно-артиллерийское управление МО РФ, орган военного управления, отвечающий в том числе и за принятие на вооружение армии новых образцов оружия.

Карабин Мосина образца 1944 года выпускали почти по всему Варшавскому договору аж до 1954 года. Но первые партии, выпущенные СССР, оказались весьма посредственного качества, поскольку делались еще по упрощенным массовым технологиям времен войны.

Первый образец миномета придумали и сконструировали во время обороны Порт-Артура двое русских офицеров – капитан Л. Н. Гобято и мичман С. Н. Власьев.

В налоговом законодательстве США есть норма, предписывающая гражданину США выплачивать стране налоги вне зависимости от места проживания. Она действует и в настоящее время.

Тут Алекс немного ошибается. В это время данная организация еще именуется просто Бюро расследований. Федеральным оно стало только в 1935 году после ряда слияний и реорганизаций.

Фамилия и название банка выдуманы и не имеют никакого отношения к реальности.

Джон Эдгар Гувер стал директором Бюро расследований в мае 1924 года, после того как его предшественник Уильям Джон Бернс был вынужден уйти в отставку из-за коррупционного скандала, связанного с незаконной сдачей в аренду принадлежавших государству нефтеносных участков.

Арам, Арам, скорее, бери пистолет и иди сюда! К нам залез вор! (*арм.*)